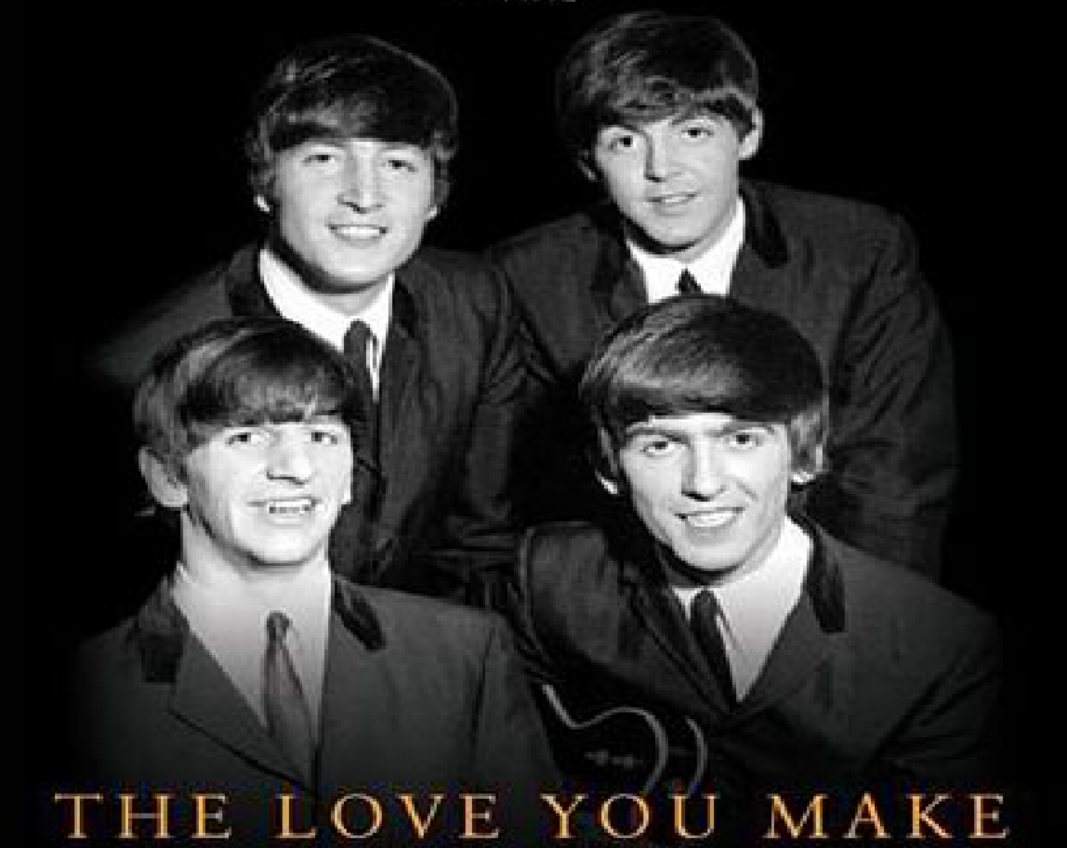
THE NATIONAL BESTSELLER

WITH A NEW FOREWORD BY ANTHONY DE CURTIS

"THE BEST BACKSTAGE BEATLES BOOK."
—*TIME*



THE LOVE YOU MAKE

AN INSIDER'S STORY OF THE BEATLES

PETER BROWN & STEVEN GAINES

SHOUT
SHARE
IT

- Питер Браун, Стивен Гейнз. Любовь, которую ты отдаешь
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Питер Браун, Стивен Гейнз. Любовь, которую ты отдаешь

And in the end the love you take
is equal to the love you make

ПРЕДИСЛОВИЕ

Питер Браун познакомил меня с Джоном Ленноном осенью 1974 года. Я тогда работал в еженедельнике «Нью–Йорк Санди Ньюс», а Питер был президентом «Роберт Стигвуд Органайзейшн», выпускавшей шоу под названием «Сарджент Пеппер'з Лоунли Хартс Клаб Бэнд он Бродвей». Почетный гость на свадьбе Джона и Йоко, он являлся также их близким и преданным другом. Только ради Питера Джон Леннон согласился поддержать «Сарджент Пеппер'з Лоунли Хартс Клаб Бэнд он Бродвей», приняв участие в пресс–конференции в Бикон Театр и дав несколько интервью. Я был в числе тех журналистов, которым повезло.

После моего интервью с лаконичным и наводящим ужас Джоном Ленноном мы с Питером поехали посмотреть, как проходит репетиция шоу. По дороге я попытался выудить у Питера несколько анекдотов о днях, проведенных с «Битлз», но он объяснил, что никто из тех, кто был тесно связан с «Битлз», никогда не давал о них интервью. Даже Бриан Эпштейн, знаменитый менеджер «Битлз», брал со своих работников письменное обязательство никогда не давать о них интервью и не рассказывать об их работе.

В 1979 году Питер Браун ставил фильмы в Лос–Анджелесе, и к тому времени его завалили самыми различными предложениями, связанными с «Битлз». Это были всевозможные пьесы и мюзиклы, книги и сценарии для фильмов, ему предлагалось быть «специальным консультантом» но фильмам и хронике. Поступило несколько предложений с телевидения. За исключением редких интервью с известными журналистами, Питер все эти предложения отклонял. За несколько лет он прочитал множество книг, просмотрел все кинокартины и телешоу, а также прослушал всех экспертов, подробно объяснявших, что же произошло. Некоторые из них допускали неточности, а большинство полностью искажали действительность. Даже грандиозный, основанный на документах, фильм Филипа Нормана «Кричи!» рассказывал лишь об официальной версии, а не об истинных причинах случившегося. Отчасти это произошло из–за печати молчания, а отчасти потому; что в живых осталось очень мало людей из тех, кто мог бы рассказать правду, если бы захотел: этими людьми были Джон, Пол, Джордж, Ринго, «пятый битл» дорожный менеджер Нил Аспинол и сам Питер Браун.

Поэтому я был очень обрадован, когда в октябре 1979 года Питер Браун попросил меня написать с ним книгу. Мы решили,

что это не будет ни скучной хроникой, ни биографией каждого отдельною музыканта с описанием внешности каждого, ни музыкальным анализом, а трагическим повествованием человека, посвященного в тайну, сагой о жизни «Битлз». В течение последующих трех лет Питер открывал запертые двери, устраивал встречи и интервью, добывал для меня личные письма, документы и дневники, которые до этого никогда не предавались гласности. Благодаря ему я не только узнал их секреты, но и постепенно вошел в их избранный круг. С Синтией Леннон мы особенно подружились, так же как и с Нилом Аспинолом, проводившим со мной долгие часы в откровенных беседах. Я надеюсь, что на страницах этой книги мне удалось воздать им должное.

Мы с Питером Брауном хотели бы поблагодарить многих людей, пожертвовавших своим временем для того, чтобы рассказать правду. Джон Леннон благословил нас, Йоко Оно была любезна и помогала в течение того долгого времени, что готовилась книга, включая и многочасовые интервью. Трагическая смерть Джона — когда книга была написана лишь наполовину — только укрепила ее готовность помогать, она даже предоставила Питеру свое имение на Палм Бич для работы над книгой. Пол и Линда Маккартни также были искренни и не жалели времени. Пол приглашал нас к себе домой и провел с нами несколько дней в Сассексе и Лондоне, помогая готовить наиболее щекотливые материалы. Джордж Харрисон, возможно, самый скрытный из всех битлов, пригласил нас в свое имение Приар Парк в Хенли на Темзе, где дал потрясающее и очень откровенное интервью. Мы также благодарим Ринго Старра, Нила Аспинола, ближайшего друга «Битлз», Маурин Старки, первую жену Ринго, Патти Харрисон Клэптон, первую жену Джорджа, Алексиса («Волшебного Алекса») Мардаса.

Особенно хочется поблагодарить Синтию Леннон, которая поведала нам историю своей любви и замужества, и Куини Эпштейн, которая с болью рассказала нам о жизни Бриана, что явилось проявлением ее расположения к Питеру Брауну.

И, наконец, мне бы хотелось поблагодарить своего агента Джона Хокинса за его самоотверженность и защиту, Джозефа Омшана за его издательские предложения и постоянную помощь и моего мудрого редактора Глэдис Юстин Карр, которая смогла сохранить дух этой книги и живого автора на страницах.

СТИВЕН ГЕЙНЗ

Уайнскотт, Нью–Йорк

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мне довелось наблюдать водоворот
событий и не потонуть в них…

Синтия Леннон

Бассанини Твист

1

У нее перехватило дух, когда она их так застала. О, она ждала этого долгие годы, почти надеясь, что это случится, но все же, когда Синтия Леннон вернулась домой после двухнедельного путешествия по Греции теплым солнечным майским днем 1968 года и увидела, как ее муж и маленькая японка–художница по имени Йоко Оно в банном халате завтракают, она лишилась дара речи. Она попыталась сказать что–нибудь остроумное, не теряя присутствия духа, но как только открыла рот, то поняла, что не может даже дышать. И не потому, что удивилась при виде Йоко Оно, просто это было так ужасно, так жестоко.

Около 4 часов дня Синтия Леннон и ее спутники прибыли в Кенвуд, дом в стиле псевдотюдор стоимостью 70 000 фунтов, который Джон приобрел 4 года назад в Уэйбридже — пригороде, где жили банкиры, находящемся в 40 минутах езды от Лондона. Синтия ненадолго уезжала вместе с Дженни Бойд, сестрой Патти, жены Джорджа Харрисона, и одним из ближайших друзей Джона, «электронным чародеем» Волшебным Алексом.

Когда они втроем прибыли на такси из аэропорта, ворота не были заперты, при входе горел свет, и Синтии не пришлось воспользоваться карточкой с кодом, чтобы открыть дверь.

В прихожей драпировки были опущены, свет выключен. Синтия и ее друзья остановились на минуту и прислушались. В доме было необычно тихо. Не слышно было ни Джулиана, 5–летнего сына Синтии, ни миссис Джарлет, экономки, ни самого Джона. Синтия подошла к лестнице, ведущей в спальню, и крикнула: «Эй! Где вы? Есть кто–нибудь дома?» — но ответа не последовало. Взглянув на Дженни и Волшебного Алекса, она пожала плечами и, спустившись по четырем ступенькам, вошла в ярко освещенную гостиную. Комната выглядела не как гостиная поп–звезды в зените славы, а как комната отдыха обладающего

вкусом преуспевающего маклера. Полы покрывал толстый черный шерстяной ковер, обстановка состояла из двух диванов лимонного цвета и двух таких же кресел. Диваны стояли друг против друга, между ними — кофейный столик из итальянского мрамора, похожий на огромное пирожное, покрытое глазурью. На полках и на столе были расставлены всякие антикварные вещицы, которые покупала мать Синтии Лилиан Пауэл, проживавшая поблизости и часто наведывавшаяся к дочери и зятю. Джон так не любил свою тещу, что ежедневно давал ей по 100 фунтов на поиски антиквариата, лишь бы избавиться от нее.

И все же, несмотря на все усилия, комната выглядела неуютно и была похожа на мебельный магазин. Синтия и Джон никогда не любили ее. Большую часть времени они находились в другой части дома, в маленькой уютной солнечной комнате, очень милой, с огромными окнами, из которых открывался вид на кирпичную террасу, ведущую к бассейну. Дно бассейна украшал огромный мозаичный зеленый глаз, взирающий на дом. Солнечная комната была заставлена мебелью и аксессуарами рок–звезды. Вдоль одной стены располагались белая стенка и секретер со стереоаппаратурой, журналами и книгами по спиритизму и искусству. На одной дверце секретера Джон прикрепил рекламную вывеску «Молоко полезно». На верхней полке были расставлены черные кубические, таинственно мерцающие светильники, стены украшали постеры и карикатуры Джона в рамках и наиболее значительные цитаты из написанных им двух книг и одной пьесы. Диванчик канапе с коричневыми подушками был слишком коротким для Джона, и он не мог на нем удобно вытянуться, но именно там его и можно было обычно найти с книгой или журналом, обычно, но не сегодня.

«Джон! Ты здесь?» — позвала Синтия из пустой солнечной комнаты. Ей показалось, что из кухни раздался сдержанный смех. Встревоженная, она прошла через обшитую дубом дверь взглянуть, кто там.

Джон в халате стоял перед ней, в левой руке он держал чашку с горячим чаем, а в правой зажженную сигарету «Ларк». Йоко Оно сидела за кухонным столом спиной к двери. Она даже не потрудилась обернуться, но Синтия узнала ее по гриве черных волос, спадающих на плечи. Белая современная, хорошо оборудованная кухня была завалена грязной посудой и объедками и выглядела так, словно хозяева долго в нее не заходили. Шторы опущены, свет приглушен.

«А, привет», — сказал Джон, нарушая молчание. Он спокойно отхлебнул чай, в то время как Синтия всматривалась в его глаза, пытаясь найти ответ. Он выглядел таким усталым, будто всю ночь

пьянствовал и совсем не спал. Его долговязая фигура была заплывшей (результат употребления наркотиков), волосы спутаны и тусклы, и весь он казался каким–то недомытым. Под тонкой круглой оправой очков черные круги, под глазами появились мешки.

Наступила долгая пауза. Наконец Йоко Оно повернулась к Синтии. На ее лице не было и следа замешательства, не было даже намека на желание извиниться или объяснить происходящее. Невероятно, чтобы любовь Джона завоевала эта мрачная, неулыбчивая тридцатишестилетняя женщина с бледным продолговатым лицом и, мягко говоря, небезупречной фигурой, далекой от того, что можно назвать секс–символом. В довершение ко всему она была замужем, и у нее была шестилетняя дочь. Глядя на Йоко, Синтия вдруг заметила, что на ней не просто халат, а ее, Синтии, халат. «А, привет», — произнесла холодно Йоко. И снова наступило молчание, лишь на лице Джона медленно проступила сардоническая усмешка. Казалось, он ждет, чтобы Синтия заговорила первой. И в этот сюрреалистический момент она решила вести себя так, как вела всегда, оказываясь в диких ситуациях, в которые попадала с битлами все эти годы, — как будто ничего необычного не происходит. Будто со стороны она услышала, как произносит маленькую речь, приготовленную в самолете: «Мы бы хотели поехать куда–нибудь пообедать. Завтрак у нас был в Греции, ланч в Риме, и мы подумали, что здорово будет пообедать всем вместе в Лондоне. Вы с нами?»

Когда слова слетели с ее губ, она пожалела о сказанном. Джон пристально смотрел на нее недобрым взглядом. На секунду она испугалась, что он может сказать что–нибудь грубое, как делал всегда, не задумываясь. Она молилась, чтобы он не унизил ее еще больше перед Йоко. Но он только буркнул: «Нет, спасибо».

Она развернулась и выбежала из кухни. Прошлась по комнатам, собирая вещи, чтобы упаковать их, бесполезные вещи, напоминавшие о замужестве. Это были фотографии, на которые она никогда не захочет смотреть, приглашение на вечеринку, о которой она хотела бы забыть. Пока Дженни и Волшебный Алекс ждали ее в холле, она быстро поднялась по центральной лестнице на второй этаж и спустилась в холл, а оттуда в спальню размером с половину теннисного корта, с полками от пола до потолка и стенными шкафами с ее и его вещами. Там стояла широкая кровать, на которой бесконечно долгими ночами она ждала возвращения Джона и в конце концов засыпала одна. По пути в холл Синтия споткнулась о тапочки Йоко Оно, аккуратно выставленные за дверь гостиной, и впервые за все время расплакалась.

Слава Богу, подумала она, что они хоть не спали в ее постели.

2

В глубине души, не признаваясь в этом даже себе, она знала, что их брак был обречен с самого начала. С того самого дня, как они познакомились, Джон сражался со своими демонами и чудовищами, и она мало чем могла ему в этом помочь. Слава и успех обернулись иронией. Мать и отец предали его, Пол предал его, Махариши предал его, и она сама отчасти давным–давно предала его. Она видела, как эти ненасытные пиявки напитывались его энергией и деньгами, как высасывали из него все, без остатка. Последние несколько лет она стояла в стороне, а он барахтался в штормовом море наркотиков. В свои двадцать восемь лет Джон был уже сложившимся наркоманом, за исключением очень коротких и редких периодов жизни. С того дня, как они встретились, он постоянно находился в состоянии алкогольного опьянения или наркотического транса. В Кенвуде на полке в солнечной комнате стояли белая фармацевтическая ступка и пестик, с помощью которых он смешивал различные комбинации наркотических средств, барбитураты и психоделики. С помощью некоторых препаратов он на несколько недель погружал себя в состояние такого глубокого транса, что переставал видеть какие–либо краски, лишь черный и белый цвет. «Что касается меня, — писала Синтия, — все началось с того момента, когда в нашу жизнь пришли гашиш и ЛСД». Но не наркотики отняли у нее Джона, а другая женщина.

То, что этой женщиной оказалась чокнутая японка, явилось для Синтии ошеломляющим открытием. Насколько она помнила, женщины всегда гонялись за Джоном, или его кошельком, или его славой. Женщины были разными — от примитивных шлюх до кинозвезд и писательниц. Несколько недель назад Джон признался в дюжинах измен за восемь лет женитьбы, ни об одной из которых она не подозревала. В этот список побед, по его словам, входила исполнительница фольклорных песен Джоан Баэз, английская актриса Элеонора Брон, журналистка «Ивнинг Стэндард» Маурин Клив, американская поп–певица Джеки Де Шеннон, а также, по его подсчету, было еще около трехсот других девушек в различных маленьких и больших городах мира, и казалось, что никто не сможет надолго задержать его внимание. Пока не появилась Йоко.

В Йоко Оно было что–то такое, чего не было в других: ее

настойчивость граничила с навязчивостью. В ней совмещались упорство и нахальство, она постоянно бродила поблизости, как привидение. К этому времени уже все в доме ее опасались.

После того, как они с Джоном встретились на художественной выставке, от нее невозможно было избавиться. Синтия всегда полагала, что первой ошибкой Джона было то, что он материально поддержал Йоко. Получив деньги для своей выставки, она появилась снова, требуя еще. Охранники студии И–Эм–Ай на Эбби Роуд, где ребята записывали свои альбомы, шутили, что она является частью ограды. Однажды Йоко пригрозила, что прикует себя цепью к воротам, если ее не пустят к Джону. Затем началась продолжительная осада Кенвуда. Сначала шли непрекращающиеся телефонные звонки, а после того, как Джон три или четыре раза менял номер телефона, она стала посылать ему дюжины писем. Синтия перехватывала многие из них и, когда они приобрели оттенок горечи и отчаяния, стала прятать, на случай, если Йоко когда–нибудь выполнит угрозу покончить с собой. Однажды она уже пыталась это сделать в Японии, и письма казались искренними. Как рассказывает Синтия, Йоко писала: «Я больше не могу. Ты — моя последняя надежда. Если ты меня не поддержишь, тогда все, я убью себя».

Очень даже живая, Йоко стала лично являться в Кенвуд и поджидать возле дома, пока Джон приедет или уедет. Она простаивала там с раннего утра до поздней ночи, независимо от погоды, всегда в одном и том же старом черном свитере и стоптанных туфлях, такая злобная, что Дороти Джарлетт, экономка, боялась проходить мимо.

Вопиющая бестактность Йоко проявилась однажды в Лондоне, когда она заявилась на лекцию о трансцендентальной медитации, куда пришли Джон с Синтией. После лекции она вышла вслед за ними, проследовала к «роллс–ройсу» Джона и уселась на заднее сиденье между супругами. Синтия и Джон обменивались смущенными улыбками через ее голову, пока шофер не довез ее до Парк Роу, где она жила вместе с мужем. К тому времени, как Йоко доехала до места, Синтия погрузилась в глубокое уныние из–за того, что этой женщине, очевидно, удалось увлечь Джона своими дикими планами. «Может быть, Йоко — это то, что тебе нужно?» — с тревогой спросила она Джона. Джон рассмеялся своим коротким ядовитым смешком: «Она? Да она слабоумная. Это не для меня. Она больная. Мне она не нравится».

И вот теперь, шесть месяцев спустя, она была в Кенвуде, пила чай и выглядела так, словно она хозяйка дома. Пока Дженни и Волшебный Алекс ждали в такси, Синтия сложила все, что могла, в один чемодан и бросилась вниз по ступенькам, забросила вещи

в багажник такси, где лежали ее сумки, с которыми она путешествовала. Дженни и Волшебный Алекс уселись рядом с ней на заднее сиденье. Все трое молчали, пока такси отъезжало от Кенвуда. Синтия чувствовала, что она здесь в последний раз. У главных ворот закурила сигарету, а потом прикрыла глаза дрожащей рукой и молча заплакала. Синтия курила и плакала, снова и снова удивляясь, как же мог Джон быть так жесток с ней. И все же она продолжала любить его и пыталась оправдать, веря, что они с Джоном связаны судьбой на всю жизнь, что они всегда будут вместе — до смерти и после нее. Она и теперь верит в это.

Но в тот вечер, когда Синтия застала его с Йоко, вера почти иссякла. Она просидела большую часть ночи с Волшебным Алексом, они пили вино и разговаривали в его комнате за столиком с зажженными свечами. К рассвету было выпито много бутылок вина, и тогда она легла в постель с Алексом и занялась любовью с лучшим другом Джона. Так символично закончились навсегда ее отношения с Джоном.

3

На грани любви и ненависти — именно такими были отношения с Джоном с самого начала. Синтия боялась даже находиться рядом с ним, когда увидела его в ливерпульском художественном колледже. Ей тогда было девятнадцать, а ему восемнадцать. Он был новичком, и за год все в колледже узнали, какой он испорченный. В художественном училище 1958 года, когда всем хотелось выглядеть «богемно» и подражать американским «битникам» в черных свитерах–водолазках и двубортных пиджаках, Джон Леннон играл роль крутого неуправляемого тедди боя[1]. Синтия наблюдала за ним украдкой, когда по вечерам он влетал в литературный класс в своем длинном твидовом пальто, с обшарпанной гитарой за спиной, близоруко щурясь на мир из–за очков в черной оправе с толстыми стеклами, — высокий, длинноногий, немного нескладный. Из волос он делал кок на лбу — безуспешная попытка походить на Элвиса Пресли, его идола. У него был быстрый и острый, но очень гадкий язык. Он мог беспощадно высмеять кого угодно, и никто — ни учителя, ни студенты — не был застрахован от его убийственных шуток. К несчастью для Синтии, он сидел прямо за ней на литературных занятиях, и от него не было спасения. Он не делал никаких заданий, через слово неприлично выражался, убивал время, рисуя отвратительных детей–уродов и карликов, а пальцы его загрубели от гитары и пожелтели от никотина. Он

обращался к Синтии только тогда, когда ему нужна была линейка или ручка, которые он никогда не возвращал, а она его слишком боялась, чтобы спросить. Почти всегда от него пахло перегаром, и, хотя он постоянно курил сигареты, своих у него почти никогда не было.

Синтия Пауэл выросла в Хойлейке, довольно шикарном предместье Ливерпуля напротив Мерсей, в домике с террасой у моря.

Она и два ее старших брата получили строгое воспитание, но в семье были сердечные отношения и дети всегда чувствовали защиту. Синтия была хорошей девочкой с красивой бледной кожей, светлыми волосами, яркими голубыми глазами, с приветливой улыбкой и тихим голосом. Она носила строгую юбку и джемпер в тон и встречалась по уик–эндам с одним и тем же мальчиком в течение трех лет, не отваживаясь пойти дальше невинных поцелуев на лестничной клетке. Когда он оставил ее и стал встречаться с другой девушкой, она потратила шесть месяцев, чтобы вернуть его обратно; с этой целью она выгуливала свою собаку по вечерам около его дома и с надеждой смотрела на его окна. Ее отец умер от рака, когда ей было семнадцать лет, а на следующий год она поступила в ливерпульский художественный колледж.

Первые шесть месяцев знакомства Синтия держала Джона Леннона на расстоянии, относясь к нему с большой опаской.

Возможно, она и вообще не захотела бы с ним ближе познакомиться, если бы не его гитара. Однажды в столовой на первом этаже художественного училища, доедая ленч, приготовленный для нее матерью, Синтия заметила небольшую группу студентов, столпившуюся у стойки буфета. Вместе с подругами она подошла посмотреть, что происходит, и увидела Джона. Он сидел на ступеньке, играл на гитаре и с блаженным видом пел. Очки он снял, и она впервые увидела его глаза. Голос у него был приятный, немного специфический, чуть–чуть в нос, с явным ливерпульским акцентом. В нем звучала скорее мука, чем нежность. Синтия не могла оторваться, она стояла в увеличивающейся толпе и слушала песню за песней, пораженная тем, как Джон Леннон вылезает из своей твердой раковины.

Ее отношение к нему резко изменилось в одно утро, несколько недель спустя, когда, сидя в аудитории через несколько рядов за ним, она увидела, как Хелен Андерсон положила руку Джону на голову и нежно погладила его по волосам. Синтию охватила такая безумная ревность, что она чуть не вскочила со своего места. Уж не потеряла ли она голову? Конечно же, она не могла влюбиться в этого вульгарного

грубияна. Но позже, когда после литературных занятий Джон вновь взял гитару и запел, она поняла, что любит его.

На одном из литературных занятий студентов разделили на пары и велели проверить друг у друга зрение. Синтия села так, чтобы оказаться рядом с Джоном. К ее восторгу, результаты проверки показали, что оба без очков почти одинаково слепые. Джон признался, что стесняется носить очки и даже иногда снимает их в кино. К концу лекции они настолько подружились, что стали друг другу кивать при встрече.

Когда Синтия случайно узнала, что Джону очень нравится Брижит Бардо, она решила изменить свою внешность, чтобы понравиться ему. Волосы приобрели бронзовый оттенок и взбились в высокую пышную прическу. Она сменила скромный свитер и прикрывающую колени юбку на черные бархатные брюки и джемпер с большим вырезом, купила накладные ресницы и чулки в сеточку. Через несколько месяцев Синтия уже сама удивлялась, что пьяные в автобусе предлагали деньги, принимая ее за проститутку. И все же Джон совсем не обращал на нее внимания, пока в конце семестра на Рождество не устроили вечеринку. Синтия пришла рано в надежде, что Джон будет там. Она спрятала очки в сумочку и осталась в стороне, стараясь разглядеть его в толпе. Но Джон заявился, когда вечер уже подходил к концу. Он медленно прошел через всю комнату, заговаривая со всеми девушками и перебрасываясь шутками с друзьями. Синтия надеялась, что он подойдет и к ней. От напряженного ожидания ей даже стало плохо. Джон пригласил Синтию на танец. К своему собственному удивлению, она держалась холодно и спокойно. Когда Джон непринужденно предложил пойти вместе на очередную вечеринку, Синтия выпалила: «Мне страшно жаль, но я помолвлена с парнем из Хойлейка». Она и сама не могла поверить, что сказала это, и готова была поколотить себя. У Джона перекосилось лицо. «А я и не предлагал тебе выходить за меня замуж!» — бросил он зло и ушел, оставив ее на танцплощадке.

Однако в тот же день, только позднее, он предложил Синтии пойти с ним и его друзьями в студенческое кафе «Йе Крейк». Синтия взяла ближайшую подругу Филлис Маккензи для «поддержки». Крохотное кафе было заполнено студентами, отмечавшими окончание семестра, и, придя в прекрасное расположение духа, Синтия неожиданно для себя купила Джону и остальным ребятам по нескольку кружек пива. Очень скоро она тоже слегка опьянела, смеялась и болтала, а Джон занимался тем, что поддразнивал Синтию. «Не выражайтесь и не отпускайте пошлых шуток в присутствии мисс Пауэл, пожалуйста, —

предупреждал он с наигранной строгостью. — Разве вы не знаете, что мисс Пауэл монахиня?»

В тот же вечер в однокомнатной квартире друга Джона из художественного колледжа после ужина, состоявшего из рыбы с картошкой, она отдалась Джону на грязном матрасе, брошенном среди банок с краской и сохнущих полотен. Эта квартира на Гамбьер Террас, где Джон жил время от времени, стала их приютом, они встречались там при любой возможности.

Очень скоро Синтия поняла, что любить Джона Леннона нелегко. Он был сердитым молодым человеком, и настроение у него постоянно менялось, как правило, в сторону плохого. Он без причины ревновал Синтию к любому мужчине, на которого она просто смотрела, а сам, не задумываясь, флиртовал с другими девушками прямо в ее присутствии. Друзья предупреждали Синтию: «Ты, должно быть, рехнулась. Ведь он псих. От него нечего ждать, кроме неприятностей, ты сама на них напрашиваешься». Но она отвечала, что за его злостью и этой пугающей позой видит другое — легкоранимого, беззащитного маленького мальчика, только бы он поверил, что она пройдет вместе с ним через все — и плохое, и хорошее. Синтия поклялась никогда не покидать его. «Я отчаянно хотела видеть его в мире с собой, ради его блага и моего».

4

Ливерпуль 1958 года не походил на романтическую сказку. Это был хмурый серый город, население которого пережило осаду в годы войны. Поскольку это был один из четырех самых оживленных портов мира с большим наплывом эмигрантов из Уэльса, Ирландии и Китая, шестьсот акров глубоких доков сделали его основной линией военных поставок через Северную Атлантику и, таким образом, главной мишенью для гитлеровских бомб. По вечерам на город обрушивался настоящий огневой ураган, превративший его в груду щебня.

Джон Уинстон Леннон родился во время одной из таких воздушных бомбардировок 9 октября 1940 года в доме своей матери на Оксфорд–стрит. Его рождение явилось результатом продолжительного, но лишь наполовину серьезного романтического приключения. Джулия Стэнли, мать Джона, встретила его отца Фреда Леннона в Сефтон Парке, одном из немногих зеленых оазисов Ливерпуля. Фред был шестнадцатилетним щеголем, за несколько недель до этого покинувшим стены сиротского приюта, в котором вырос.

Родители и четыре сестры Джулии очень неодобрительно отнеслись к Фреду Леннону, но Джулия считала, что они хорошая пара. Третья дочь в семье, она была упрямой, жизнерадостной девушкой, с высокими скулами и чертовщинкой в темных глазах. Фред же считал себя паинькой и играл любовные песни на банджо в кафе. Их свадьба отсрочилась больше чем на десять лет, во многом из–за работы Фредди — он был стюардом на океанском лайнере, а также из–за несогласия родных Джулии. Однажды, в декабре 1938 года, отчасти чтобы досадить семье Джулии, они пошли в мэрию и поженились. Вечер провели в кинотеатре в ознаменование события, а потом Джулия отправилась к себе домой, а Фред к себе.

Через два года родился Джон. Фред тогда был в море и к Джулии так и не вернулся. Раз в месяц она ходила в контору пароходства за деньгами, которые он присылал для нее и маленького Джона. Деньги перестали поступать, когда Джону было восемнадцать месяцев. Через некоторое время Джулия отправила Фреду письмо, надеясь на ответ. До нее дошли слухи, что он покинул корабль, но никто не знал, что с ним случилось.

Маленькому Джону было пять лет, когда отец вновь появился, его карманы были набиты деньгами, и он хвастался необычайными приключениями. Фредди заявил, что вовсе не дезертировал, а напился во время стоянки в Нью–Йорке и не успел вернуться на корабль. Его арестовали и посадили в тюрьму на Эллис Айленде, а оттуда отправили на корабль «Либерти», отплывавший в Северную Африку. Удача не улыбнулась ему и на «Либерти», где его обвинили в краже спиртного со склада. Когда корабль наконец причалил в Африке, Фредди бросили в тюрьму на три месяца. Затем он проделал долгое путешествие домой, по пути окунаясь во всякие послевоенные аферы: торговал контрабандными чулками, занимался рэкетом и даже совершил убийство.

Джулию не впечатляли нажитые спекуляцией деньги, она хотела развестись с мужем, подумывая о новом замужестве. Фред обещал дать ответ после того, как съездит с сыном на праздники к морю в Блэкпул. Хотя Джулии эта затея не понравилась, она понимала, что не может отказать Фреду в просьбе побыть с собственным сыном, и отпустила Джона с отцом.

У Фреда Леннона и в мыслях не было возвращаться в семью. Его дружок в Блэкпуле уже все подготовил для того, чтобы они втроем эмигрировали в Новую Зеландию, о которой Фреду говорили, что она бурно развивается после войны и это как раз то, что нужно хорошему человеку для того, чтобы заново начать жизнь. Фред намеревался сесть на первое грузовое судно вместе с

Джоном и навсегда покинуть Англию. Но Джулия разыскала их и потребовала вернуть ребенка.

«Теперь я тоже привязался к Джону, — сказал Фред, — и возьму его с собой».

«Нет, не возьмешь, — твердо ответила Джулия. — Где он?»

После бурной сцены они решили, что Джон выберет сам, с кем оставаться. Фредди позвал мальчика, и обрадованный Джон вбежал в комнату.

«Ты приехала, мама? — умоляюще спросил он. — Приехала насовсем?»

«Нет, — ответил отец. — Я уезжаю в Новую Зеландию, а твоя мать едет обратно в Ливерпуль. С кем ты поедешь? С мамой или со мной?»

Детское личико нахмурилось. Он посмотрел на Джулию, помолчал, затем взглянул на отца и произнес: «С тобой». Фредди просиял от гордости, а Джулия поцеловала сына на прощание и вышла.

Вдруг малыш завопил: «Мама! Мама! Я передумал!» — опрометью выбежал из дома и побежал за ней…

Отец и сын не виделись до тех пор, пока кто–то не сообщил Фреду, что Джон стал чем–то, что называется «Битлз».

5

На самом деле не Джулия хотела вернуть Джона, а ее старшая сестра Мими Смит. Именно Мими настояла на том, чтобы она поехала в Блэкпул за малышом, и именно Мими собралась забрать его к себе, чтобы вырастить как родного сына. Замужняя, но бездетная, Мими любила своего племянника. Она так над ним охала и ахала, что Джулия даже ревновала. Но материнство не отбило у Джулии вкуса к ночной жизни, и вскоре после исчезновения Фреда Мими стала заботиться о мальчике.

Мэри Элизабет Смит и ее муж Джордж, владевшие небольшой сыроварней, жили в маленьком, безупречно чистом особнячке на Менлав Авешо, 251. Мими была худой, но сильной женщиной, с темными волосами и доброй, но редко появляющейся улыбкой, которая открывала прекрасные белые зубы. Она нежно любила Джона, но считала, что баловать ребенка — значит, портить его, и она честно старалась быть с ним строгой, разрешала ходить в кино только два раза в год, а на расходы выдавала пять шиллингов в неделю, пока ему не исполнилось четырнадцать. По воскресеньям Мими следила, чтобы он посещал уроки закона божьего и пел в церковном хоре. В пятнадцать лет Джон прошел

конфирмацию. Если кто–то и относился к нему, как к ребенку, то это дядя Джордж, к которому Джон обращался с просьбой дать лишний шиллинг или отпустить на поздний сеанс в кинотеатр посмотреть мультфильмы Уолта Диснея. Его любимым развлечением стал карнавал, устраиваемый каждое лето на Строберри Филдз в общежитии девушек из Армии спасения.

Золотоволосый малыш походил на родню Джулии, и многие принимали Джона за сына Мими. Когда же Джон спрашивал о своих настоящих родителях, Мими говорила, что они разлюбили друг друга и его отец так убит горем, что не может вернуться обратно. Вскоре мальчик забыл о Фреде. «Он словно умер», — говорил Джон. Но не Джулия. Джулия была жива и появлялась в жизни Джона. Она появлялась неожиданно и требовала от него тепла и ласки. Затем так же неожиданно исчезала и не показывалась месяцами. Эти визиты врывались в жизнь Джона и ввергали его в водоворот эмоций. Когда он понял, что невозможно постоянно находиться в напряжении, он перестал на нее реагировать. Джон чувствовал себя в безопасности с Мими и Джорджем, и только время от времени Джулия возникала из небытия, чтобы снова вывести его из равновесия.

Однажды она прибыла в дом на Менлав Авеню в черном пальто с поднятым воротником, закрывающим лицо в синяках и кровоподтеках. Перед мальчиком она притворилась, что попала в катастрофу, но Джон знал, что это неправда, и спрятался в саду, чтобы ее не видеть. Когда он подрос и у него появились друзья и школьные дела, Джулия перестала приходить. Однажды он спросил у Мими, куда она делась, где живет, но Мими только ответила: «Далеко–далеко отсюда».

Джон пошел в начальную школу Давдейл и оказался способным учеником, но ему быстро все наскучивало. И еще в нем проснулось своеобразное, почти гадкое, чувство юмора. Занятия в школе его совершенно не интересовали, зато он часами, склонясь над партой, мог рисовать карикатуры на учителей и одноклассников и писать стихи и рассказы, полные каламбуров. Мими поощряла чтение и стала приносить ему кипы книг из местной библиотеки. Он очень любил поэзию, а стихотворение Льюиса Кэрролла «Бармаглот» из «Зазеркалья» стало его любимым.

И все же, несмотря на христианское воспитание, любовь и тепло, царившие в семье, Джон рос злым и непокорным. К двенадцати годам он был уже хорошо известен в окрестностях как заводила и уличный террорист.

На третьем году учебы в средней школе он оказался самым последним по успеваемости. Учительница написала в своем

рапорте: «Он просто отнимает время у других учеников».

Мими ничего не могла понять. Она ругала Джона, угрожала всякого рода наказаниями, но на него ничего не действовало. Больше всего ее беспокоили постоянные кражи, а когда он стащил из ее кошелька особенно большую сумму, она его побила.

Однажды, в июне 1953 года, Джон вернулся после каникул, которые он проводил в доме другой тетки, и увидел, что Мими всхлипывает на кухне, нарезая кубиками морковь. «Мими, что случилось?» — удивился Джон.

«Твой дядя Джордж умер», — сказала она. Джорджа забрали в больницу за день до этого с подозрением на цирроз печени, и там он неожиданно скончался от кровоизлияния в мозг. Джон оцепенел; еще один родитель уходил из его жизни. По мере того, как дом быстро наполнялся родственниками Мими и Джорджа, он чувствовал себя все более несчастным. Не желая проявить свое горе на людях, Джон спрятался в своей спальне наверху, но так и не смог заплакать. Он уже начинал привыкать к потерям.

6

Через несколько месяцев после смерти дяди Джорджа в доме неожиданно появилась Джулия. Но не та, в черном пальто, со следами побоев на лице, которую он помнил. Это была молодая привлекательная женщина с огоньком и чувством юмора, удивительно напоминающим его собственное. Оказалось, что живет она не «далеко–далеко», как утверждала Мими, а всего лишь в нескольких милях, в Спринг Вуде, с официантом Джоном по прозвищу «Тик», из–за нервного тика, сводившего лицо. Джулия родила от Тика двух дочерей, но официально все еще считалась женой Фреда.

Чем больше Джон узнавал Джулию, тем больше она ему нравилась. Он с восторгом рассказывал о ней своим друзьям и не мог дождаться, когда она зайдет на Менлав Авеню. Влияние Джулии отразилось и на школьных отношениях. Джон стал еще более вызывающим и презрительным к учителям, и Мими звонили из школы почти каждый день. Частые наказания не оказывали на него никакого действия. Он был худым, но высоким и сильным, и сила его подкреплялась взрывным темпераментом. Однажды стычка с преподавателем переросла в драку. Джон так быстро одержал победу, что учитель не рискнул доложить об этом случае школьным властям. Как–то Джону запретили посещать занятия в течение недели. Это считалось самым суровым и позорным наказанием, хуже было только исключение. Но когда

он вернулся в школу, ничего не изменилось. В шестнадцать лет он завалил все экзамены, которые сдавали студенты, решившие продолжить образование, а к последнему классу был самым плохим учеником среди двадцатилетних.

Казалось, его академическая карьера закончена, но Мими удалось уговорить мистера Побджоя, директора школы, написать почти сердечное рекомендательное письмо, где говорилось, что Джон «не безнадежен и может оказаться весьма ответственным и далеко пойти». Побджой даже договорился о том, что Джона примут на собеседование в ливерпульский художественный колледж. Казалось, что Джона ничто, .кроме рисования, не увлекало, хотя м–р Побджой не собирался информировать администрацию художественного колледжа о том, что Джон завалил выпускной экзамен, нарисовав гротескного горбуна с кровоточащими мозолями для того, чтобы проиллюстрировать тему «путешествие».

К большой досаде Джона, Мими настояла на том, чтобы проводить его на собеседование в художественный колледж, не то он заблудится и не вернется. Она почувствовала громадное облегчение, когда в 1957 году Джона приняли в колледж.

7

К лету стало ясно, что Джона не интересуют ни учеба, ни живопись, ни его будущее вообще. Похоже, что интерес его сосредоточился на американском безумии под названием «рок–н–ролл», производном от черных ритмов и блюзов с громким ритмичным сопровождением ударных инструментов. В Англии по радио рок–н–ролл не передавали. Там не было коммерческого радио в той форме, в какой его знали американцы. Британская радиовещательная корпорация Би–би–си контролировала три существующие радиостанции и их репертуар. Внутренняя станция передавала новости и пьесы с музыкальными вставками. Развлекательная станция передавала музыкальные программы, произведения для которых отбирались по письмам на передачи типа «Семейные фавориты». Однако время для музыки строго ограничивалось, музыка для передач записывалась заранее, а музыканты, которых приглашали для выступлений в прямом эфире, должны были играть в соответствии с существующими стандартами. Третья станция, Классическая, передавала только серьезные радиопостановки и классическую музыку.

У Джона Леннона в Ливерпуле было только две возможности слушать рок–н–ролл. Во–первых, пластинки, которые привозили

из Америки молодые люди, работавшие на судах, во–вторых, по Радио–Люксембург, частной коммерческой радиостанции, которая вещала достаточно громко, чтобы ее услышали в Центральной Европе и Великобритании. Кроме того, каждый вечер в восемь часов начиналась передача «Инглиш Сервис» — английские фирмы звукозаписи закупали время для демонстрации своей продукции. Джон слушал «Инглиш Сервис» в своей спальне по дешевому транзистору, приходя в экстаз от плохо прослушиваемых скрипучих звуков рок–н–ролла.

Затем произошли три важнейших музыкальных события. Сначала возникло увлечение, охватившее в 1956 году всю Англию, называлось оно «вокально — инструментальные ансамбли» — форма американской игры на гладильной доске и на жестянках. Затем вышел фильм об американских юных преступниках «Джунгли школьной доски». Фильм романтизировал бунт подростков, а песня «Рок вокруг часов» не была похожа ни на что прежде звучавшее в Великобритании. Ее исполнял полный лысеющий певец средних лет Билли Хэли, и в этой мелодии звучало такое захватывающее неистовство, что она действовала на Джона, как наркотик. И, наконец, появилась первая рок–звезда — юноша, соединявший в себе молодость и вызов. Его песня называлась «Отель разбитых сердец». А звали его Элвис Пресли.

Элвис. Элвис. Элвис. Элвис! Прическа Элвиса, его костюм, его походка и особенно его гитара. Через несколько недель Мими уже не могла о нем слышать. «Элвис Пресли — очень хорошо, Джон, но я не хочу его иметь на завтрак, обед и к чаю».

Самой большой мечтой Джона была гитара. Мими повела его в магазин музыкальных инструментов и купила первую гитару за 17 фунтов. Маленький испанский инструмент с дешевыми металлическими струнами. Он играл на ней до тех пор, пока не стер пальцы до крови. Мими смотрела, как он теряет час за часом, день за днем с этой проклятой штукой, и жалела, что купила ее. «Гитара — очень хорошо, Джон, — предостерегала она, — но этим не заработаешь на жизнь».

Первая группа Джона называлась «Кварримен». В нее вошли приятели Джона, жившие по соседству, — Пит Шоттон, Ниджел Волли и Иван Воган, и другие ребята из школы. Они участвовали в многочисленных конкурсах, проводившихся в округе, играли на танцах в школах, на уличных распродажах, на церковных праздниках. На один из таких церковных праздников жарким субботним днем 6 июля 1957 года в Церковь Святого Петра в Вултоне Иван Воган пригласил своего школьного друга Пола Маккартни. Юный Маккартни — ему тогда было всего

четырнадцать лет — пришел не потому, что заинтересовался музыкой «Кварримен», просто Иван Воган убедил его в том, что на этом празднике очень легко подцепить девчонок.

Джеймс Пол Маккартни в свои четырнадцать лет уже встречался с девушками. К пятнадцами годам из пухлого ребенка он превратился в красивый, с оленьими глазами и сложившимся стилем, секс–символ. Девушки были его главной заботой, и именно об этом он думал в тот день, когда ехал на велосипеде к большому полю в верхней части дороги, ведущей к церкви, где уже начинался праздник. На нем была белая спортивная куртка с широкими отворотами и черные брюки–дудочки. Набриолиненные волосы были зачесаны вверх красивой волной.

Праздник начался шествием по улице, затем были карнавал, продажа домашних пирожных и пирогов и демонстрация полицейских дрессированных собак из ливерпульского полицейского управления. Ответственность за музыкальное сопровождение праздника лежала на группе «Кварримен»,

Позднее, вечером, в прохладном зале церкви, Пол попросил гитару у одного из парней и начал играть. В глазах спонтанно собравшихся слушателей он явно был виртуозом. Ребят особенно потрясло то, что он умеет настраивать гитару: таким талантом пока никто из них не мог похвастаться. Слушая радио, Пол выучил все мелодии и стихи наиболее популярных песен, в том числе «Рок двадцати полетов» — новую, полюбившуюся всем песню, которая была слишком сложной для исполнения. Он пел чистым приятным голосом, без напряжения, и мог брать высокие ноты так же легко, как мальчик из церковного хора.

На Джона игра Пола произвела сильное впечатление, но он был слишком горд, чтобы признаться в этом. Про себя Джон думал: «Он неплохо играет, но я, конечно, раза в два лучше». Пол, великодушный, как всегда, предложил переписать слова песни «Рок двадцати полетов» и песню Жина Винсента «Be Bop a Lula», чтобы Джон их выучил. Когда Пол возвращался после праздника домой, его догнал Пит Шоттон: «Эй! Они говорят, что возьмут тебя в группу, если ты захочешь».

8

Для музыкальных способностей Маккартни, равно как и для его любовных увлечений, были предпосылки. Отец Пола Джеймс Маккартни, любвеобильный холостяк и музыкант, женился только в тридцать девять лет. Хотя Джим зарабатывал себе на жизнь, работая на хлопковой бирже, по вечерам и в уик–энды он

руководил популярным ливерпульским оркестром под названием «Джим Мак Джаз Бэнд». Он бросил это занятие только потому, что вставные зубы стали мешать ему играть на трубе. В 1941 году Джим женился на Мэри Патрисии Мохин, и она сразу же забеременела. 18 июня 1942 года в больнице Уолтон Дженерал родился Джеймс Пол Маккартни. Мэри, работавшая прежде сиделкой в родильном отделении, получила отдельную палату и лечение. Когда Джиму разрешили зайти в палату взглянуть на новорожденного, он увидел красного, визжащего ребенка и подумал: «Как кусок сырого мяса». В 1944 году в семье Маккартни родился второй ребенок, Мишель.

Сначала семья жила в Анфилде, в меблированных комнатах, затем в муниципальном доме в поместье Ноуси, Уолласи, а потом переехала в Спик, в шести милях от центра Ливерпуля, где жили бесплатно, в обмен на работу Мэри в местном медицинском пункте управления жилым фондом. Именно из этого дома на Ардвик Роуд Пол пошел учиться в начальную школу на Стоктон Вуд Роуд, а позднее вместе с младшим братом Мишелем стал ходить в школу Джозефа Уильяма. В конце концов, когда Полу исполнилось тринадцать лет, они переехали в третий раз, на Фортлин Роуд, 20.

Пол был хорошим учеником, послушно себя вел и не стеснялся выглядеть изысканно. Он рано узнал ценность добрых отношений с людьми и стал оттачивать в себе дипломатичность. Когда ему было выгодно, он легко притворялся. В 1953 году его приняли в ливерпульский институт, лучшее высшее учебное заведение в городе.

Летом 1955 года Пол и Мишель отдыхали в бойскаутском лагере. Дождь лил, не переставая, целую неделю, и Мэри с Джимом, беспокоясь, что мальчики промокнут в своих палатках, поехали навестить их, взяв с собой сухую одежду и брезент для пола. По дороге домой в машине Мэри почувствовала сильнейшую боль. Вечером, когда к ним зашел Олив Джонсон, близкий друг Джима по работе, и помог уложить ее в постель, Мэри прошептала: «Я не хочу пока оставлять мальчиков». Через несколько дней ее прооперировали в старой городской больнице Нозерн, но слишком поздно. Через несколько часов после операции она умерла от рака груди.

В ту ночь мальчики не могли уснуть, пока не выплакались. Еще несколько месяцев после смерти матери Пол молил Бога, чтобы тот передумал и вернул ее обратно.

Но жизнь продолжалась. Так же, как и многие ливерпульские мальчики. Пол увлекся гитарой и попросил отца купить ее. Элвис Пресли и братья Иверли стали его идолами, он выучил все их

песни, мимику и стиль. Его имитация «Малыша Ричарда» была абсолютно точна, и однажды в Бутлинском летнем лагере он уговорил брата Мишеля участвовать с ним в самодеятельном конкурсе. Они не победили, но Пол понял, как ему нравится выступать перед публикой, как сладок звук аплодисментов…

9

Пол с Джоном подружились, несмотря на то, что двухлетняя разница в возрасте казалась им вначале огромной. Но постепенно она стала незаметной, благодаря общности интересов и схожести, хотя внешне трудно себе представить двух более разных людей. Детское лицо Пола выражало достоинство, совестливость и почтение к старшим. Джон не признавал никаких авторитетов и был безнравственен.

К обоюдному удовольствию ребят, здание ливерпульского института, в котором учился Пол, находилось в непосредственной близости к зданию художественного колледжа, где учился Джон. Они проводили долгие вечера в доме Пола на Фортлин Роуд, разучивая песни, показывая друг другу аккорды и совершая налеты на буфет с вареньем. Иногда они играли, стоя в выложенной кафелем ванной комнате, чтобы получить лучший резонанс. Их голоса в совершенстве дополняли друг друга, нежные округлые звуки голоса Пола смягчали напряженные носовые ноты Джона. Началось состязание в сочинении песен о любви, которое подогревало их творчество в последующие годы. Однажды Пол сыграл Джону песню своего собственного сочинения, а Джон с ходу сымпровизировал что–то свое, чтобы не быть побежденным. Хотя вместе они сочиняли только в течение года или двух, в тот первый год они написали более ста песен (к сожалению, они пропали, когда Джейн Ашер делала весеннюю уборку в лондонском доме Пола). Джону легко удавалось придумать начало мелодии к песне, но у него не получались переходы и паузы. А у Пола открылась особая способность сочинять «средние восемь» тактов. Лирические красивые мелодии Пола сменялись резкими роковыми ритмами Джона.

Как только Пол стал членом группы «Кварримен», он начал указывать остальным ребятам, как им играть и когда. Даже Пит Шоттон, один из самых давних и близких приятелей Джона, почувствовал себя несколько забытым из–за того, что Джон молча принимал все требования Пола. Он покинул группу вслед за Иваном Воганом. Их места заняли другие, постоянно сменяющиеся музыканты, которые подыгрывали дуэту Леннона–

Маккартни.

Тетя Мими считала, что Пол Маккартни разжигает тот костер, в котором Джон будет гореть в аду. Обаяние Пола и его безукоризненное умение ладить с людьми не могли ее провести. Обычно Пол подъезжал к дому на велосипеде и спрашивал Джона. «Привет, Мими! Можно войти?» «Конечно, нет», — обычно отвечала Мими.

К лету 1958 года, в конце первого года учебы Джона в художественном колледже, борьба с Мими стала тягостной. Поскольку она оплатила его первый год учебы из собственных сбережений, то чувствовала, что у нее есть все права говорить о том, как он одевается, с кем общается и куда ходит. На «Кварримен» она смотрела с неодобрением. Когда брюзжание Мими слишком надоедало Джону, он уходил в дом Джулии в Спринг Вуд. Джулии очень нравились ребята из «Кварримен», и она даже знала все слова песен из их репертуара. Когда у Джона с Мими особенно портились отношения, он вихрем уносился из дома и ночевал у Джулии на диване. Это очень обижало и сердило Мими. Хотя она и предполагала, что Джулия покрывает Джона, сестры продолжали тесно общаться, и Джулия стала частой гостьей в доме на Менлав Авеню. Жаркими летними вечерами она часто заходила выпить чаю в саду и оставалась на обед, рассказывая анекдоты и болтая с соседями. Однажды вечером, после очередного визита к Мими, Джулия возвращалась домой. Она была всего в 200 ярдах от ворот дома, и тут тихий летний вечер прорезал жуткий скрип тормозов и звук сильного удара. Тело Джулии высоко взлетело в воздух и упало на другой стороне улицы. Когда Мими подбежала к трамвайным рельсам, Джулия была мертва.

10

За несколько месяцев до несчастья Джои спросил Пола: «Как ты можешь тут сидеть и вести себя, как обычно, если твоя мать мертва? Если бы со мной такое случилось, я бы рехнулся».

Верный своему слову, он действительно рехнулся. Казалось, он всех считал виновными в смерти матери и намеревался мстить. Его злость и горе были беспредельны. Когда шесть недель спустя Джон вернулся в колледж, то стал еще хуже, чем был. Однокашники вспоминают, что видели, как он сидит в одиночестве, не отрываясь, смотрит в окно и плачет. Он держал себя в алкогольном ступоре, убивающем боль, и почти всегда был слегка пьян. Его стали избегать все, кроме ребят из группы. Ни

одна девушка не хотела с ним встречаться. Именно тогда, в 1958 году, он и познакомился с Синтией Пауэл, вознамерившей спасти его от самого себя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

… и я знаю, что когда–нибудь где–то мы с Джоном всегда будем вместе.

Синтия Леннон

Твист, 1982

1

Синтия Пауэл посвятила себя Джону со страстью религиозной фанатички. Человеку, более уверенному в себе, такое внимание могло бы быть в тягость, но Джон наслаждался. Синтия убегала из школы и из дома для того, чтобы побыть с ним. Они встречались даже в короткие интервалы между занятиями в колледже и обнимались за шкафами в подвале. Она платила за его сигареты и кофе и без устали просиживала на жесткой скамейке на его любимых вечеринках в «Якаранде», сжимая его руку под столом, часами глядя ему в глаза и слушая его рассказы о жизни.

«Якаранда», или так называемый «Як», стал любимым местом сборищ многочисленных бит–групп города. «Як» находился на самой окраине шумного Чайна–тауна. Его месторасположение и политика невмешательства городских властей создали очаровательный уголок, где студенты, художники, бит–музыканты, западные индейцы, белые, черные, китайцы и просто прохожие с улицы собирались по вечерам. Владельцем «Яка» был Аллан Уильямс, словоохотливый джентльмен небольшого роста, обладающий незаурядным северным шармом. Этот своеобразный предприниматель в свое время продал все — от электрических пишущих машинок до домашней библиотеки. Уильямс стал любимцем мальчишек после того, как оборудовал свой подвал под маленький клуб. Бит–музыканты города проводили время до рассвета за маленькими столиками, пили кофе и принесенное с собой спиртное и слушали «крутую» музыку.

Именно в «Яке» Синтия познакомилась с друзьями Джона. Особенно ей нравился один студент–художник, маленький, бледный, немного не от мира сего молодой человек по имени Сту Сутклифф. Синтия уже слышала о девятнадцатилетнем художнике в школе, где его чрезвычайно уважали, как самого

талантливого и подающего надежды студента. Девочки считали его неотразимым, и все говорили, что он — точная копия Джеймса Дина, в особенности благодаря своему мрачноватому романтическому облику и темным очкам, которые он никогда не снимал. Если дружба с Полом ограничивалась музыкой и совместными развлечениями, со Сту Джон ощущал глубокую духовную связь. Он не только восхищался талантом и творчеством Сту, но и ценил его за страстную любовь к искусству Джона.

В то время группа искала нового бас–гитариста. Джона не волновало, что у Сту нет ни малейшего представления о том, как играть на инструменте, и ни малейшего желания стать членом рок–группы. Он так загорелся этой идеей, что Сту наконец сломался, и независимо от того, нравилось это другим членам группы или нет, он неожиданно стал играть с ней.

Меньше всего Синтии нравился надоедливый малыш Джордж Харрисон. Он был почти на пять лет моложе Синтии и по–мальчишески развлекал ее. Тощий и бледный, он был к тому же прыщав. Скорее скрытный, чем застенчивый, он откровенно идеализировал Джона и во всем ему подражал. Одевался Джордж крикливо, а волосы носил гораздо длиннее, чем у его сверстников. В остроносых ботинках, розовой рубашке с торчащим воротником, канареечном жилете, Джордж таскался за Джоном и Синтией всюду, куда бы они ни шли. Еще слишком маленький для того, чтобы всерьез встречаться с девушками, он и представить себе не мог, что молодая пара хотела бы побыть наедине. Джордж вечно болтался поблизости, стараясь привлечь внимание Джона, и устраивался рядом с Джоном, когда они ходили в кино. В те редкие минуты, когда Джону и Синтии казалось, что им удалось избавиться от Джорджа, он неожиданно появлялся из–за угла и бежал за ними, возвещая о своем появлении пронзительным свистом. К Синтии Джордж относился намного благосклоннее, чем она к нему. «По–моему, она замечательная, Джон, — разоткровенничался он однажды. — Одно лишь плохо. У нее зубы, как у лошади».

Если для Мими Пол Маккартни был несчастьем, то Джордж Харрисон просто проклятием. Мать Джорджа, Луиза Харрисон, поддерживала ребят в их увлечении музыкой, предоставляла им место для репетиций и кормила, когда они были голодны. Это выводило Мими из себя.

Джордж Харрисон родился 25 февраля 1943 года в семье, где уже было три сына и одна дочь. Его отец Гарольд, худощавый тихий человек, работал шофером городского автобуса, а мать была счастливой домохозяйкой, которую знали все дети в округе.

В течение восемнадцати лет семья жила в одном и том же скромном доме с террасой на Арнольд Гроув, Уэйвертри, а затем переехала в маленький дом на Аптон Грин в Спике. Джордж рос смышленым самостоятельным ребенком, который мог перехватить вместо обеда кусок колбасы в мясной лавке по соседству. Как и Джон, он ходил в частную школу Доувдэйл напротив Пенни Лэйн, где они жили.

Сначала Джордж подружился с Полом Маккартни, это произошло сразу после того, как семья переехала в Спик. Каждое утро мальчики встречались на автобусной остановке, садились в один и тот же автобус, который шел в Ливерпульский институт. Однажды утром у Пола не хватило нескольких пенни, чтобы оплатить проезд, и Луиза Харрисон дала ему недостающие деньги и еще немного мелочи, чтобы он мог вернуться домой. Хотя Джордж был на класс младше Пола, у мальчиков нашлось достаточно общих тем для разговора в автобусе: самодеятельность, рок–н–ролл, гитары.

К тому времени, когда Джорджу исполнилось четырнадцать лет, он уже фанатично полюбил гитару, и Луиза Харрисон находила в его карманах обрывки бумаг, на которых он рисовал гитары, как другие мальчишки рисуют самолетики. Его первым инструментом стала подержанная гитара, которую он купил у другого мальчика из своей школы, деньги на нее — 3 доллара — дала ему мать. А следующей стала роскошная гитара, на которую он заработал сам, выступая в мясной лавке по воскресеньям. Луиза постоянно подбадривала его, когда он падал духом, и говорила, что он может играть лучше. Но до встречи с Джоном Ленноном ему не предоставлялось такой возможности. Зимой 1959 года Пол познакомил Джорджа с ребятами из группы «Джонни энд Мундогз». Харрисон исполнил свой самый лучший номер, мелодию на бас–гитаре из восемнадцати нот под названием «Ранчи», но его выступление ни на кого не произвело впечатления. Тем не менее он таскался за ребятами повсюду в надежде, что когда–нибудь они попросят его выступить с ними. Несколько раз, когда кто–то из постоянных гитаристов не мог выступать, Джорджу разрешали присутствовать на сцене вместе с группой, а изредка он даже исполнял собственное, захватывающее дух соло. Прежде чем кто–либо успел заметить, как это произошло, Джордж стал членом группы. Кроме того, Луиза Харрисон давала им приют и еду.

Джон, Пол, Джордж, Сту и Синтия виделись почти ежедневно в «Яке» или в школьном кафе. Синтия обычно сидела на скамейке и слушала, как ребята играют. Они не слишком отличались от других школьников, и никто не обращал на них особого

внимания.

2

Весной Элвис Пресли был призван в вооруженные силы США. Молодые люди во всем мире стремились занять его место. По всей Англии образовались сотни рок–групп, не было недостатка и в площадках для выступлений. Любая церковь, танцевальный зал, каток могли быть переоборудованы в сцену, и по выходным дням там устраивались танцы. В Ливерпуле появилось так много групп, что студент художественного колледжа в Ливерпуле Билл Харри, который, кстати, познакомил Сту Сутклиффа с Джоном Ленноном, начал вести записи, в которых отмечал, кто, в какой группе и где играл, и издал собственную газету о музыкальной жизни под названием «Мерси Бит». Некоторые группы просуществовали не более двух недель, другие завоевали известность в своих округах и имели верных поклонников.

Поскольку «Як» стал основной сценой для вечерних выступлений, Аллан Уильямс ознакомился с диапазоном групп, входящих в его двери, понял, что «поп» — золотая жила, и стал организовывать платные концерты. Для того, чтобы оснастить здание всем необходимым, он находил для музыкантов работу с оплатой 10 долларов за вечер. Из них 1 доллар получал Уильямс, а 1 доллар — местный посредник. «Джонни энд Мундогз» быстро согласилась на эти условия. Уильямс познакомился с известным лондонским менеджером и предпринимателем Лэрри Парнзом и заверил его в том, что в Ливерпуле несметное количество поп–групп, страстно желающих за умеренную плату отправиться в турне туда, где известно имя Парнза.

Уильямс выиграл в споре за отбор лучших групп Ливерпуля, среди них были и его фавориты — «Джонни энд Мундогз». По совету друзей группа заменила свое название на «Сильвер Битлз». Слово «beetles» (жуки) предложил Сту Сутклифф по аналогии с названием группы Бадди Холи «Крикетс» (сверчки). Джон не удержался от каламбура и предложил слово «beatles», имея в виду то, что исполняют бит–музыканты. Слово «сильвер» (серебряные) добавили для блеска.

Ребятам предложили двухнедельное турне по Шотландии с группой Джонни Джентла. Оно оказалось для ребят гораздо менее увлекательным событием, чем они предполагали. Отчаявшись найти ударника, они наняли 25–летнего Томми Мура, грузчика с завода по производству бутылок Гарстона. Музыкальный опыт Мура ограничивался игрой с большими группами на танцах.

Джонни Джентл, грубоватый человек, работавший моряком на торговом судне до того, как его нашел Парнз, не слишком интересовался ни группой «Сильвер Битлз», ни их музыкой. Турне обернулось удручающей чередой выступлений в старых, обшарпанных танцевальных залах маленьких городишек, каждый вечер в разных городах. Лэрри Парнзу жаловались по телефону на игру «Сильвер Битлз», а «Сильвер Битлз» звонила ему с жалобами на холодные и сырые номера, где им приходилось останавливаться. Они питались одной похлебкой, вдобавок ко всему Томми Мур не выносил Джона Леннона. Как–то вечером вагон, в котором ехали музыканты, здорово тряхнуло, и Томми Муру на голову свалился чемодан. Ему выбило два передних зуба, и его отправили в больницу. Когда Джон увидел его вечером на выступлении, то от души расхохотался. По возвращении в Ливерпуль Мур уволился.

3

В то лето на «Якаранду» обрушилось страшное несчастье. «Зе Роял Карибиан Бэнд» со своими оглушительными ударными инструментами, создававшими по вечерам в клубе наэлектризованную атмосферу, вдруг исчезли. Аллан Уильямс узнал, что они уехали в Гамбург на заработки. Казалось, что район Сент–Поли с сотнями баров, танцевальными залами и ночными клубами превратился в огромный рынок, жаждущий заморских развлечений. Владельцы клубов платили огромные деньги, спрос на зрелища был настолько велик, что даже такая экзотическая группа, как «Вест Индиан Стил Бэнд», пользовалась популярностью. Уильямс записал ливерпульские группы на магнитофон, который Джон украл в художественном колледже, в чем впоследствии обвинил Сту. Он не разочаровался в том, что увидел в Гамбурге. Сент–Поли оказался районом, расчерченным неоновыми линиями ночного мира, полным клубов, публичных домов, притонов и магазинов, торгующих порнопродукцией и оружием. Все это служило колоритным фоном для разворачивающейся яростной борьбы между многочисленными поставщиками наркотиков и оружия.

В клубе на Гросс Фрайхайт Аллан Уильямс познакомился с Бруно Кошмидером. У Кошмидера была запоминающаяся внешность: приземистый, похожий на карлика, с большой головой, приплюснутым носом, копной тщательно завитых белокурых волос. Когда–то иллюзионист и цирковой клоун, он завел собственное дело. Уильямс с воодушевлением объяснял.

через переводчика, что Ливерпуль — это огромные, просто неограниченные возможности, тот самый источник, который нужен для создания клуба. Он говорил, что «звуки бита» разнесутся по всему Гамбургу, и в доказательство достал магнитофонную запись, сделанную перед выездом из Ливерпуля. На пленке оказался сплошной скрип и жужжание…

Уильямс вернулся в Ливерпуль без заказов, но вдохновленный. Он продолжал поставлять группы для гастролей, и сам часто наведывался в Лондон. В одну из таких поездок несколько месяцев спустя он вновь встретился с Кошмидером, искавшим в Лондоне группы, которые могли бы выступать в клубе, и уже через несколько минут уговорил его подписать контракт с теми, кого он отрекомендовал как самую замечательную музыкальную продукцию Ливерпуля — «Дерри энд зе Синиорз».

«Дерри энд зе Синиорз», к зависти местных групп, направились в Гамбург, где, как они предполагали, их ожидало великолепное времяпрепровождение. Удовлетворенный Кошмидер написал Уильямсу письмо, в котором просил направить в Гамбург еще одну группу, теперь очередь была за «Сильвер Битлз». В восторге от того, что им предстоит поехать на гастроли в романтический город Гамбург, группа отбросила слово «сильвер» и стала называться просто «Битлз».

У «Битлз» была только одна небольшая проблема перед поездкой: они так и не нашли постоянного ударника. Больше от отчаяния, чем из желания, они предложили девятнадцатилетнему Питу Бесту поехать с ними. Битлы знали Пита Беста много лет; Джордж Харрисон когда–то познакомил его с Полом и Джоном, но он только недавно стал играть на ударных. Его мать Мона владела популярным молодежным клубом «Касбах». Это было грубое помещение на первом этаже с деревянными скамейками и нарисованными на потолке драконами. Когда до битлов дошли слухи об открытии «Касбаха», они решили, что это как раз самое подходящее место для выступлений, и всей толпой вместе с Синтией ринулись туда. То, что они увидели, так им понравилось, что они помогли убрать помещение, а Синтия разрисовала стены паутиной.

Именно в «Касбахе» они приобрели друга, который впоследствии стал неотъемлемой частью группы. Звали его Нил Аспинол, это был восемнадцатилетний юноша, высокий и красивый. Он обладал грубоватым чувством юмора и северным обаянием. Нил только что закончил институт в Ливерпуле, где учился на бухгалтера, но по мере того, как возрастал его интерес к музыке, ослабевало внимание к занятиям… К весне Нил уже

помогал битлам грузить аппаратуру и возил их на концерты в красно–белом фургончике с подтекающим радиатором. Тогда его еще не называли «дорожным менеджером», это слово придумали через много лет. Своей неповторимой индивидуальностью он повлиял на жизнь «Битлз» так же глубоко, как и каждый из четверых.

К тому времени Пит приобрел новенький сверкающий комплект ударных инструментов. Он бросил школу и занимался только «Касбахом», когда Пол позвонил ему и попросил принять участие в прослушивании в «Якаранде». В тот вечер, только позднее, они отметили его присоединение к группе «Битлз» в качестве ударника.

4

Поездка в Гамбург отнюдь не обрадовала Синтию Пауэл. Она уже научилась давать отпор ливерпульским девицам, пытающимся флиртовать с Джоном, но у нее не было уверенности, что их отношения с Джоном вынесут долгую разлуку. Синтия изо всех сил старалась не падать духом, уговаривая себя, что гастроли продлятся всего шесть недель, но, как оказалось, они затянулись на пять месяцев.

Педантичный Джон присылал письма ежедневно. На конверте были следы поцелуев и стихи о любви типа «Почтальон, не зевай, я люблю Синтию, скорее к ней езжай». Далее на двадцати — тридцати страницах эпическим слогом излагались его приключения, и все это завершалось рисунками на картоне.

Судя по письмам, Джону не приходилось напрягать свою бурную фантазию, чтобы приукрасить горькую реальность. Они выступали не в «Кайсеркеллере», а в гнусной дыре под названием «Индра Клаб», с неоновым слоном на входной двери. Обычно на крошечной сцене «Индра Клаб» показывали стриптиз и порнографические сценки. Постоянные посетители без всякого удовольствия приняли обычно одетых молодых англичан, сменивших на сцене голых потных мускулистых бесстыдниц. Битлы должны были развлекать публику с семи вечера до двух или трех часов утра, иногда семь раз в неделю. Владелец клуба Бруно Кошмидер поселил их в подвале кинотеатра «Бамби Кино», который также был его собственностью, и выделил три грязных клетушки прямо за экраном. В кинотеатре порнофильмы чередовались с боевиками, и нередко ребята по утрам просыпались от звуков сладострастного пыхтения. Пролетели пять месяцев, в течение которых им вряд ли удалось хоть раз

помыться. Вся пища состояла из кукурузных хлопьев с молоком по утрам и редких обедов в «Сименз мишн», владелец которого, англичанин, кормил их по низким ценам, установленным для моряков.

Все, кроме Пита Беста, который, казалось, отгородился от окружающей дикости, быстро обнаружили, что виски «Преллис» помогут им выдержать бесконечные ночные концерты. Посетители довольно часто присылали им выпивку прямо на сцену и кричали: «Пей! Пей!» Нервы битлов были настолько расшатаны постоянным употреблением дешевой выпивки, что они способны были выкинуть на сцене все, что угодно. Джон, например, приносил домик с быстро передвигающимися уродливыми фигурками, а сам прыгал, ползал и орал, иногда оскорбляя публику выкриками типа «Нацисты трахнутые! Зиг Хайль!». Обычно публика была такой же пьяной и только хохотала, провоцируя его на другие, еще более смелые выходки. Джон настолько терял над собой контроль, что однажды вечером, когда один из возбужденных посетителей подошел к сцене, дважды пнул его ногой в голову, а затем схватил со стола нож и швырнул в него.

Любимым районом битлов (кроме Пита Беста, не участвовавшего в таких мероприятиях) был Сент Поли — удивительный район, залитый красными огнями, что–то вроде Диснейленда с сексуальной окраской. Здесь часами и днем, и ночью проститутки всех размеров, форм и мастей сидели в витринах каждого дома, читали, ссорились, сплетничали.

Кошмидер продлил гастроли «Битлз» и, после того, как изможденные и все промотавшие «Дерри энд зе Синиорз» отбыли в Ливерпуль, перевел битлов в большой клуб «Кайсеркеллер». Нравы в «Кайсеркеллере» были еще более суровыми, чем в «Индре», в клубе проводили время гангстеры,

Лето сменилось осенью, а гастроли продолжались. Синтия терпеливо ждала в Ливерпуле. В своих письмах Джон упоминал о красивой девушке по имени Астрид Кирхнер и ее приятеле Клаусе Вурмане. Постепенно Астрид и Клаус приобрели колоссальное влияние на ребят. Клаус, сын врача, уроженец Берлина, учился в художественном колледже в Гамбурге. Как–то вечером, поссорившись с Астрид, он забрел в «Кайсеркеллер». Его потрясли битлы в смешных клетчатых пиджаках и пышных париках. Особенно поразил Сту Сутклифф в таинственных темных очках, игравший с мрачным видом на бас–гитаре. Два вечера спустя Клаус привел Астрид посмотреть на них, затем они приходили снова и снова.

Астрид была красивой девушкой экзотического типа, с

белокурыми локонами и большими темными грустными глазами. Ее очаровали молодые англичане, а те были рады познакомиться со своими сверстниками из местных жителей. Астрид часто фотографировала битлов и приводила в клуб других студентов–художников. Как и Астрид, они носили черные кожаные брюки и в этих костюмах были похожи то ли на поэтов, то ли на шпионов. Вскоре и битлы стали носить кожаные брюки и свободные куртки.

Джон настолько боготворил Астрид, что у Синтии не было сомнения в том, что эта фрейлейн похитит его сердце. Но через два месяца после того, как имя Астрид впервые появилось в письмах Джона, он сообщил, что Астрид помолвлена со Сту! Несмотря на то, что в их распоряжении было не более двадцати пяти слов, чтобы объясняться друг с другом, они скопили деньги для покупки обручальных колец. Сту намеревался остаться в Германии после свадьбы. Он совершенно переменился. Астрид теперь сама шила для него одежду, подобную той, что рекламировал в Париже Пьер Карден. Она уговорила Сту расчесать волосы от макушки на лоб и постричь их в кружок. Остальные ребята, один за одним, кроме Пита Беста, вскоре надели такие же костюмы и так же постриглись. Появилась легендарная прическа «Битлз».

По мере того как подходил к концу пятый месяц пребывания битлов в Гамбурге, Синтия начала сомневаться, вернутся ли они домой вообще. Джон писал, что они могут там остаться на весь следующий год, если их не выдворит полиция. Несчастья начались с открытия нового клуба «Топ Тэн», на сцене которого появились битлы. Новость эта быстро долетела до Кошмидера. На следующий день ребят разбудили несколько весьма нелюбезных полисменов из Рипербана, искавших Джорджа Харрисона. Некто — несомненно, это был Бруно Кошмидер — сообщил в полицию, что Джорджу Харрисону нет восемнадцати лет и по закону он не имеет права находиться вечером ни в одном клубе. К тому же у него не было необходимых документов. Полиция выяснила, что ни у одного из музыкантов группы нет законного разрешения работать в Гамбурге. Джорджу велели упаковать чемодан и покинуть страну в течение двадцати четырех часов. В тот же вечер Сту и Астрид отвезли его на вокзал. Он крепко обнял их на платформе и всхлипнул — замечательное приключение для него закончилось.

Через несколько дней Пол и Пит Бест вернулись в «Бамби Кино», где у них оставались кое–какие вещи. Они предполагали, что Кошмидер их выбросил, но все оказалось на месте. Пол достал гильзу, купленную за два пфеннига, и поднес к ней спичку. Сухие декорации на стенах вспыхнули, и театр быстро

загорелся. Пол и Пит выскочили из театра, беспрерывно повторяя, что все может сгореть. Огонь обнаружили и потушили, но администрация стала искать источник возгорания. Вскоре была обнаружена достаточно веская улика — на потолке комнаты, в которой начался пожар, пламенем свечи было написано «Битлз».

На следующее утро вновь прибыла полиция, на сей раз вместе со следователями. Пита и Пола доставили в полицейский участок Ripербана, где продержали несколько часов и допрашивали по подозрению в попытке поджечь «Бамби Кино». Благодаря вмешательству Кошмидера дело обошлось без санкций, но ребятам пришлось покинуть страну незамедлительно. Пол и Пит вылетели в Англию ближайшим рейсом, оставив ударные инструменты и большую часть багажа.

Джон и Сту оказались одни, и у них не было причин задерживаться в Гамбурге. Джон вернулся домой на поезде, униженный и подавленный, тоскуя по Синтии, горячей ванне и даже по тетушке Мими. Сту, у которого начиналась простуда и лихорадка, отправился домой на самолете, билет они купили вместе с несчастной невестой. Он должен был вернуться в Гамбург через несколько месяцев для того, чтобы жениться на ней.

Джон приехал домой ночью, и ему пришлось бросать камешки в окно спальни Мими, чтобы разбудить ее. Когда она открыла дверь, Джон буквально сбил ее с ног, ворвавшись в дом, и сказал: «Заплати за такси, Мими».

«Где же твои сто фунтов в неделю, Джон?» — крикнула она ему вслед.

Он обернулся и устало вздохнул: «Как это похоже на тебя, Мими, говорить о каких–то ста фунтах в неделю, когда ты знаешь, что я устал».

5

Пятеро молодых людей, вернувшихся в Ливерпуль к Рождеству, были до такой степени расстроены, что даже не разговаривали друг с другом несколько недель. Пол устроился на работу водителем грузовика за семь долларов в неделю, чтобы заработать денег к Рождеству, а Джон целыми днями спал, лишь бы не видеть суровой реальности возвращения в Мендипс. Синтия приносила ему еду и все необходимое.

За несколько дней до Рождества в «Касбахе» они впервые после возвращения выступили вместе. Публика «Касбаха» была потрясена — произошла удивительная перемена. Бесконечные

часы безумной игры обернулись совершенно неожиданной метаморфозой — профессионализмом. Хотя они появлялись на сцене лишь иногда, они уже не были той любительской группой, которая покидала Ливерпуль пять месяцев назад. Теперь это было увлекательное представление, которым группа уверенно заявила о себе.

И внешне они не походили ни на кого, их костюмы представляли собой неописуемое смешение кожаных штанов, ковбойских ботинок, курток, а женственные локоны спадали на лоб. «Это сделал Гамбург, — сказал Джон, — и только в Ливерпуле мы осознали разницу и увидели, что произошло». Внезапно их популярность стала расти. Через месяц их рекомендовали для выступлений днем в клубе «Пещера» на Мэтью–стрит, в котором музыкальная политика переключалась с джаза на бит–группы. Это считалось «хлебной» работой — двадцать пять шиллингов в день. С января 1961 года битлы начали выступать в «Пещере» по вечерам, не прекращая выступлений и в обеденное время.

Синтия Пауэл ежедневно уходила из художественной школы для того, чтобы послушать Джона и ребят в «Пещере», а иногда там бывал кое–кто из родственников или друзей. В клубе хорошо знали Джима Маккартни, а Луиза Харрисон стала частой и желанной гостьей, вместе с ребятами в зале она подбадривала музыкантов, хотя от самого клуба была в ужасе. Однажды в зал вошла Мими, тетушка Джона; она приходила не часто и не столько затем, чтобы приободрить Джона, сколько для того, чтобы проверить, где он проводит все свое время. Мими вихрем промчалась мимо владельца клуба Рэя Мак–Фолла, отказываясь заплатить за вход и говоря, что пришла «за Джоном Ленноном». Ее потрясло то, что она увидела. Сотни визжащих детей пели и танцевали в вонючем зале.

Луиза Харрисон, довольная тем, что видит Мими, крикнула ей: «Ну, разве они не молодцы?» «Я рада, что хоть кто–то так считает, — закричала Мими в ответ. — Дрянь! Мы бы все прекрасно и спокойно жили, если бы ты их не поддерживала».

6

К этому времени ребята уже перестали делать вид, что ходят в школу, и музыка стала их постоянным занятием, занимавшим все время. Джорджу Харрисону исполнилось восемнадцать лет, и группа вновь отправилась в Рипербан. Аллан Уильямс уладил дело с властями, написав письмо в германский суд, и ему удалось

получить официальные визы. Питер Экхорн из клуба «Топ Тэн» предлагал сорок долларов в неделю, вдвое больше, чем они зарабатывали в «Кайсеркеллере». Джон пообещал Синтии, что на этот раз гастроли будут непродолжительными, и смягчил боль разлуки, пригласив ее приехать в Гамбург на каникулы.

В путешествие Синтия отправилась вместе с Дороти Роун, бойкой блондинкой с кудряшками, студенткой художественного колледжа. Пол встречался с ней в Ливерпуле, и у него были «серьезные намерения» в отношении Дороти, он даже собирался жениться. Девушек проводили на вокзал отец Пола и мать Синтии, а в Гамбурге их встречали Джон и Пол. Они прыгали и носились как сумасшедшие. Синтия прежде не видела их в таком состоянии, они болтали без умолку и спотыкались на пустынных утренних улицах. Ребята заверили девушек, что в Гамбурге все, кроме Пита Беста, пьют «Преллис». «Это единственная возможность выжить», — уверял Джон, и на следующий день Синтия присоединилась к ним.

Синтию официально устроили в доме родителей Астрид в пригороде, поскольку комнаты, в которых жили ребята в клубе «Топ–Тэн», были не самым подходящим местом для молодой английской леди. Дот, девушка Пола, поселилась у Розы, дамы, обслуживавшей туалет клуба. К громадному облегчению Синтии, Астрид оказалась не только приветливой и радушной хозяйкой, но и хорошей подругой. Она давала Синтии свои наряды, изменила ее прическу и научила пользоваться косметикой. Синтия была очарована экзотическим вкусом Астрид. Ее комната в родительском доме была черного цвета с серебряными дополнениями из фольги, кровать была покрыта черным бархатом. Скрытые лампы освещали всю комнату, создавая эффект, далеко опережающий свое время. Каждый вечер после обеда Синтия и Астрид часами подбирали перед зеркалом наряды и косметику перед тем, как отправиться в «Топ–Тэн» послушать ребят. В клубе девушки долго просиживали в стороне от сцены, вынужденные наблюдать драки и слушать вопли вокруг. Иногда по ночам Синтия отваживалась приходить к Джону. На нижней полке двухъярусной кровати они занимались любовью, в то время как Джордж Харрисон похрапывал в нескольких футах над ними. Синтия считала отношения Астрид со Сту Сутклиффом вполне нормальными, но остальные ребята из Ливерпуля в отличие от нее не находили в них никакого очарования. Сту и Астрид даже внешне стали похожи: одинаковые прически, одинаковые черные кожаные костюмы, даже еду в ресторане они заказывали одинаковую.

Было очевидно, что Сту без иее не уедет из Гамбурга и что

дни его работы с ребятами сочтены. Чем больше сближался Сту с Астрид, тем сильнее не любили его ребята. Между Сту и остальными битлами возникла огромная неприязнь. Особенно критично в отношении Сту был настроен Пол. Он высмеивал его манеру игры, манеру одеваться, даже то, как он разговаривает. Все были на взводе, отчасти так проявился побочный эффект постоянно сдерживаемых эмоций. Но теперь даже Джон, кумир Сту, начал срывать на нем свое раздражение. Однажды вечером во время выступления в «Топ–Тэн» ребята немилосердно издевались над Сту, а Пол так разошелся, что даже наговорил гадостей в адрес Астрид. Сту разбил гитару и бросился на Пола. Пол был выше и сильнее, он легко повалил Сту на землю и успел здорово избить, пока остальные не оттащили его.

Сту страдал от частых головных болей, которые иногда выплескивались в приступы раздражительности и ревности по отношению к Астрид. Она относилась к этому очень спокойно. Иногда у Сту были такие боли, что он готов был в отчаянии разбить голову о стенку. Учитывая все это, битлы решили, что Сту надо официально покинуть ансамбль по окончании гастролей в «Топ–Тэн». Сту собирался жениться на Астрид и остаться с ней в Гамбурге, где намеревался взять ссуду в муниципальном совете и заняться живописью в государственном художественном колледже.

Однако он счел себя обязанным сделать на прощание последнюю пакость. Он написал Аллану Уильямсу в Ливерпуль и сообщил, что «Битлз» не считают его в дальнейшем ответственным за их трудоустройство в Гамбурге, поскольку они познакомились с Питером Экхорном и теперь у них есть работа. Поэтому они оставят себе его долю — 10% прибыли. Единственный контракт, подписанный Уильямсом с группой, сгорел при пожаре, и официально он не мог взыскать с них деньги. Уильямс надолго стал их врагом, а когда к группе пришел успех, он написал грустную книгу под названием «Человек, который отказался от «Битлз», где детально описал всю гамбургскую эпопею. Некоторым утешением для него может служить то, что часть доходов он все еще получает от рассказов о гастролях «Битлз» и своих собственных приключениях с ними.

7

Когда Синтия вернулась в Ливерпуль, мать преподнесла ей сюрприз: она уезжала в Канаду к замужним кузинам нянчить их детей. Дом в Хойлейке был сдан чужим людям, и Синтии

пришлось искать себе жилье. Единственным вариантом для нее было переехать к престарелой тетушке, которая жила в другой части Ливерпуля. Затем ей пришла в голову замечательная, как ей показалось, идея: Мими, тетушка Джона, сдавала студентам жилье за небольшую плату, и одна комната оставалась свободной. Синтия даже нашла себе работу по субботам в магазине шерстяных изделий в соседнем районе. Переехав к Мими, она стала помогать ей по хозяйству в надежде, что та примет ее как дочь. А когда в июле Джон вернулся домой, Синтия решила, что теперь они будут жить с ним под одной крышей. Далеко ли до свадьбы?

Прошло совсем немного времени, и Синтия поняла, что проживание в одном доме с Мими Смит не было самым лучшим решением. Мими педантично следила за тем, чтобы в доме все шло только так, как хочет она, и, что еще хуже, считала Джона своей собственностью. Мими вела себя так, словно они соперницы, и ясно давала понять Синтии, что она для нее совершенно чужая, просто еще одна квартирантка. Атмосфера в доме накалилась. И месяца не прошло, как Синтия съехала и поселилась у своей тетушки Тэсс на другом конце города. Был разработан новый смелый план: она снимет квартиру рядом с художественным колледжем, а Джон переедет к ней, как только вернется.

Через несколько недель Синтия наконец нашла квартиру, устраивавшую ее по цене. Не о таком гнездышке для влюбленных она мечтала. Эта была убогая квартира с кранами, из которых текла ржавая вода, электрокамин горел вполнакала, окна дребезжали всю зиму. Вспоминая комнату Астрид, Синтия вдохновенно старалась, насколько это возможно, сделать и свою уютной к приезду Джона. Она купила жесткую щетку и ведро, дезинфицирующие средства, белую краску и розовые занавески. Когда Джон наконец вернулся, его взору предстала чистая, но нелепая квартира, и Синтия, спящая на продавленном матрасе с одним комплектом постельного белья. Как она и надеялась, Джон переехал к ней. Битлы снова стали выступать в «Пещере», и какое–то время все шло безмятежно.

Однажды вечером, осенью 1961 года, Джон пришел домой чрезвычайно возбужденным. «Борьба закончена», — провозгласил он. Сын богатого еврейского торговца пришел в «Пещеру» и предложил стать их менеджером. Он сказал, что знает менеджера Элвиса Пресли, полковника Тома Паркера и что слава .«Битлз» будет выше славы Элвиса! У Джона, как обычно, появилась «идея фикс». Казалось, этот человек полностью завладел его мыслями. Всю неделю повторялось: Бриан Эпштейн то, Бриан Эпштейн се…

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Даже если и было что–то, чего можно стыдиться,
но это была правда, ставшая известной, я не стану жаловаться.
Я очень люблю правду.

Бриан Эпштейн.
«Подземелье звуков»

1

Когда я, Питер Браун, впервые увидел Бриана Эпштейна, он был не просто чужаком в чужой стране, а аномалией, загадкой для своей семьи, чудовищным недоразумением для самого себя — он был гомосексуалистом. Теперь такие вещи стали достаточно обыденными в крупных городах мира, но тогда, в мрачном северном рабочем городе Ливерпуле, сын известной еврейской семьи Бриан Эпштейн чувствовал себя уродом. Подавленный тем, что казалось ему нескончаемой чередой социальных и академических неудач, снедаемый чувством разочарования и поражения, Бриан искал физического удовлетворения, но искал самым печальным образом.

Как–то вечером, когда ему было 25 лет, он сел за руль своего сверкающего кремово–коричневого автомобиля и поехал в предместье Ливерпуля, в общественный туалет, где бывал довольно часто. За рулем роскошного автомобиля Бриан Эпштейн совершенно не походил на тех людей, которые знают подобные заведения. Красивый молодой человек, худощавый, вьющиеся каштановые волосы тщательно уложены — было в нем что–то от патрициев. Как правило, он носил костюмы, сшитые у портного, рубашки фирмы Турнбулл и Ассер и шелковый шейный платок. Царственные манеры и элегантная одежда делали его старше своих двадцати пяти лет. Бриан припарковал машину, заглушил мотор и стал ждать, нетерпеливо постукивая пальцами по бамперу, пока на улице не появился мужчина, одетый так, как одеваются портовые рабочие. Мужчина на секунду задержался у входа в туалет, а затем вошел. Бриан тщательно запер машину и пошел за ним. На сей раз его постигла неудача. Бриана жестоко избили и бросили на полу в уборной. Деньги, часы и бумажник пропали.

Всхлипывая, Бриан бросился к машине и направился к огромному дому своих родителей. Он был в ужасе от того, что придется как–то объясняться с ними. Сначала Бриан кинулся к матери, Куини Эпштейн. Высокая привлекательная женщина, обладающая острым умом и несгибаемой волей, она, казалось, не остановится ни перед чем и сможет защитить его от всех бед. Но на сей раз проблема оказалась слишком сложной даже для Куини. Едва он закончил излагать свою версию инцидента, как зазвонил телефон. Обидчик Бриана из общественного туалета выяснил, что Бриан из известной семьи, и понял, что его молчание может стоить дороже, чем часы или бумажник. В общем, за молчание о наклонностях Бриана мужчина требовал деньги.

Куини Эпштейн немедленно связалась с Рексом Мейкином, семейным адвокатом. Мейкин был маленьким юрким человечком с кривыми зубами и протезом вместо уха, он много лет жил с ними по соседству. Циничный и резкий, Мейкин и раньше улаживал несколько дел Эпштейнов. «Стирал их грязное белье» — так он это сформулировал. Куини с Брианом отправились к нему, и Бриан поведал Мейкину свою историю. Адвокат настоял на том, чтобы Бриан пошел в полицию и заявил о случившемся.

Перепуганный Бриан повторил свою жалостливую историю детективам ливерпульской полиции. Те велели Бриану идти домой и ждать телефонного звонка от вымогателя. Бриан должен был согласиться заплатить любую сумму, которую тот запросит, и устроить встречу как можно скорее.

Поздно ночью в пустынном ливерпульском районе Уайтчэппе–ла Бриан ждал шантажиста. Через несколько минут после назначенного времени человек из туалета пересек улицу и приблизился к Бриану, Эпштейн подал условный сигнал детективам, они тут же вышли из укрытия и арестовали вымогателя.

Судебный процесс чуть не погубил Бриана. Слабым утешением для него было то, что на процессе он фигурировал как «мистер Х», такова в Англии судебная традиция защиты жертв шантажа. В соответствии с показаниями Бриана, мужчина, оказавшийся женатым докером с криминальной биографией и предрасположенностью к «чрезмерной застенчивости», был осужден за шантаж и приговорен к тюремному заключению. Когда его вели из зала суда, он клялся отомстить Бриану, как только окажется на свободе. Эпштейн был на грани физического и психического срыва. Суд постановил, что ему нужно показаться психиатру, но Бриан знал, что это не поможет. Никто не сможет определить, кто он такой или что он такое, и менее всего — он сам.

2

Бриан Эпштейн был гордостью двух богатых еврейских семей. Его мать Малка Хайман — хорошенькая дочь известной семьи из Мидлжнда, которой принадлежала знаменитая компания «Шеффилд Кабинет Лтд.», занимавшаяся производством обеденных и спальных мебельных гарнитуров по умеренным ценам. Получив образование в частной школе, Малка была переименована в Куини на английский лад. Несмотря на английское образование, она осталась настоящей добропорядочной еврейкой и, как всякая благополучная еврейская девушка, в восемнадцать лет вышла замуж за перспективного еврея с севера на 11 лет старше ее. Гарри Эпштейн был также из богатой семьи, занимавшейся производством мебели. Его дед Исаак Эпштейн, польский эмигрант, в начале века открыл первый в Ливерпуле мебельный магазин. Благодаря льготным условиям кредита многие ливерпульские семьи стали обладателями стула, или дивана, или пианино, которые принадлежали компании «И. Эпштейн и сыновья».

В начале 1930–х годов, когда Гарри и Куини поженились, магазин расширился и занял большое здание на Уолтон Роуд, слившись с компанией «Норд энд Мьюзик Стор», где продавались ноты и музыкальные инструменты. В качестве приданого Куини получила замечательный дом с пятью спальнями в Чайл–дуолле, самой лучшей провинции Ливерпуля.

Именно в этом огромном доме с мягкими коврами и вышколенной прислугой, пылающими каминами и чувством значительности 19 сентября 1934 года родился

Бриан Эпштейн. С этого дня для Куини больше никто не существовал. Хотя она и любила своего второго сына Клайва, родившегося двадцать один месяц спустя, но он не вызывал у нее такого восхищения, как Бриан. Когда начались бомбежки, детей перевезли в другой красивый дом в относительно безопасном районе Сауспорте. Бриан вырос испорченным, капризным, нервным ребенком, маменькиным сынком и воплощением Маленького Лорда Фаунтле–роя. Он рано стал тяготеть к изысканной роскоши и уже маленьким мальчиком получал удовольствие от красивой одежды и дорогих ресторанов. Куини заметила, что у него слегка косит один глаз, и тут же уложила его в госпиталь на операцию, а это был период самых страшных бомбежек Ливерпуля. Подруга Куини сказала: «Вокруг взрываются бомбы, неужели тебя беспокоит косоглазие?» Но косоглазие делало Бриана неполностью совершенным, и Куини всякий раз

это осознавала, глядя на него. В госпитале она проводила все ночи у его изголовья, в то время как на город падали бомбы, и спала, сидя на стуле с жесткой спинкой, рядом с кроваткой Бриана.

Когда Бриану было десять лет, его исключили из ливерпульской частной школы за то, что он рисовал неприличные картинки. Куини защищала своего талантливого сына, утверждая, что он всего лишь делал эскизы для танцевальной программы, но тем не менее ее попросили забрать мальчика. Втайне она была этому рада, так как была уверена, что Бриана исключили потому, что он еврей. Куини повсюду видела симптомы антисемитизма и в Бриане развила эту манию, ставшую лейтмотивом его жизни. Когда Бриан чувствовал себя неуютно из–за своего пристрастия к гомосексуализму, он во всем обвинял антисемитизм и реагировал очень бурно.

Сменив несколько школ, из которых его забирали со скандалом, к пятнадцати годам он учился уже в седьмой. Наконец, он попал в Рекин, школу в Шропшире, где увлекся театром и, кажется, на время почувствовал себя счастливым. Но и из Рекина Гарри с Куини получили от него письмо, в котором он сообщал: «Я понимаю, что вам это может не понравиться, но я решил оставить школу и стать модельером». «Вы даже представить себе не можете, — говорила Куини, — какое впечатление это письмо произвело на Гарри. Он ужасно расстроился». Тем не менее Куини защищала сына и потребовала, чтобы Гарри разузнал, как устроить Бриана к ведущему парижскому модельеру. Однако дело обернулось иначе. Разъяренный Гарри предъявил Бриану ультиматум, заявив, что он будет работать в семейном мебельном магазине на Уолтон Роуд. Худой розовощекий юноша считал себя обреченным работать продавцом в мебельном магазине за пять долларов в неделю, и это было для него страшнее смерти. Но судьба распорядилась иначе. 9 декабря 1952 года Бриан получил повестку в национальную армию. После обучения в Алдершоте благодаря нескольким звонкам родителей влиятельным людям его перевели служить в Лондон. В Лондоне жила сестра Куини, тетя Фрида. Бриан приезжал к ней на обед каждый понедельник, а по вторникам звонила Куини, чтобы получить подробный отчет о его делах. Не прошло и десяти месяцев, как майор обнаружил то, что позволило ему сократить срок службы Бриана. Обеспокоенная состоянием здоровья Бриана, Куини позвонила офицеру и потребовала объяснить, за что увольняют ее сына. Офицер дал уклончивый ответ: «По психическим мотивам». «А что с ним конкретно?» — допытывалась Куини. Офицер сочувственно

понизил голос: «Эх, бедняга…»

Неприкрытые факты, подтверждающие, что Бриан гомосексуалист, потрясли Куини. Бесполезно было отрицать собственную вину, ей пришлось расплачиваться за это всю жизнь. Гарри же еще сильнее привязался к младшему сыну Клайву, который успешно служил в армии. Куини заявила: отныне все, что захочет Бриан, будет принадлежать ему.

По возвращении Бриана из армии они открыли для него отдел в семейном магазине Хойлейк, где он мог продавать мебель, поставляемую из Лондона, и расставлять ее спинками к витрине. Благодаря предпринимательскому таланту и хорошему вкусу Бриана магазин пользовался огромным успехом. За год доходы почти достигли доходов магазина на Уолтон–стрит. Эпштейны вздохнули с облегчением и несколько успокоились по поводу Бриана, как вдруг он ошарашил их очередным широкомасштабным проектом. Теперь он хотел играть. Он всегда любил театр и знал многих актеров «Плейхауза», известного ливерпульского театра. Однажды вечером в баре, куда часто наведывались артисты, Бриан познакомился с Брианом Беффордом, молодой звездой, и тот уговорил его поступить в училище для артистов. Несколько недель спустя Бриан бросил магазин и стал слушателем Королевской Академии Драматического Искусства в Лондоне, пожалуй, самой знаменитой из английских артистических школ. Бриан даже сам удивился, что его приняли.

Он оказался усердным студентом, не без таланта, но раздражал учителей своей эмоциональностью. Временами его так захватывала роль, что он начинал безудержно рыдать. Хотя он легко ладил с другими студентами, ему не понравился артистический мир, и он чувствовал себя одиноко среди артистов. Проведя две недели в Стратфорде с «Роял Шекспир Компани», Бриан совершенно разочаровался в этой профессии. «Они ужасны, — писал он позднее в автобиографии, — и я думаю, нигде больше нет ни таких фальшивых отношений, ни такого грандиозного лицемерия, достигающего вершин искусства».

Тем не менее Бриан проучился в Академии три семестра и мог бы остаться на четвертый, если бы не попал в затруднительное положение. Его застал в парке полицейский и, проследовав за ним в общественный туалет, арестовал за «приставание». Когда Бриан позвонил Куини и сообщил об этом, она твердо решила, что подобный ужас никогда их не коснется. Рекс Мейкин немедленно выехал в Лондон, тихо уладил дело и отправил Бриана домой. Бриан провел несколько дней в Ливерпуле, но стал настаивать на возвращении, чтобы успеть на

занятия к следующему семестру в Академии. Накануне отъезда Куини стала умолять его остаться в Ливерпуле, и он со слезами согласился.

Его решение оставить семейное дело созрело, когда Гарри вновь начал расширять магазин и открыл еще одно отделение в центре города на Грейт Шарлот–стрит. На грандиозном открытии Бриан организовал выступление Анны Шеотон — звезды эстрады. Ему достался маленький отдел грампластинок на первом этаже. Бриан любил музыку и уже работал в магазине грампластинок в Лондоне. Он взялся за дело с неожиданным удовольствием. Индустрия грамзаписи стремительно развивалась в связи с изобретением новых типов проигрывателей, мо–дернизированием звукозаписи. Неожиданный ажиотаж вокруг бит–музыки создал огромную аудиторию покупателей–подростков. Бриан гордился тем, что в его магазине самый обширный выбор товаров, и медленно, но верно отдел грампластинок начал разрастаться. К концу года штат увеличился с двух до четырех человек, затем до десяти, и Бриан полностью захватил два этажа. К огромному удовольствию и гордости родителей, отдел грампластинок стал приносить значительный доход.

Личная жизнь Бриана оставалась незаполненной. У него было мало друзей, и никто из них не нравился Куини. Нас познакомили на дне рождения общего знакомого, куда Клайв и Бриан прибыли в черных смокингах после обеда в Адельфи по случаю двадцатипятилетия свадьбы родителей. Несмотря на апломб и непринужденный разговор, я сразу почувствовал, что, если соскрести поверхностный слой, внутри окажется очень несчастный человек. Как только Бриан узнал, что я работаю управляющим в отделе грампластинок у Левиса, он стал настойчиво уговаривать меня перейти на работу к нему и почти каждый день заходил ко мне, пристально изучая мою технику ведения торговли. Наконец он предложил мне более высокое жалованье плюс довольно приличные комиссионные. Мои родители, люди среднего достатка, сказали, что мой переход на работу к Эпштейнам — отчаянный шаг. Пройдя воинскую службу в Королевских военно–воздушных силах и получив профессию управляющего по программе Левисов, я, казалось, обеспечил себе прочное будущее, а теперь бросал стабильную работу, чтобы вкалывать на мелких еврейских торгашей. Меня привели к Куини и Гарри. Гарри отнесся ко мне весьма прохладно, и пришлось приврать ему относительно моего возраста, поскольку он считал, что 22 года — неподходящий возраст для управляющего магазином. А с Куини мы друг другу сразу понравились. Она была величественна, но приветлива — специфическое сочетание

еврейской мамы и богатой англичанки, и ей понравились мои хорошие манеры, а особенно то, что она по ошибке приняла за вест–эндский акцент, приписав это моему детству в Бебингтоне.

Общение с Брианом было приятным, но и сильно озадачивало. Он чувствовал себя подавленным и несчастным и часто напивался. В лучшем случае о нем можно было сказать, что он инфантилен. То очаровательный и милый, а то через минуту какая–нибудь мелочь выводила его из себя, он становился пунцовым, сжимал кулаки, и все в страхе разбегались. Еще страшнее Бриан бывал тогда, когда что–либо задевало его лично: он становился холодным как лед, и не было на свете ничего страшнее молчаливого Бриана.

Однажды вечером после работы мы зашли в местный бар, и Бриан поведал свою страшную тайну. Он рассказал о мужчине, за которым пошел в мужской туалет, и о последовавшем за этим шантаже. Очевидно, он думал, что мужчина выполнит свою угрозу и вернется, чтобы отомстить. Все это его сильно беспокоило.

Куини заметила тревожные симптомы и решила отправить его на отдых. Отпуск совпал с тем временем, когда шантажист должен был выйти из тюрьмы. В начале осени 1961 года Бриан уехал на юг Испании, а когда в октябре вернулся в Ливерпуль, он был похож на человека, стоящего на краю пропасти в ожидании чего–то страшного и страшно одинокого.

3

Как–то в Уайтчэппелский филиал НЕМЗ зашел парень в кожаной куртке и обтягивающих джинсах. Бриану понравилась его внешность, и, вместо того чтобы дождаться, пока парень подойдет к прилавку, он сам подошел к нему.

«Я хочу купить пластинку, — сказал парень. — Она называется «Моя девушка» и записана в Германии. У вас есть эта пластинка?»

«А кто исполняет?» — спросил Бриан.

«Вы о них не слышали. Это группа «Битлз».

После недолгих поисков Бриан выяснил, что эта пластинка записана в Гамбурге Тони Шериданом, подружившимся с битла–ми во время второй поездки в Рипербан. Шеридан короткое время был популярен в Англии как рок–звезда и выступал на телевидении в шоу–программе «Оу, бой». Затем для него наступил тяжелый период, и он стал работать на Кошмидера в Кай–серкеллере. В Гамбурге на фирме «Полидор» он записал

пластинку «Моя любимая за океаном», а на оборотной стороне — «Когда идут святые». Битлов пригласили выступать под названием «Бит Бразерз». Им платили по 25 долларов за выступление. Бриан также выяснил, что «Бит Бразерз» ежедневно играют в обеденное время в клубе «Пещера», за углом. Он никогда раньше не бывал в «Пещере», поэтому решил прогуляться и посмотреть.

8 ноября Бриан позвонил в клуб, чтобы заказать контрамарку, так как опасался, что его не пустят в клуб без кожаной куртки и узких джинсов. В костюме и галстуке, он бодро спустился по восемнадцати обшарпанным ступеням в клуб «Пещера». Перед ним открылась невероятная картина. Три туннеля, соединенные кирпичными арками, составляли клуб, заполненный корчащимися подростками. Около двухсот молодых людей толпились в узких проходах, они танцевали, кричали, глотали суп с сандвичами и одновременно слушали рок–н–ролл, исполняемый на сцене.

То, что увидел Бриан на площадке в центральном туннеле, загипнотизировало его. На сцене стояла четверка молодых людей в кожаных куртках и кожаных штанах. Они играли рок–н–ролл и отпускали в адрес друг друга «жеребячьи» шуточки. Бриан неподвижно застыл в тени и стоял, пока не закончилось сорокапятиминутное выступление. Сначала он обратил внимание на красивого мрачного ударника, затем на хорошенького гитариста и, наконец, на высокого костлявого парня, который подпрыгивал и приседал, неистово ударяя по струнам. Затем, довольный и смущенный одновременно, он услышал сладкий голос диск–жокея Боба Вуллера, объявившего, что в клубе находится Бриан Эпштейн. Известие было встречено аплодисментами и воплями, и Бриан отодвинулся еще дальше в тень. Ему пришлось собрать все свое мужество, чтобы протиснуться сквозь шумную толпу к уборной, крошечному помещению за сценой, где он попытался представиться музыкантам. Прежде всего Бриан поздоровался с Джорджем Харрисоном, который спросил с сарказмом: «Что привело сюда мистера Эпштейна?» Но Бриан и сам этого не знал.

Вернувшись в свой магазин, Бриан не мог говорить ни о чем, кроме «Битлз». Он ими просто бредил, с жаром рассказывал о них всякому, кто соглашался слушать. Еще несколько дней он ходил в «Пещеру» и наблюдал за группой. Иногда приходил один, иногда с Алистайром Тэйлором, сотрудником магазина на Уайтчэппел–стрит.

После первой встречи стало ясно, что у Бриана нет ничего общего с битлами, они воспринимали его лишь как владельца

большого магазина грампластинок. Он был на шесть лет старше самого старшего из них, и тогда эта разница ощущалась очень сильно. Он иначе говорил, иначе выглядел, у него были иные интересы. Но он мог привлечь внимание своей фамилией Эпштейн, сверкающим новым автомобилем «форд», захватывающим дух заказом двухсот экземпляров песни «Моя девушка» Тони Шеридана и «Бит Бразерз» и тем, что наклеил название группы на витрину своего магазина грампластинок аршинными буквами. И все же один вопрос так и остался без ответа. Чего же все–таки он от них хотел? В глубине души Бриан знал ответ. Он хотел Джона.

Гарри с Куини ничего не знали о новой страсти Бриана. Они путешествовали и находились далеко от Лондона, когда Бриан открыл «Битлз», а по возвращении обнаружили, что сын возбужден больше, чем когда бы то ни было. Он усадил их на диван в гостиной и поставил пластинку. Раздался ужасный, непередаваемый звук. Затем Бриан сообщил им потрясающую новость: он будет менеджером этого звука, рок–группы под названием «Битлз». Гарри пришел в ярость и бушевал несколько недель. Бриан пообещал, что это лишь ненадолго отвлечет его от магазина, но ему никто не поверил. Куини тяжело вздохнула и благословила его. Она лучше других знала, что спорить с ним бесполезно. Если Бриану что–то взбредет в голову, его ничто не остановит.

Бриан отправился к Мейкину за юридическими разъяснениями. Сытый по горло дикими планами Бриана, адвокат счел его желание стать менеджером «Битлз» нелепым. Это просто смешно, заявил он, мальчик Эпштейнов безнадежен.

4

Бриан не был безнадежен, Бриан был одержим. Не то чтобы его никто не пытался отговорить, считая это пустой затеей, — его невозможно было отговорить. Очарованный битлами, частично в сексуальном аспекте, частично в музыкальном, он чувствовал почти религиозный экстаз. С ним что–то происходило даже тогда, когда он произносил их имена.

3 декабря 1961 года Бриан устроил официальную встречу с группой. Ребят пригласили в Уайтчэппел в половине пятого вместе с Бобом Вуллером в качестве адвоката группы. Бриан часами думал, как обставить эту встречу, разыгрывал ее как спектакль. Он представлял себе, как четверых молодых людей проведут по магазину, поднимут на лифте и проведут в его

современную контору на третьем этаже, это сделает его «личный помощник» Алистайр Тэйлор. Бриан будет сидеть за своим рабочим столом, солидный и сосредоточенный, настоящий бизнесмен. После того как помощник подаст кофе и чай, Бриан объявит о своем желании стать их менеджером. Затем они обсудят контракт. Бриан собирался пообещать контракт с лондонской фирмой звукозаписи и воображал, что ребята будут потрясены и согласятся немедленно подписать с ним контракт.

Но вот наступила половина пятого, а битлов не было. Сотрудники разошлись по домам, оставив Бриана одного в магазине. Уже стемнело, Бриан стоял, спрятавшись за большим агрегатом, и с нетерпением смотрел в окно. Наконец, спустя час, когда Бриан уже собирался уходить, явились Джон с Бобом Вуллером. Очевидно, по пути они уже посетили несколько питейных заведений. Пит Бест и Джордж пришли еще позднее, а Пола так и не было. Бриан, стараясь сдерживаться, попросил Джорджа позвонить Полу домой и узнать, что случилось. Выяснилось, что Пол отправился домой после выступления в «Пещере» и теперь мылся. «Он принимает ванну», — честно сообщил Джордж Бриану. Бриан вспылил: «Это неприлично. Он очень опаздывает». «Зато он очень чистый», — закончил Джордж.

Вскоре выяснилось, что недисциплинированный, но чистоплотный Пол Маккартни — лишь одно из многочисленных препятствий на пути к воплощению мечты Бриана. Пол был настроен очень скептично и настороженно в отношении Бриана, эта ситуация с годами только усугублялась. Он по натуре стремился к лидерству и очень обостренно воспринимал то влияние, которое Джон приобретал в группе. Нетрудно было заметить, как Бриан опускал глаза, встретившись в разговоре взглядом с Джоном. Это беспокоило и раздражало Пола еще и потому, что он всегда считал себя красивым.

Отец Пола с таким же недоверием отнесся к «еврейскому юноше», который, как выяснилось, хотел получать двадцать пять процентов от достающегося тяжелым трудом дохода ребят. Бриан поступил умно, запросив аудиенцию у Джима Маккартни. Он обнаружил, что продавать себя и свои замыслы в отношении битлов гораздо легче, чем продавать мебель в магазине на Уолтон–стрит. Вскоре сбережения старшего Маккартни начали таять под воздействием сердечности и настойчивости Бриана.

Самым крепким орешком оказалась тетушка Мими. Никто не держался так твердо, как Мими. Она знала все о молодом мистере Эпштейне, о его роскошных нарядах и дорогом автомобиле, о деньгах и прихотях и не собиралась скрывать это от Бриана.

«Вас никак не затронет то, что группа окажется лишь искрой в большом пламени. Это для вас не важно, — заявила она, как только он пришел к ней в Мендипс. — Для вас это всего лишь хобби. Если все развалится через шесть месяцев, на вас это не отразится, а что будет с ними?»

«Все будет в порядке, миссис Смит, — горячо заверил ее Бриан. — Я вам обещаю, Джон не пострадает. Только он и важен для меня. Остальные меня не интересуют, но о Джоне я всегда буду заботиться».

Шесть недель спустя за столиком в «Касбахе» Бриан подписал официальный договор с «Битлз», который составил по образцу, присланному ему по почте. Рекс Мейкин был настроен слишком отрицательно и не захотел составлять для него контракт, поэтому Бриан просто заказал на почте стандартный бланк. Фактически этот контракт не имел силы: Полу и Джорджу еще не было двадцати одного года, и требовалась подпись опекунов, чтобы все было законно. А возбужденный подписанием документа, напоминающего брачный контракт, сам Бриан забыл его подписать.

С тех пор как Эпштейн связался с битлами, все окружающие заметили в нем разительную перемену. По вечерам его элегантные костюмы исчезали в шкафу, а на смену им появлялись черные водолазки и черная кожаная куртка — наряд, имитирующий одежду битлов. Бриану трудно было найти менее подходящую одежду, поскольку его элегантность и лоск откровенно проступали сквозь эту маскировку под подростка. Через какое–то время он попытался и причесываться под битлов, но понял, что за его спиной смеются. Он развозил ребят на своей машине на работу якобы по обязанности, но на самом деле просто таскался с ними всюду, очарованный их миром.

В один из вечеров он узнал, откуда битлы черпают такую, казалось бы, неистощимую энергию. Их пристрастие к амфета–мину не прошло после возвращения из Гамбурга, и все, кроме Пита Беста, принимали сильные дозы этих таблеток, покупаемых на черном рынке. Потеряв надежду быть принятым на равных в их среду, Бриан тоже начал вместе с ними употреблять наркотики. Куини не могла не заметить, что, когда он поздно возвращается домой, у него глаза становятся остекленевшими и он все время облизывает губы.

Однако битлы могли изменить внешность Бриана и его привычки проводить вечера, но его душу они изменить не могли. Через несколько недель после подписания контракта музыканты стали получать от него отпечатанные на машинке записки, в которых он в деловом тоне напоминал о времени выступлений.

Поскольку было ясно, что Бриан не способен делать замечания по поводу музыкальной части, он стал настаивать на изменении сценического облика группы. В конце концов Бриан лучше, чем они, знал шоу–бизнес, а ребята не совсем тянули на профессионалов. То, что могло развлечь сборище хулиганов на Мэтью–стрит, совершенно не годилось для больших аудиторий, о которых мечтал Бриан. Для начала он уговорил их не есть и не пить на сцене, но ему так и не удалось заставить их не курить. Они не должны были отпускать грубых шуток, дружески похлопывать друг друга, а также двусмысленно переговариваться. Отныне им следовало четко знать, что и в какой последовательности они будут исполнять. Невзирая на мощный протест Джона Леннона, Бриану даже удалось заставить их расстаться со своими кожаными куртками и грубыми башмаками и одеться в одинаковые костюмы. Это было огромным прогрессом в части создания того потрясающего имиджа группы, который впоследствии стал их торговой маркой. Джону была ненавистна эта идея, и он попытался убедить ребят не соглашаться, говоря, что они продают себя. Костюмы и галстуки шли вразрез со сложившимся образом битлов. Удивительно, но Бриан нашел союзника в Поле. Как оказалось, Пол тоже обладал прекрасным чутьем в области шоу–бизнеса, и, что еще важнее, буржуа до мозга костей, он очень заботился о том, что думают люди. Лучше всего Пол разбирался в вопросах внешнего облика и контакта с аудиторией. Наконец группа сдалась, и Бриан заказал для них удобные серые костюмы с бархатными воротниками у ливерпульского портного. Он решил, что теперь битлы готовы к записи.

5

Как только Бриан начал искать возможность подписать контракт со студией звукозаписи для группы, он отправил письмо музыкальному обозревателю журнала «Ливерпуль Ивнинг Экоу», которого звали Тони Бэрроу, и попросил упомянуть «Битлз» в своей колонке, поскольку, по мнению Бриана и газеты «Мерсей Бит», они были самой популярной группой в Ливерпуле. Бэрроу ответил, что не может о них писать, потому что у них нет английских записей, но дал Бриану рекомендацию для кого–то в художественно–репертуарном отделе в «Декке». В «Декке» упоминание НЕМЗ, крупнейшего продавца грампластинок на севере, привлекло к Бриану пристальное внимание; молодой помощник продавца Майк Смит отправился в Ливерпуль

послушать группу. На Смита их выступление произвело такое сильное впечатление, что он предложил им прослушивание в студии «Уэст Хэмстид».

Ребят это известие привело в крайнее возбуждение, они были уверены, что слава и успех не за горами. Снежным вечером, накануне 1962 года, они погрузились в фургончик Нила Аспинола и направились в Лондон. Нил прежде никогда не ездил в Лондон на машине и, поскольку мела метель, сбился с пути. Ребята просидели десять часов на заднем сиденье фургончика, тесно прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть, пока не добрались до гостиницы, которую заказал для них Бриан, — двадцать семь шиллингов за ночлег и завтрак. Битлы провели новогодний вечер, слоняясь по замерзшим улицам, осматривая город и гадая, что принесет им завтрашнее прослушивание.

На следующий день Бриан и музыканты встретились в студии «Хэмстид». Ребята были возбуждены и напуганы одновременно. Они чувствовали себя неуютно в застывшей, похожей на клинику студии. За шестьдесят минут битлы исполнили четырнадцать песен. Играли они пугливо и напряженно, а Пит Бест, однообразно бивший по ударным, — хуже всех. Холодная чужая студия лишила их энергии и вдохновения, с которыми они обычно выступали. В довершение только три песни из исполненных были написаны Маккартни–Ленноном. На этом настоял Бриан. Он заверил, что лучше знает рынок и что в «Декке» хотели бы услышать варианты известных песен. В тот же день Эпштейн вернулся в Ливерпуль, уверенный, что контракт — лишь дело времени, и взбесился, узнав, что «Дек–ка» выставила битлов.

Первое поражение ошеломило Бриана и вернуло его к реальности: быть менеджером рок–группы — дело непростое, лучше привыкнуть к мысли, что от этой идеи придется отказаться. Похоже, отказ фирмы «Декка» был первым из многих. В течение следующих стремительно пролетевших месяцев он сделал сотни телефонных звонков, написал тома корреспонденции и нанес дюжины визитов, но ничто не сдвинулось с мертвой точки. Каждая новая неделя приносила вежливый отказ очередной солидной фирмы звукозаписи. Декка, Пай, Филлипс, Коламбия и Аш–Эм–Ви — все отказали. Но всякий раз, когда Бриан уже готов был признать свое поражение, ему придавал решимость Джон Леннон. Джон очаровал его своими глазами, своим умом, даже своей грубостью. В присутствии Джона Бриан терял голову. Когда Джон говорил, Бриан отворачивался, не решаясь встретиться с ним взглядом. Джон откровенно развлекался той властью, которую приобрел над

Брианом, и беззастенчиво пользовался ею. Но это лишь подогревало мазохиста Бриана, и он еще сильнее желал Джона.

6

13 апреля битлы должны были вернуться в Гамбург, чтобы выступать в клубе «Стар», большом ночном клубе Рипербана. Для того чтобы поразить ливерпульских фанатов, Бриан шикарно оформил скромную семидневную поездку в Германию как «европейское турне» и, чтобы выдержать стиль, оплатил ребятам билеты на самолет. Куини и Гарри, уже давно испытывавшие недовольство его расточительностью, были уверены в том, что деньги за билеты никогда не удастся вернуть, и еще больше расстроились, узнав, что Бриан будет сопровождать битлов в Гамбург.

10 апреля, в день отъезда, пришли две телеграммы от Астрид Кирхнер из Гамбурга. «Сту болен». «Сту умер». Сту умер у нее на руках по дороге в больницу в машине «скорой помощи». Для его ливерпульских друзей новость не явилась большой неожиданностью. Многие знали, что он очень болен, только никто не знал чем. Сту выглядел таким бледным и худым, что казался прозрачным. У него были все симптомы опухоли мозга, но специалисты Гамбурга и Ливерпуля не смогли ничего обнаружить.

Лишь два года спустя после его смерти была установлена возможная причина смерти. При исследовании черепа и мозга патологоанатомы нашли крошечную опухоль, прежде незаметную на рентгеновском снимке. Она явилась следствием незначительной травмы черепа, нанесенной, возможно, тяжелым башмаком со стальной подковой.

Пол, Джон и Пит вылетели первыми и на следующий день вместе с Астрид встречали самолет, на котором прибывали Бриан, Джордж и Милли Сутклифф. Бриан, на знавший Сту Сутклиффа, старался всех поддержать и успокоить. Он обратил внимание, что Джон Леннон — единственный, кто не плачет и остается бесстрастным, как никогда. Позднее Джон попросил у миссис Сутклифф длинный шарф, который носил Сту, когда учился в художественной школе.

Горе и шок, вызванные смертью Сту, сменились неоновым миром Рипербана. Клуб «Стар» оказался замечательным местом для восстановления душевного равновесия. Построенный на месте старого кинотеатра, этот зал значительно превосходил по размерам все другие залы, в которых битлам приходилось

выступать. В программе музыка чередовалась со стриптизом и выступлениями женщин–борцов. Иногда за вечер через двери клуба проходили 1800 посетителей, и со сцены зал напоминал клубок извивающихся змей.

Во время этих гастролей Джон безумствовал сильнее, чем прежде. Однажды под одобрительные выкрики из зала он вышел на сцену голым, надев на шею сиденье от унитаза. Ночевал он в номере гостиницы напротив клуба, рядом находилась католическая церковь, которая и стала мишенью для его бесконечных нападок. По воскресеньям Джон вывешивал за окно своего номера наполненный водой презерватив, шокируя католиков, идущих на мессу, а как–то утром с крыши помочился на головы трех проходящих мимо монахинь.

На Бриана очарование Гамбурга с его шлюхами и притонами не подействовало так, как оно, со всей очевидностью, подействовало на битлов. Ему не удалось проследить за бесконечными связями ребят с проститутками, что сказалось на количестве приобретенных ими венерических заболеваний. Эпштейн ясно дал понять музыкантам, что будет контролировать все аспекты их жизни. Через неделю после возвращения в Ливерпуль он занялся вопросами звукозаписи. Несмотря на уйму работы в Уайтчэппеле, он теперь почти каждую неделю ездил из Ливерпуля в Лондон.

Во время одной из таких поездок он решил переписать магнитофонную пленку с демонстрационной записью песен группы на диск, чтобы облегчить прослушивание. Студия звукозаписи «И–Эм–Ай» на Оксфорд–стрит предоставляла такую услугу, и инженер студии посоветовал Бриану показать записанный диск кому–либо из издательских компаний «И–Эм–Ай». Сотруднику издательства диск понравился, и он рекомендовал его своему товарищу, главе фирмы «Ай энд Аш» в Парлофоне, Джорджу Мартину. Бриан договорился о встрече на следующий день. Они сразу же понравились друг другу, и битлы получили в Гамбурге телеграмму, которая впоследствии стала талисманом Бриана: «Ребята, поздравляю, «И–Эм–Ай» просят приехать для записи. Пожалуйста, соберите материал».

«Битлз» подружились с Джорджем Мартином, в котором нашли и учителя, и товарища. Различные трюки с электроникой, которые продемонстрировал Мартин в аппаратной, хотя впоследствии и оказались весьма простыми, делали его похожим на Волшебника Изумрудного Города. Когда прослушивание закончилось, самое большое, что мог сказать Мартин, — это «может быть», и то лишь в том случае, если они избавятся от Пита Беста.

Когда Джон, Пол и Джордж вместе с Питом Бестом садились в фургончик, чтобы отправиться обратно в Ливерпуль, участь Пита была предрешена.

7

Лето 1962 года было неудачным для Синтии Пауэл. Ее мать находилась в Канаде, а Джон все время работал и гастролировал. Она чувствовала себя как в ловушке, не видя никакого выхода.

В августе Синтия забеременела и сообщила об этом Джону. В ответ Джон пообещал, что поступит как добропорядочный англичанин, т. е. женится на ней. Он очень боялся сказать тете Мими о своей женитьбе и молчал до последнего вечера. Мими застонала так, словно ее смертельно ранили. «Ты слишком молод!» — закричала она, отказалась дать свое благословение и не пошла на свадьбу. Когда Джон сообщил Бриану о помолвке, Бриан не смог придумать ничего другого, как весело и галантно поздравить молодых, но был страшно доволен, что тетушка Мими перестала с ними разговаривать.

Двадцать четвертого августа, дождливым серым днем, Синтия Пауэл и Джон Уинстон Леннон сочетались в мэрии. Синтия надела свой самый лучший наряд: алый с черным костюм и блузку с жабо, которую ей прислала в подарок Астрид из Гамбурга. Свидетельницей Синтии была ее золовка Марджери, а свидетелем

Джона — Бриан Эпштейн. Пол и Джордж пришли в строгих костюмах, они смотрели грустными глазами и иногда всхлипывали.

После церемонии свадебная процессия промчалась под проливным дождем в местное кафе «Рис». Бриан выбрал именно это заведение для свадебного торжества, думая, что там их никто не узнает. В кафе не оказалось свободных мест, и им пришлось ждать двадцать минут, пока не освободится столик. Подавали суп и цьшлят. Бриан произнес тост за здоровье молодоженов, поднимая стакан с водой. Он оплатил счет, отметив про себя, что свадебное застолье обошлось ему в пятнадцать шиллингов за каждого.

Бриан очень опасался, что женитьба Джона, а также его предстоящее отцовство разрушат имидж «Битлз» и помешают их успеху. Беременная жена могла вызвать скандал среди поклонниц. На что это будет похоже, если Синтия с пузом будет ждать Джона за кулисами или околачиваться на улице? О женитьбе не стоило упоминать вообще. Синтия страшно

огорчилась и обиделась, но согласилась с этим условием. Ее поселили в доме на Фолкнер–стрит и спрятали от чужих глаз. За все время беременности она почти не видела Джона. Группа постоянно гастролировала, останавливаясь в дешевых лондонских отелях. Иногда Джон заходил на Фолкнер–стрит, чтобы взять чистые сорочки и оставить грязные. Во время одного из таких редких визитов Синтия убедила Джона в том, что пришло время помириться с Мими. Однажды они без предупреждения приехали в Мендипс и позвонили в дверь. Когда Мими увидела на пороге молодоженов, ее лицо озарила широкая улыбка, она бросилась обнимать их и пригласила в дом, наготовила массу вкусных вещей. Мими была так счастлива, что предложила Синтии переехать в Мендипс. Снова Синтия поселилась у Мими, но, повинуясь диктату Бриана, продолжала притворяться, что она не жена Джона, а незамужняя беременная студентка, снимающая комнату.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Что делать такому вахлаку, как
я, со всем этим добром?

Ринго Старр

1

Ринго Старру было двадцать два года, когда его пригласили играть в «Битлз». До этого момента история его жизни представляла собой цепь нескончаемых бед.

Ричард Старки родился 7 июля 1940 года в семье пекарей Элси Глив и Ричарда Старки. Ричард ушел из семьи, когда Ритчи было всего три года, и с тех пор мальчик видел отца всего три раза в жизни. Вначале Старки высылал на ребенка по тридцать шиллингов в неделю, затем деньги перестали поступать, и Элси не могла больше платить за квартиру, в которой они жили. Она нашла работу в баре, и мальчик почти все вечера оставался один.

Когда Ритчи было шесть лет, у него как–то заболел живот. Боль не проходила всю ночь, и наконец «Скорая» отвезла его в больницу. Но было слишком поздно, аппендицит прорвался, и начался перитонит. Он находился в коме десять недель и провалялся в больнице почти целый год.

Элси вышла замуж во второй раз за художника из ливерпульской корпорации Гарри Гривза, и Ритчи полюбил его всем сердцем. Какое–то время жизнь текла вполне благополучно. Но, когда ему исполнилось тринадцать лет, он простудился и заболел воспалением легких. На этот раз Ритчи провел в больнице два года. В школу он больше не вернулся.

Шел 1956 год. Начинался бум самодеятельных вокально–инструментальных ансамблей, и Ритчи со своим другом Эдди Клэйтоном сколотили группу. Они стали выступать с концертами. Группа со временем развалилась, но Ритчи уже профессионально играл на ударных, теперь с ливерпульской группой «Рори Сторм энд зе Хуррикейнз». Именно тогда, в период популярности «Рори Сторм», Ритчи стал Ринго.

Битлы хорошо знали Ринго не только по ливерпульским гастролям, но и по Гамбургу. Он любил повеселиться, не страдал комплексами и ладил со всеми ребятами из группы гораздо лучше, чем Пит Бест. В последние месяцы популярность «Рори Сторм» стала падать, и Ринго получил приглашение от битлов

попробовать себя в их группе.

2

Синтия жила в одиночестве, занимая комнату в доме тетушки Мими, и следила за успехами мужа со смешанным чувством страха и тихой гордости. Она никому не могла сказать о том, что они с Джоном поженились. Впрочем, он так отдалился, что это уже почти не имело значения, и хотя все вокруг говорили, что деньги к нему текут рекой, она их не видела.

Поздно вечером в апреле у Синтии начались схватки, и она была доставлена в «Сефтон Дженерал госпиталь». Через двое суток, 8 апреля, у Леннонов родился сын. Его назвали Джулиан в честь бабушки. Синтия держала младенца на руках и умилялась тому, как он похож на папу. В тот вечер Джон позвонил в больницу, но еще целую неделю не приезжал ее проведать.

В больнице никто не знал, что Синтия — жена Джона Леннона. Бриан проследил за тем, чтобы ей отвели отдельную палату за 27 шиллингов в день. В день выписки Синтии неожиданно появился Джон. Он всерьез замаскировался, на нем были шляпа, фальшивые усы и темные очки. При виде Джулиана Джон пришел в экстаз, у него даже руки дрожали, когда он взял на руки крошечного мальчугана. Джон сообщил Синтии, что уезжает с Брианом в Барселону. Синтия откинулась на подушку, вся дрожа от негодования. Как он может?! Оставить ее с Джулианом и уехать, да еще и с Брианом Эпштейном! Джон вспылил. «Ты эгоистка. Я месяцами вкалываю, как ишак, и заслужил отдых. К тому же Бриан хочет, чтобы я поехал с ним, а я так многим ему обязан. С кем же еще ему ехать?»

Бриан и Джон прибыли в Барселону в конце апреля 1963 года. Целыми днями они ходили по магазинам и путешествовали по окрестностям, а по вечерам сидели в кафе при свете свечей и наблюдали за скользящими в лунном свете влюбленными парами.

3

Родственники и близкие друзья «Битлз» узнали, что Джон и Бриан уехали в Испанию вместе. Эта поездка стала главной темой для разговоров и догадок. Синтия оказалась в щекотливом положении. Мендипс стал объектом поклонения местных юных фанатов. Кроме того, плохо скрываемая неприязнь между Синтией и тетушкой Мими возрастала. Теперь они ссорились не

только из–за Джона, но и из–за подрастающего Джулиана, которого Мими считала своей собственностью.

В ту весну Синтия редко видела Джона, и одним из таких дней был день рождения Пола Маккартни. Ему исполнялся 21 год. Дом семьи Пола на Фортлин Роуд также осаждался поклонниками «Битлз», и, чтобы избежать встречи с ними, решено было устроить вечеринку в доме тетушки Джин. Торжество по случаю дня рождения Пола, начавшееся в полдень в саду, переросло в безумное празднование успехов «Битлз». Синтия была чрезвычайно взволнована и счастлива приглашением в качестве супруги Джона. Гости все больше пьянели, праздник становился шумным и безумным. Неожиданно в другом конце сада завязалась драка. Джон, в бешеной ярости и, очевидно, очень пьяный, колотил Боба Вуллера, диск–жокея из «Пещеры». Трем мужчинам удалось оттащить Джона, но перед этим он успел сломать Вуллеру три ребра. Вуллера отправили в больницу.

На этом праздник закончился. Испуганная Синтия робко подошла к Джону.

«Я ему переломал ребра к чертовой матери», — сказал ей Джон, вытирая губы тыльной стороной ладони.

«А что он тебе сделал?» — спросила Синтия.

«Он обозвал меня чертовым педерастом, — ответил Джон. — Он сказал, что мы с Брианом педерасты».

Боб Вуллер преследовал Джона, намереваясь отомстить за побои, и история неминуемо переросла бы в крупный скандал. Бриан был весьма обеспокоен. Он принял меры, чтобы его поездка с Джоном в Испанию, а также драка на дне рождения Пола не были преданы огласке, и поручил Рексу Мейкину уладить это дело тихо, в суде, за 200 долларов. Но слухи о Бриане и Джоне тем не менее не прекратились, и Синтия продолжала строить догадки.

4

Если женитьба Джона Леннона была лишена всякой романтики, то жизнь Пола Маккартни, наоборот, полностью ею наполнена. Как только Пол стал знаменитостью, он начал заводить каждый вечер по новому роману. Признанный всеми самым «крутым» в группе, он также был и самым доступным. Из четырех битлов именно Пол никогда не уставал позировать фотографам и добровольно давать интервью. Именно Пол лукаво улыбался девушкам, поощряя их бегать за своей машиной, и выкрикивал из окна: «Бегом, девочки, бегом!» Именно Пол

придумывал немыслимые шляпы и накладные усы для маскировки, прогуливался в таком виде среди толпы девушек, ожидающих у служебного входа, и слушал, что о нем говорят. И все же, несмотря на количество девушек, с которыми встречался, Пол в каждой находил какой–нибудь изъян. Ни одну из них он не привел бы домой познакомить с Мамой Мэри, если бы та была жива. Каждый северянин в глубине ирландско–католической души прежде всего ищет девушку, с которой можно создать семью и растить детей.

Наконец Пол встретил такую девушку. Звали ее Джейн Ашер, у нее были рыжие волосы и глаза, как изумруды. Они познакомились на концерте рок–групп в «Роял Альберт холле», и Пол совершенно потерял голову.

Джейн жила со своей семьей в роскошном пятиэтажном доме на Уимпоул–стрит в Лондоне. Ее отец, доктор Ричард Ашер, был известным психиатром и консультантом по заболеваниям крови и душевным болезням. Мать, Маргарет, — профессиональный музыкант, преподавала музыку в лондонской музыкальной школе. Младший брат Джейн Питер, выпускник Кембриджа, был подающим надежды музыкантом и сочинителем песен. Семья Ашеров не была похожа ни на одну из семей в Ливерпуле. Пола приглашали принять участие в откровенных, часто захватывающих дискуссиях за обеденным столом. Д–р Ашер, как с удовольствием обнаружил Пол, был блестящим рассказчиком. Вначале слегка напуганный, Пол впервые в жизни занялся самообразованием. Джейн доставала для него книги и билеты в театр. Он все заглатывал с благодарностью, приобщаясь к новой жизни.

Годы спустя Пол и сам не мог поверить в то, что так долго ухаживал за Джейн, не пытаясь уложить ее в постель, но так оно и было. Каждый вечер он либо возвращался в свой гостиничный номер, либо спешил на последний рейс из Хитроу в Ливерпуль. Однажды он опоздал на самолет, и миссис Ашер любезно предложила ему остаться переночевать в гостиной, которая находилась через один лестничный пролет от спальни Джейн. В конце концов было глупо постоянно снимать номер в гостинице, и, с благословения домочадцев, Пол на два года переехал к ним с вещами и гитарой.

Ринго Старр больше всех растерялся от успеха, который неожиданно пришел к «Битлз». Он очень стеснялся и подозрительно относился к посторонним. Однажды в клубе «Пещера» Ринго обратил внимание на маленькую говорливую девушку по имени Маурин Кокс. У нее были большие, темные, грустные глаза, и Ринго предложил ей покататься на своем

подержанном сине–кремовом «форде».

Свидание прошло замечательно. Они обнаружили, что прекрасно подходят друг другу. Он — простой и необразованный, она — славная хохотушка, которой особенно нечего сказать. В течение первых шести месяцев их свидания длились по вечерам не больше часа. Другие девушки из числа поклонниц «Битлз» смотрели на Маурин как на временное увлечение, но она оказалась цепкой и хитрой во всем, что касалось «ее Ритчи». Но о каком–либо серьезном сдвиге в отношениях Маурин и не помышляла. Замужество с кем–либо из «Битлз» было в Ливерпуле табу. И все же она надеялась, что когда–нибудь, когда ей исполнится семнадцать или восемнадцать, все изменится. Однажды до нее дошли слухи, что Джон Леннон тайно женат, и она спросила об этом Ринго.

«Если и так, — ответил Ринго, — мы не хотим об этом говорить».

ГЛАВА ПЯТАЯ

«КОРОЛЕВСКИЙ РОК «БИТЛЗ»

— заголовок из «Дейли экспресс», 4 ноября 1963 г.

1

Несмотря на колоссальный успех, заполненные концертные залы и растущую популярность группы, главное лондонское издательство «Флит–стрит» продолжало игнорировать «Битлз». Битлы побили все рекорды по количеству записанных пластинок, во всех маленьких северных городах их окружали истеричные толпы поклонников, но в Лондоне они появлялись лишь в нескольких маленьких концертах и телешоу для подростков. Всякий раз, как только Бриан делал попытку протащить материал о «Битлз» в крупные лондонские издания, достойные их популярности, он, казалось, натыкался на каменную стену. Бриан понял, что это заговор трех братьев — Лу и Лесли Грейдов и Бернарда Дельфонта. Грейды весь развлекательный бизнес оплели паутиной, в которую и угодили Бриан с ребятами. Лу Грейд, впоследствии лорд Грейд, владел огромной телевизионной корпорацией, самой крупной независимой компанией, выпускающей телепрограммы Великобритании. Еще он самолично создал популярное телешоу «Воскресный вечер в Палладиуме». Лесли Грейд возглавлял самое большое в стране агентство шоу–бизнеса, представлявшее таких людей, как Лоуренс Оливье, а также кинофильмы, спектакли и телепрограммы. Третий брат, Бернард, владелец нескольких престижных театров, был могучей силой за спиной театров Вест–Энда; после аудиенции у королевы он стал владельцем престижной программы «Роял Ком–манд Перфоманс». То, что братья переделали свою фамилию на английский манер — их настоящая фамилия Виноградские, — и то, что Бернард выбрал себе такое претенциозное имя, как Дельфонт, усиленно обсуждалось в конторе Бриана, где его еврейское происхождение являлось предметом гордости и одновременно больным местом. Преуспевание братьев задевало Бриана даже больше, чем игнорирование ими «Битлз». Проблема возникла, когда после первого успеха «Битлз» агентство Лесли Грейда предложило Бриану подписать контракт на презентацию и ангажемент группы.

Поскольку крупное и влиятельное агентство могло оказать значительную помощь «Битлз», такой шаг представлялся разумным. Но за свои услуги оно хотело получать 10 процентов всего — очень значительного — дохода от выступлений группы. Бриан, выполнявший функции менеджера и агента по ангажементу, должен был сократить свои комиссионные до 15 процентов. Более того, теперь Бриан активно организовывал собственные концерты на севере Англии, пользуясь услугами менее известных менеджеров НЕМЗ, которые открывали счета для «Битлз». Таким образом, он получал деньги как менеджер всех групп, как агент по ангажементам и как руководитель. Его доход — в основном наличными — был огромным. Как только Грейды наложат лапу, все прикроется, и Бриан решил полностью исключить этот вопрос.

Но выяснилось, что Бриан тем самым создал определенные сложности, так как братья отстранили «Битлз» от своего издательства. Все же он не сдавался и надеялся, что ребята сами проложат себе дорогу, а Грейды будут вынуждены уступить их требованиям.

В 1963 году «Битлз» записали свой первый сингл, первый альбом и долгоиграющую пластинку, которая в мгновение ока была раскуплена. Заказы на запись первого сингла «Она тебя любит» начали поступать с июня, и уже более полумиллиона пластинок были заранее проданы в магазины. В песне «Она тебя любит» Джорджу Мартину удалось соединить практически все компоненты трех предыдущих синглов. В ней были простенькие рифмы типа «грусть — пусть», а мелодия и стихи гармонично сливались, хор попадался на хитрый крючок заразительной музыкальной темы, простенькое «ей–ей» стало не только торговой маркой «Битлз», но и международным эвфемизмом рок–музыки. Песня «Она тебя любит» не просто побила все рекорды, пластинка стремительно вырвалась на первое место и была распродана быстрее, чем любой из синглов, ранее выпущенных в Великобритании. Этот рекорд так и не был побит в течение последующих пятнадцати лет. Лу Грейд не мог противостоять давлению сотен тысяч писем от людей, просивших показать «Битлз» в «Воскресном вечере в Палладиуме», и 13 октября битлы получили приглашение. Бриан, не желая пускать дело на самотек, настоял на том, чтобы «Битлз» потребовали увеличения суммы. Таким образом он тоже сказал свое слово.

В тот вечер их видели 15 миллионов зрителей — по тем временам цифра ошеломляющая. В день их выступления Ар–джил–стрит, на которой находился «Палладиум», была забита фанатами, а в самом театре их ждали целая кипа упакованных

подарков, пресса и тележурналисты.

Три дня спустя Бернард Дельфонт поместил в газете сообщение о том, что «Битлз» выступят в «Роял Комманд Перфоманс» в начале ноября и там будут присутствовать принцесса Маргарет и королева. В течение последующих недель элитарная пресса Флит–стрит освещала каждый их шаг во время турне, и огромное количество людей узнало о новом специфическом явлении, которое имело место всюду, где появлялись «Битлз»: публика вопила, рыдала, визжала, а иногда даже разрывала на себе одежду, социологи определили это как «сфокусированная форма массовой истерии». Однако главный секрет был в волосах. Никто не мог оставить без внимания прическу битлов.

5 ноября, в тот вечер, когда должно было состояться представление в «Роял Комманд Перфоманс», 500 полицейских окружили театр принца Уэльского. Было неясно, кто нуждался в охране, — «Битлз» или королевская семья. После скучного концерта, в программе которого участвовали трио гитаристов, дрессированные собаки и Марлен Дитрих, объявили выступление ребят, и публика взревела от восторга. Приветствие Джона: «Пусть зрители на галерке хлопают в ладоши, а остальные могут просто позвенеть драгоценностями» — привело зрителей в экстаз. На следующий день газеты были единодушны в оценке «Битлз». «Дейли экспресс» поместила фотографию группы на первой странице, а «Дейли миррор» подытожила заголовки газет, назвав то, о чем вскоре услышал весь мир, одним словом — битломания!

2

На следующий день после выступления в «Роял Комманд Перфоманс» Бриан аккуратно упаковал все газеты со статьями и заметками в чемодан и сел в самолет, вылетающий в Нью–Йорк. Америка манила его, словно какая–нибудь сверкающая Шангри–ла — страна процветания и роскоши, которую ему страстно хотелось завоевать для «Битлз». Несмотря на то, что премьер–министр Гарольд Макмиллан отозвался о группе словами: «Никогда еще не доводилось слышать ничего лучше», — Великобритания казалась скучной по сравнению с тем, что творилось в Соединенных Штатах. Уровень безработицы сравнительно низкий, зарплаты высокие, газ дешевый, фонари огромные. У многих дома были телевизоры, у некоторых даже цветные. Нью–Йорк стал центром, где собрались сливки общества, оставив Парижу второе место. Джон и Джеки Кеннеди

воспринимались как королевская чета, а их королевство — как Камелот. Бриану удалось подписать в Чикаго контракт с маленькой фирмой звукозаписи «Ви Джей». Прогнозы более крупных фирм, что пластинка «Пожалуйста, сделай мне приятное» потеряется в огромном море записей, подтвердились, было продано всего 400 пластинок. Следующий сингл — «Она тебя любит», — ставший хитом в Англии, был также отвергнут всеми крупными компаниями.

Бриан сделал ставку на «Эд Сулливан Шоу», самую популярную в 1963 году развлекательную программу на телевидении. У Эда Сулливана, шоумена и импресарио, был наметанный глаз. Он быстро оценил потенциальные возможности «Битлз» на американском телевидении и понял, что пришла пора ими заняться.

В гостиничном номере Бриана организовали встречу с зятем Сулливана Бобом Прехтом. Прехт дипломатично разъяснил, что Сулливан заинтересован в том, чтобы они выступили в передаче, но лишь в очень короткой рубрике новинок. Бриан был поражен. Он хотел сделать битлов гвоздем программы. Но выбора у него не было. Телешоу Сулливана — лучшая программа на телевидении, но ведь и они тоже самые лучшие. Сделка, которую в конце концов заключили Бриан с Прехтом, была весьма необычной. «Битлз» сделают гвоздем программы не в одном, а в двух воскресных шоу. За каждое выступление они получают по 3500 долларов. Даже при том условии, что Сулливан оплатит авиабилеты, сумма в 7000 долларов не покроет расходы. Фактически Бриан подписал контракт на участие группы в шоу, но он должен был сам организовывать эту поездку, заплатив за нее около 50 000 долларов.

Имея в кармане контракт с Эдом Сулливаном, Бриан направился в «Капитол рекордз». Встретившись с директором по восточным операциям Брауном Мэггзом, он продемонстрировал ему последний сингл «Я хочу держать твою руку». Бриан настаивал на том, что появление в шоу Эда Сулливана удвоит впечатление от песни и оно будет таким же сильным, как и в Англии. Но Меггз пообещал выпустить пластинку «Я хочу держать твою руку» ограниченным тиражом в январе 1964 года, за месяц до их выступления в телешоу Эда Сулливана, и весьма неохотно. Довольный Бриан вернулся в Англию в середине ноября 1963 года.

3

В Ливерпуле в НЕМЗ деньги потекли сплошным потоком. Семьи битлов даже не смогли сразу осознать, что это означает. Не поняли и в Вултоне, и в Дингле, где находились магазины НЕМЗ и где я (Питер Браун) в то время работал управляющим. Подсчитали, что за первый год в Великобритании было продано альбомов «Битлз» на 6 миллионов долларов, что увеличило прибыль НЕМЗ на 80 процентов. Даже по самым скромным подсчетам, битлы стали богатыми людьми, особенно Джон и Пол, зарабатывавшие во много раз больше Джорджа и Ринго, поскольку получали авторские гонорары за свои песни. Но теперь, когда ребята стали миллионерами, возникла новая проблема: их доход облагался налогом. 94 процента прибыли уходило Британской налоговой службе. Математики были безжалостны; ребятам оставалось лишь шесть процентов с каждого фунта, после чего Бриан забирал свои 25 процентов.

Все это время битлы с семьями продолжали жить в Ливерпуле. Но настала пора перевести всю организацию в Лондон, где кипела деловая жизнь. Бриан поехал первым, чтобы проложить дорогу для «Битлз». Он снял целый этаж дома на Арджил–стрит, рядом с «Палладиумом», и бодро объявил об этом в НЕМЗе, а затем индивидуально пригласил своих основных сотрудников поехать с ним в Лондон. Многие согласились, среди них телефонистка Лори Маккаффри и секретарша Барбара Беннет. Я остался в Ливерпуле в семейном магазине НЕМЗ.

В Лондоне Бриан подыскал для себя просторную квартиру с двумя спальнями, расстелил в квартире белый ковер от стены до стены и поставил черную массивную кожаную мебель. Стена на западной стороне состояла из стеклянных панелей от пола до потолка и вела на маленькую террасу, с которой открывался вид на крыши домов через дорогу. Бриан нанял чернокожего повара Лонни, готовившего еду и упаковывавшего чемоданы для постоянных путешествий, а также шофера Рега для своего нового красного «роллс–ройса».

Полу в Лондоне не пришлось искать жилье, он просто окончательно переехал к Ашерам на Вимпоул–стрит. Джордж и Ринго поселились вместе в маленькой квартирке на Грин–стрит, но поклонники «Битлз» быстро обнаружили эту квартиру, и ребятам пришлось переехать. С их согласия Бриан нашел для них двухкомнатную квартиру в Уадхам–хаузе, двумя этажами ниже своих собственных апартаментов. Это здание было выбрано из соображений удобства и безопасности, но Бриан боялся, что как–нибудь Джордж или Ринго задержатся наверху выпить чашку кофе и заметят, что он приглашает на свои вечеринки только мальчиков.

Переезд Джона в Лондон прошел не так гладко, как у остальных: что делать с Синтией и ребенком? Они недавно вернулись в Хойлейк, в дом ее матери. Джон надеялся, что о ней забудут, но теперь, когда пресса заинтересовалась личной жизнью битлов, стало известно, что он женат. Джон решительно отрицал этот слух, и все репортеры Флит–стрит задались целью изобличить его во лжи. Не составило труда выяснить адрес Лилиан Пауэл через соседей, и целый дивизион репортеров с фотокамерами оккупировал Тринити Плейс. Они буквально дневали и ночевали в машинах перед домом, поджидая Синтию. Почти неделю она пряталась, а затем отважилась выйти из дома в лавку зеленщика вместе с коляской, в которой лежал Джулиан. Ее незаметно сфотографировали, а в лавке зеленщика два репортера подошли и спросили, не является ли она женой Джона Леннона.

В ужасе от того, что ей попадет, Синтия стала твердить, что она своя собственная сестра–близнец и фотографировать ее не надо. Участливый зеленщик попытался обратить в шутку это недоразумение, но ложь была слишком очевидной. На следующее утро Синтия, замирая от страха, заглянула в газеты. На первых страницах нескольких газет были помещены ее фотографии, на которых она толкала перед собой коляску с Джулианом.

Джон пришел в ярость. «Быть женатым, — сказал он, — все равно что ходить в непарных носках или с расстегнутой ширинкой». Но больше всего Джона беспокоило, что девушки перестанут за ним бегать. Но они не перестали. Любопытно, что Бриан защищал Синтию, уговаривая Джона не слишком обижать ее. Поскольку секрет был раскрыт, следовало по возможности извлечь пользу из создавшейся ситуации. Женатый битл, имеющий обожаемого сына, дополнял имидж группы, тем более что ни одна из газет не упоминала о том, что Синтия, очевидно, забеременела до того, как Джон на ней женился. Подсчитать было достаточно легко, но никто и никогда в прессе не обсуждал историю женитьбы Джона и появления на свет Джулиана. (Спустя много лет Синтия Твист описала свое замужество в автобиографии, полной личных переживаний. Там она изменила дату свадьбы, указав 1962 год. Эта неточность неоднократно подмечалась биографами «Битлз». Недавно Синтия призналась, что ошибка была допущена неумышленно, у нее всегда возникали провалы в памяти, когда речь заходила о том, что Джулиан был зачат до свадьбы, и до сих пор она путает даты.)

Пресса проявила удивительную терпимость и демократичность, посчитав, что популярность «Битлз» сама по себе слишком красивая легенда, чтобы ее марать. Такая философия ограждала группу от скандалов в течение многих лет.

Было решено, что Джон заберет с собой в Лондон Синтию и ребенка. Первыми, с кем Синтия познакомилась в Лондоне, были официальный репортер «Битлз» Боб Фриман и его жена. Фриман поставлял фотографии битлов для ежемесячного журнала клуба поклонников «Битлз», тираж которого превышал 100 000 экземпляров. Синтия узнала, что в доме Фриманов освободилась квартира, и попросила Джона снять ее. Но она перестала радоваться переезду в Лондон, как только взглянула на новую квартиру, находившуюся на последнем этаже шестиэтажного дома без лифта. Мрачная квартира располагалась в старинном здании, напротив большой студенческой гостиницы. Из окон открывался вид на крыши и Уэст–Лондон–Эр–Терминал[2].

Через несколько недель поклонники Джона узнали этот адрес и стали осаждать дом, особенно девушки, проживавшие в студенческой гостинице. Ежедневно Синтия сталкивалась с ними на ступеньках и с неизменным негодованием смотрела на окна гостиницы, из которых свешивались плакаты, приветствующие приход ее мужа домой или провожающие его по утрам из дома. Она стала избегать фанатов и осталась совсем одна в большом городе. Однажды вечером, вскоре после их переезда, в один из тех вечеров, когда Джон, как это бывало, часто находился на гастролях, загорелось здание аэровокзала. Синтия стояла у окна с Джулианом на руках и смотрела, как крыши домов вокруг охватывают языки пламени. И она, и ребенок истерически кричали. Все шло не так, как загадывала Синтия, но по крайней мере больше ей не надо было прятаться…

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Америка у наших ног! Что может быть важнее этого?»

Из телефонного разговора Бриана Эпштейна с Питером Брауном.

1

Сила взрыва популярности «Битлз» в Америке чуть не сбила их с ног. «Я хочу держать твою руку» вышла 26 декабря, а 18 января попала в каталог «Билборд» под номером 45. Это заставило работников «Капитол Рекордз» насторожиться и обратить на нее внимание, хотя они решили, что небольшой клип в шоу Джека Пара не вызвал большого интереса. Тем не менее через неделю «Я хочу держать твою руку» оказалась на третьем месте в таблице, а еще через неделю перепрыгнула на первое.

7 февраля 1964 года рано утром битлы и Бриан Эпштейн выехали в Америку для участия в шоу Эда Сулливана и в концерте по случаю государственного праздника — дня рождения Линкольна. Их сопровождали недавно нанятый представитель прессы Тони Бэрроу, который писал колонку «Диск» в ливер–пульском «Эхо», Нил Аспинол, Дезо Хоффман, официальный фотограф, телохранитель группы на время гастролей Мэл Эванс и — что было весьма неожиданно — миссис Джон Леннон.

В шляпке, напоминающей гриб, длинном жакете и темной мини–юбке ее, как важного гостя, усадили в аэропорту Хитроу вместе с битлами. Последняя пресс–конференция была устроена для того, чтобы попрощаться с национальными героями, и Син–тия с чувством собственного достоинства вошла в переполненную аудиторию, в то время как Джон занял место рядом с ребятами. Битлы четко отработали забавный школярский стиль диалога и прелестного подтрунивания — так они общались с репортерами на пресс–конференциях. Но как только началась пресс–конференция, оператор неожиданно позвал: «Подойдите сюда, Синтия, милая, давайте–ка поговорим с вами одной. Садитесь к свету».

Синтия похолодела. Она была уверена, что Бриан и Джон не хотели, чтобы она выходила, и близоруко вперилась взглядом туда, где находился Джон.

«Послушай, Джон, ты не возражаешь, если мы сделаем пару снимков твоей жены?» — спросил другой фоторепортер. «А может быть, мы вас с Синтией вместе сфотографируем?»

Гомон журналистов и фоторепортеров продолжался до тех пор, пока Джон, пожав плечами, не направился к Синтии. Они сели рядом, а фоторепортеры защелкали вспышками фотоаппаратов. Это был первый случай, когда их фотографировали вместе как мужа и жену. Наконец–то она вышла из тени в свет прожекторов вместе с Джоном.

Все девять часов полета Мэл Эванс и Нил Аспинол занимались тем, что переносили автографы битлов на тысячи фотографий, которые они намеревались раздать фанатам в аэропорту. Мэл и Нил научились отлично подделывать почерк битлов, но потребовалось бы еще человек десять, которые проработали бы месяц, подписывая фотографии, для того, чтобы удовлетворить толпу, ждавшую их в аэропорту Кеннеди. Нью–Йорк помешался на «Битлз» благодаря «Капитол Рекордз». Когда «Я хочу держать твою руку» заняла первое место в хит–параде, «Капитол» истратила неслыханную сумму в 50 000 долларов на рекламу. Песни битлов транслировали по радио, продавали их постеры и печатали фотографии на пуговицах и наклейках для бамперов. Журналисты, пользуясь случаем, с сарказмом писали об их музыке и прическах. «Капитол» также записала ответы битлов на вопросы журналистов, забавно скомпоновав интервью, и разослала магнитофонные записи с их ответами на все радиостанции страны. Радиостанции Нью–Йорка получали ежедневно колоссальный доход за живую трансляцию. Дабл–ю–Эм–Си–Эй, крупнейшая государственная радиостанция, выпускала захватывающие дух бюллетени об их растущем успехе. «Сейчас восемь часов семнадцать минут, время «Битлз», и сейчас великолепная четверка находится за тысячу сто километров на материке…»

К тому времени, как самолет приземлился в Нью–Йорке и ребят подвезли к зданию аэровокзала, перед ними предстало зрелище весьма необычное. Здание международного аэропорта было запружено фанатами, напоминающими пчелиный рой; они вопили, размахивая плакатами, свешивались с площадки для наблюдения, пачками облепляли все стекла, стоя друг на друге пирамидой по пять человек.

Полицейские провели битлов в здание аэровокзала к таможне. Хотя им и не пришлось стоять в очереди, бесстрастные нью–йоркские таможенники тщательно проверили багаж каждого. Снаружи их поджидали более 200 американских журналистов и съемочная группа, которая должна была снять документальный

фильм для английского телевидения, фиксируя каждый их шаг. В отличие от прессы Флит–стрит, где было лишь обожание с той поры, как их заметили, американская пресса всячески подкалывала «Битлз». Над неожиданным потоком пластинок «Капитол Рекордз», а также сомнительным качеством песенок типа «Я хочу держать твою руку» всячески насмехались. В лучшем случае нью–йоркская пресса считала «Битлз» прихотью, которая быстро пройдет, и, если ребятам удавалось повалять дурака на пресс–конференциях, они не упускали такой возможности.

Конференция началась с того, что битлы заняли места за столом, перед каждым был установлен микрофон. Бриан откинулся назад, нервно поглаживая подбородок. Поскольку в комнате не сразу наступила тишина, необходимая для того, чтобы начать конференцию, Леннон сам оповестил об открытии процедуры протяжным громким криком: «Шакаарап!»

«Вам нравится, как вас здесь встречают?» — спросил репортер.

«Так ведь это же Америка, — заметил Ринго, осматриваясь. — Похоже, что здесь все не в своем уме».

«А вы не собираетесь подстричься?»

«А мы уже это сделали вчера», — бодро ответил Джон.

«Вы конфликтуете со старшим поколением?»

«Это грязная ложь».

«Как вы расцениваете кампанию, развернутую в Детройте, по уничтожению «Битлз»?»

«Мы проводим кампанию в нашем родном городе по уничтожению Детройта», — произнес Пол.

«Чем вы занимаетесь в своих номерах в промежутках между концертами?»

«Катаемся на коньках».

«Вы, ребята, собираетесь захватить что–нибудь с собой?»

«Центр Рокфеллера».

Теперь уже пресса с удовольствием развлекалась.

«Как вы относитесь к Бетховену?»

«Я его очень люблю, — ответил Ринго, — особенно его стихи».

«В вашей семье кто–нибудь занимался шоу–бизнесом?» — спросили Джона.

Джон тонко улыбнулся: «Ну, папа часто говорил маме, что она большая актриса».

Когда стало очевидно, что ребята очаровали большинство скептически настроенных журналистов, Бриан закрыл конференцию, и битлов проводили из зала к ожидающей колонне лимузинов. Их сопровождали четыре нью–йоркских полицейских

машины и два мотоцикла. Сирены гудели всю дорогу до отеля «Плаза», где были забронированы номера для «Битлз». Полиция забаррикадировала Пятую авеню, сдерживая поток фанатов, запрудивших «Гранд Плаза» и рвущихся в отель. Все службы отеля нарушили свой привычный режим, включая дежурного, которому беспрерывно звонили. Охрану пришлось вдвое усилить, а гостей, обедавших в изысканном ресторане Палли Корт, попросили освободить места для битлов и их свиты.

Не имея возможности покинуть отель из–за напирающей толпы, битлы поднялись на двенадцатый этаж в десять совмещенных между собой комнат. Весь день они смотрели американские телепрограммы, широко освещавшие их прибытие, и пресс–конференцию, весьма дружелюбно болтали с диск–жокеями, которым удалось уговорить служащих и прорваться сквозь строй обескураженных фоторепортеров. Телефонные разговоры записывались на магнитофоны или транслировались «вживую» по местным радиостанциям, а «Битлз» наивно выбросили тысячи долларов, дав согласие на бесплатную передачу. Узнав об этом, Бриан ворвался в номер как ураган и запретил им подходить к телефону. Остаток дня они провели, развлекаясь тем, что дразнили уличную толпу, пока полицейский сержант не потребовал, чтобы они отошли от окон. После этого окно, к отчаянию нью–йоркской полиции, стало их главной игрушкой.

В первый же вечер Джордж Харрисон заболел гриппом, у него поднялась температура и разболелось горло. Луиза, сестра Джорджа, несколько лет назад вышедшая замуж за американца, прилетела в Нью–Йорк, чтобы ухаживать за своим двадцатилетним братом.

В течение всего дня передавались бюллетени с двенадцатого этажа, в которых сообщалось, что Джордж действительно поправляется и может выступить с группой в вечерней программе. На самом деле Джордж Харрисон был серьезно болен, и температура у него держалась высокая. Однако Бриан и все остальные решили, что Джорджу, если только он не умрет, нельзя ни в коем случае пропустить первое выступление в Америке. В номер привели врача, он напичкал Джорджа лекарствами и, по словам Нила, всадил лошадиную дозу амфетамина, который остальные ребята уже приняли. Его погрузили в лимузин, привезли в студию Сулливана и дали в руки гитару. Надо отметить, что только благодаря Джорджу группе удалось в тот вечер выступить вживую.

Эд Сулливан переживал один из труднейших периодов своей программы. Для человека, который только что представлял

марширующие вооруженные войска Советского Союза при полном параде, а следом за ними через несколько секунд на той же сцене хор мормонов, приглашение квартета было просто кошмаром. Эд Сулливан, великий труженик, но еще больший циник, думал, что повидал все за ту неделю, когда представлял в своем шоу Элвиса, но это были цветочки в сравнении с «Битлз». Пресса не оставляла их, график записи ломался, планы рушились. Как и отель «Плаза», театр превратился в вооруженный лагерь. Эд Сулливан получил 50 000 заявок на билеты в театр, рассчитанный чуть более чем на 700 мест. Несколько тысяч заявок поступило и от правительства, поэтому сильную головную боль вызывала проблема, как бы их подипломатичнее вернуть. Непосредственно перед выступлением Бриан разыскал Сулливана за сценой: «Мне бы хотелось знать точный текст вступительного слова».

Сулливан посмотрел на Бриана долгим взглядом: «А мне бы хотелось, чтобы ты исчез».

Принимая во внимание благополучное течение событий, настоящее вступительное слово было излишним. В своей бесстрастной речи, произнесенной с видом агента похоронного бюро, Сулливан прежде всего зачитал поздравительную телеграмму от Элвиса Пресли, в которой тот желал им удачи. (Много лет спустя «Битлз» узнали, что Элвис не присылал этой телеграммы и даже не знал о ней. Автором телеграммы был полковник Том Паркер.) Битлы, занявшие свои места за занавесом, пришли в сильное возбуждение. Затем, перекрывая вопли публики, Сулливан произнес: «Америка, суди сама».

В тот снежный холодный февральский вечер семьдесят три миллиона американцев смотрели программу Эда Сулливана. Семьи, запертые в своих домах из–за плохой погоды, собрались вместе, чтобы впервые увидеть то, что именуется «Битлз». Говорят, в Нью–Йорке с автомобилей не было украдено ни одного колеса, серьезное преступление совершил лишь какой–то подросток.

2

В тот вечер Америка обсуждала только «Битлз». К утру потребность в информации возросла настолько, что Бриану пришлось организовать еще одну пресс–конференцию в танцевальном зале отеля «Плаза». Присутствовали представители более 250 газет, теле- и радиостанций, телеграфа, в том числе представители Би–би–си, трех крупнейших американских корпораций, журнала «Тайм» и д–р Джойс Бразерз, известный

психолог, который должен был определить психологический эффект выступлений «Битлз».

На следующий день пурга занесла снегом все аэропорты, и Бриану пришлось организовывать транспортировку своего «драгоценного груза» поездом до Вашингтона, где они должны были выступать в «Колизее». Три тысячи молодых людей ждали их на вокзале под снегопадом, а остальные 7000 появились за «Колизеем».

Во время концерта возникло несколько новых проблем. Как–то в одном из интервью Джордж капризно упомянул, что любит мармелад, и теперь его кидали на сцену в огромном количестве. Коробки с мармеладом, снабженные хлопушками, взрывались, ослепляя музыкантов искрами. Другая проблема заключалась в том, что усилители, установленные в зале, были слабыми и не проводили звук. Впоследствии у битлов появились мощнейшие усилители, но в 1964 году необходимого оборудования просто не существовало. Впрочем, зал так визжал, что никакой усилитель не смог бы сделать слышным даже взрыв бомбы.

После концерта в Вашингтоне «Битлз» пригласили на вечер в английское посольство, и Бриан решил, что им следует туда пойти. Английский посол Дэвид Ормсби–Гор, впоследствии лорд Гарлех, встретил их в вестибюле. «Привет, Джон», — сказал он, протягивая руку.

«Я не Джон, — ответил Леннон. — Я Чарли. Вон Джон».

«Привет, Джон», — обратился посол Ормсби–Гор к Джорджу Харрисону.

«Я не Джон, — произнес Джордж и указал на Ринго. — Я Фрэнк, вот Джон».

Остальную часть вечера ребят осаждала толпа, требуя, чтобы они подписали автографы. Один из гостей, глядя, как Джон расписывается, сказал: «Посмотрите, а он и вправду умеет писать». Бриан и остальные в ужасе застыли, ожидая, что Джон взорвется и поколотит говорившего. Но вместо этого Джон убрал ручку и отказался подписывать автографы. Один чиновник из министерства иностранных дел прилепил клочок бумаги под нос: «Подпишите, вам это понравится». Ринго миролюбиво пожал плечами: «Давай, Джон, подпиши, нужно с этим кончать». Но и Ринго потерял терпение после того, как какая–то дама в вечернем платье вытащила ножницы из сумочки и отрезала у него прядь волос на память для своей дочери. Взбешенный Бриан увел ребят из посольства. По дороге в отель он пообещал, что больше никогда им не придется терпеть подобного унижения. С того вечера «Битлз» просто не посещали официальных правительственных церемоний.

Как только сообщение об инциденте появилось в английских газетах, оно вызвало взрыв возмущения. Эмоции публики наполнили битлов гордостью, безобразное обращение с ними англичан было воспринято как грубое оскорбление. К министру иностранных дел Бутлеру обратились с вопросом, имел ли место такой инцидент на самом деле. Бриан, не желая привлекать еще большее внимание, поступил мудро, написав слащавое письмо послу Ормсби–Гору и его жене с благодарностью за вечер в посольстве. Копию письма направили министру иностранных дел, как подтверждение того, что «Битлз» замечательно повеселились, и историю замяли.

Большое вечернее выступление в «Карнеги Холл» в Нью–Йорке было особенно праздничным и стало очередным триумфом шоу, устроенного для избранной публики и представителей ВИП. После концерта Бриан покинул театр вместе с концертмейстером Сидом Бернштейном. Бернштейн предложил пожертвовать Британскому фонду по борьбе с раком 5 000 долларов, если Бриан позволит ему организовать шоу. Но Бриан предпочел подождать. Его ребята могли заполнить театры и побольше, чем Мэдисон Сквер Гарден. Бернштейн напомнил, что вряд ли существуют залы больше Мэдисон Сквер Гарден.

«Тогда мы снимем стадионы, — пообещал Бриан. — Мы заполним самые большие арены мира».

3

22 февраля Бриан и «Битлз» вернулись в Англию. Из–за «Битлз» все посходили с ума по обе стороны Атлантического океана. Статистика свидетельствовала, что они превзошли даже величайшего Пресли. На следующий день после отъезда «Битлз» журнал «Ньюсуик» посвятил им первую полосу. Сообщалось, что они очень молоды — двадцатичетырехлетний Джон был самым старшим, а их менеджер, который раньше был менеджером в магазине грампластинок, — самый выдающийся бизнесмен в области развлекательной индустрии и так же знаменит, как и его подопечные.

Но какое это имело значение для несчастного молодого человека, летевшего домой в салоне первого класса с двойным коньяком в руке, если душа его разрывалась на части? Бриан испытывал страдания, о которых битлы даже не подозревали. Во–первых, у него появилась сильнейшая зависимость от амфетамина, и это сделало его вспыльчивым. Хотя битлы принимали эти таблетки в таких же дозах, на них, похоже, они не

оказывали такого действия. Бриан закатил истерику газетчику Тонни Бэр–роу и едва не уволил его. Он выходил из себя из–за коммерческих ошибок — одна из них могла стоить им около 50 миллионов долларов.

Вскоре после того, как «Битлз» выступили в программе «Воскресный вечер в Палладиуме», офис Бриана завалили предложения на лицензирование. В течение нескольких недель он получил предложения на производство поясов, мячей, воздушных шаров, покрывал, пуговиц, пирожных, конфет, игральных карт, точилок для карандашей, полотенец, зубных щеток, фартуков, подставок для пластинок, блокнотов, всякого рода одежды и, конечно же, париков «Битлз». Бриан знал наверняка, что битлы не собираются наживаться за счет своей популярности. Он не потерпит ни дешевых гитар «Битлз» с пластиковыми струнами, которые разваливаются пополам через неделю после покупки, ни коробочек для ланча, в которых лежит мокрый бутерброд с тунцом. Продукция с именем «Битлз» будет стоить дорого, но она будет лучшего качества.

Поначалу контора Бриана сама стала заниматься торговыми предложениями, решая, каким оказать предпочтение, а какие отвергнуть. Но вскоре Бриан заскучал среди кукол и ботиков и начал осматриваться в поисках кого–нибудь, кто бы взял посредничество на себя. Он навел справки в Лондоне, ища человека, которому можно довериться. Бриану был нужен поверенный, который был бы одновременно конфиденциальным и официальным советником, и все расспросы неизменно приводили его к фирме Дэвида Джекобса. Бриан, разумеется, уже и раньше слышал о Дэвиде Джекобсе, знаменитом рыжеволосом поверенном, чьи дела так тщательно покрывались прессой Флит–стрит. Клиентами Джекобса были Даяна Дорс, Джуди Гарлавд, Лоуренс Харвей, и его часто фотографировали не за столом в конторе, а в дорогих ресторанах или выходящим из лимузина под руку с какой–нибудь кинозвездой мирового уровня. Джекобс как нельзя лучше соответствовал случаю. Ростом в шесть футов два дюйма, всегда с толстым ярко–оранжевым слоем грима на лице. Волосы были зачесаны назад артистической волной, пряди волос переходили в неестественно черный цвет, словно их покрыли гуталином. Шутили, что Дэвид Джекобс очаровывает судей и присяжных не только юридической экспертизой, но и ошеломляющим гримом.

Дэвид Джекобс боготворил Бриана Эпштейна и взял его под свое крыло. У молодых людей было очень много общего. Обе семьи занимались мебельным бизнесом, оба родились и воспитывались в богатстве, и у обоих были еврейские мамы,

которые их обожали. Оба были гомосексуалистами. Дэвид Джекобс стал главным поверенным Бриана. С той поры все официальные решения принимались после консультации у Дэвида Джекобса, и именно юридическая контора Джекобса взяла на себя задачу сортировать коммерческие предложения. Он посоветовал Бриану учредить независимую компанию, которая занималась бы торговыми делами, а Бриан и «Битлз» просто получали бы проценты от прибыли. Джекобс сказал, что знает кое–кого, кто сможет «забрать у них торговый бизнес». Звали его Ники Бирн, Джекобс восхищался Бирном, потому что тот устраивал великолепные вечеринки, а Джекобс, очень любивший вечеринки, считал себя экспертом в этой области. Бирн согласился взять на себя работу по торговым сделкам и подобрал пять компаньонов. Всем компаньонам было до 30 лет, и одному из них разрешили купить 20% акций всего за 1000 долларов. Ассоциация получила название «Страмсакт» в Великобритании и ЗЛТИБ («БИТЛЗ» наоборот) в Америке.

У Бирна были собственные поверенные, через которых заключались контракты между ЗЛТИБ, «Страмсактом» и НЕМЗ. Дэвид Джекобс заручился доверенностью Бриана на подписание контрактов в его отсутствие. Оставался лишь один неоговоренный пункт: проценты для каждой из сторон. Бриан и Джекобс знали, что на этом деле можно сделать большие деньги, но ни один из них и понятия не имел, сколько именно. Джекобс мимоходом спросил Ники Бирна, сколько процентов он хочет получать. Бирн опасливо ответил, что для себя он хочет 90%, Джекобс кивнул: «Ладно. 10 процентов — лучше, чем ничего», и подписал контракты. Бриан так и не увидел окончательные соглашения и не задумывался об условиях до тех пор, пока не встретился с Ники Бирном в Нью–Йорке. Ники выглядел весьма респектабельно в длинном пальто с роскошным меховым воротником и был полон чувства собственного достоинства. Он объяснил, что заработал уже более 100 000 долларов, и после уплаты всех налогов получилось 97 000, из которых Ники оставил себе 88 штук. И это только начало. «Коламбиа Пикчерз» предложила ему полмиллиона долларов за акции ЗЛТИБ и, как утверждал Ники, каждому компаньону кинули по автомобилю «феррари». Он признался, что они устроились в отеле «Дрейк» на Парк–авеню и что у них офисы в лучшем квартале Пятой авеню. Ники пользовался услугами лимузина по вызову в течение 24 часов и арендовал частный вертолет для доставки бизнесменов из аэропорта и обратно. Одну из первых сделок Бирн заключил с корпорацией «Релиант» по пошиву мужских сорочек на производство теннисок, за что те должны были заплатить 100 000

долларов. Сначала Бриану показалось, что сумма чрезмерно завышена, но затем он выяснил, что в течение трех дней «Релиант» продала теннисок «Битлз» на сумму свыше миллиона долларов, так что прибыль получилась трехкратной. ПЕМКО, одна из крупнейших и известнейших производителей игрушек в Америке, купила лицензию на производство кукол. Они уже изготовили 100 000 кукол и заказали еще полмиллиона. А парики «Битлз» стали настолько популярны, что «Лоуэл Той Корп» не успевала их производить, хотя заводы выпускали свыше 35 000 штук ежедневно. Проводя анализ коммерческих успехов «Битлз», журнал «Уолл Стрит» подсчитал, что к концу первого года их успеха в Америке продукции «Битлз» купят на сумму свыше пяти миллионов долларов, и это, разумеется, лишь начало, если им удастся сохранить свою популярность. Доход одного только Ники Бирна, по подсчетам Бриана, мог составить 5 миллионов долларов. Бриану стало дурно. Огромные деньги ушли ни на что! Он подумал, что скажут битлы, если узнают об этом, и решил пока скрыть от них все. Задача вернуть деньги обратно не давала ему покоя. Это была первая его большая неудача, и, несмотря на успехи, он чувствовал себя глупцом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

2 марта, меньше чем через две недели после возвращения из Америки, «Битлз» приступили к работе над своим первым игровым фильмом под названием «Битломания». Бриан подписал контракт полугодом ранее, еще тогда, когда эта идея была и опасной, и роскошной одновременно. Музыкальные фильмы пятидесятых и шестидесятых неизменно оказывались дешевкой. Но Элвис снимался в кино, и некоторые его фильмы имели успех, так что Бриан решил, что и «Битлз» сделают фильм.

Бриан и Вальтер Шенсон, американский кинопродюсер, выбрали молодого английского директора коммерческой программы телевидения Ричарда Лестера для руководства съемками фильма. Идея пригласить Алуна Оуэна принадлежала Бриану. Оуэн был писателем, известным своими телесценариями. Его специально отправили на гастроли вместе с «Битлз», чтобы он смог познакомиться с ними поближе и понаблюдать за каждым индивидуально. Оуэн мастерски охарактеризовал каждого бит–ла несколькими строчками в сценарии. Джон предстал сардонически забавным, Пол — восхитительным Лотарио[3], Джордж — красивым романтиком, Ринго — одиноким, любвеобильным. Благодаря направлению поп–арт, быстро найденному Лестером, «Битлз» превратились в неуловимых братьев Маркс наших дней. Это явилось еще одним загадочным примером того, как потенциально обреченный на крах эксперимент смог обернуться колоссальным успехом. Дифирамбы, которые пелись картине в прессе, когда она вышла на экраны летом следующего года, граничили с истерией. Позднее «Ньюсуик» суммировал всю информацию в одной фразе: «Законность «Битлз» как явления неизбежна».

Как только съемки «Тяжелого дня» начались всерьез, битлы решили, что шестинедельный график для съемок — черепаший шаг в сравнении с тем бешеным ритмом, в котором они жили последние шесть месяцев. Несмотря на то, что «Битлз» постоянно присутствуют на экране, им приходилось проводить по многу часов, сидя у передвижной костюмерной, покуривая и болтая, а праздные руки всегда найдут дурную работу. 8–миллиметровый проектор заносился в одну из костюмерных, и ребята развлекались порнофильмами. Кроме того, под рукой всегда была коллекция девиц, их тайно проводили в костюмерные для

кратких свиданий между съемками.

Одной из девушек, которая никогда не заходила в костюмерную, была девятнадцатилетняя Патти Бойд; Джордж Харрисон подцепил ее в первый день съемок. Раньше Патти работала с Лестером в коммерческих передачах Смита Крискса. Она была хорошенькой белокурой девушкой с круглым личиком и большими голубыми, похожими на пуговицы, глазами — этакая сексапильная кошечка с неярким гримом, в забавном меховом жакете, в мини от Квант, которое открывало взору целые мили роскошных ног.

В первый день съемок на вокзале Ватерлоо Джордж смотрел на Патти не отрываясь, но ее не очень интересовала эта поп–звезда 21 года. В тот день, когда съемки закончились, она попросила у каждого битла — кроме Джона, напугавшего ее своим сарказмом — автографы для младших сестер Дженни и Паулы. «Джордж написал свое имя, а под ним дважды поцеловал лист бумаги, передавая для сестер поцелуи. Затем он дал автограф с семью поцелуями для меня, — рассказывает Патти. — Я объяснила ему, что у меня есть постоянный парень, с которым я уже два года встречаюсь, и что у меня старомодные взгляды на любовь». Но Джордж не собирался сдаваться. О чем бы он ни думал, его мысли все равно возвращались к Патти. Он сделал все, чтобы ей понравиться, и Патти сломалась. Она познакомила его с матерью и сестрами, а Джордж повез ее посмотреть роскошный загородный дом, который собирался купить в Эшере. Этот длинный одноэтажный приземистый дом, построенный по индивидуальному проекту и принадлежавший народному судье, располагался среди густого леса. Два длинных крыла разделялись просторным многоугольным двориком, в котором был бассейн с подогревом. Из полукруглых окон от пола до потолка жилой комнаты открывался живописный деревенский пейзаж. К концу четвертой недели знакомства Джордж купил этот дом и начал приспосабливаться к Патти. Она привыкла к лощеным молодым людям, с которыми выезжала на съемки. Что до лоска, у Джорджа его не было совсем. Он являл собой нечто среднее между дурно воспитанным простым парнем, известным всему Ливерпулю, и помешанным на сексе подростком. Индивидуальность Джорджа мучилась проблемами мономании и неуверенности в себе. Пол и Джон обращались с ним как с ребенком. Патти заметила, что ни одна из композиций Джорджа так и не вошла в альбомы «Битлз».

Бриан проводил политику непосвящения публики в связи битлов с конкретными девушками, считая, что это разрушит их имидж, хотя, возможно, именно так проявлялось его женоненавистничество. Он попросил Джорджа встречаться со

своей девушкой тайно. Теперь это было гораздо труднее сделать, чем во времена женитьбы Джона, потому что битлов фотографировали всюду, где они только появлялись. Было решено, чтобы лучше узнать друг друга в неофициальной обстановке, Джордж с Патти на Пасху совершат тайное путешествие в Западную Ирландию в сопровождении Джона и Синтии.

Приготовления проводились в глубоком секрете. Под вымышленными именами они вылетели из манчестерского аэропорта в Хитроу на разных самолетах, изменив свою внешность с помощью шляп, фальшивых усов и шарфов. Затем две пары полетели в аэропорт Дромолэнд в глубине Ирландии, а оттуда на частном автомобиле поехали в отель «Дромолэнд Касл», уединенный респектабельный пансионат, где не было любопытных фанатов, да и вообще никого моложе шестидесяти лет.

Поездка началась чудесно. Синтия и Патти очень подружились и находили удовольствие в обществе друг друга. Женщины в окружении «Битлз» были редкостью, и Синтия могла рассказать Патти много поучительного. В первое утро шел проливной дождь, но это не имело никакого значения для двух пар, намеревавшихся большую часть времени проводить в постели. Было около десяти часов, когда управляющий гостиницы разбудил их и сообщил, что с раннего утра журналисты и фоторепортеры начали прибывать в отель. Репортеров интересовало имя девушки, которая провела эту ночь с Джорджем, а фоторепортеры шныряли по вестибюлю в надежде сфотографировать ее.

В комнате наверху четверка, пойманная в капкан, решила во что бы то ни стало не допустить этого. По личному опыту они знали, что такая скандальная история будет передана по телеграфу мгновенно, и разработали хитроумный план побега.

Через два часа Джон и Джордж предстали перед журналистами. Их засыпали вопросами о двух женщинах, которые были с ними. Был ли Джон с Синтией? А как зовут подружку Джорджа? Джордж и Джон упрямо повторяли, что никаких девушек не было. Под проливным дождем они бросились к ожидавшему их автомобилю, чтобы поехать в аэропорт, надеясь, что газетчики–ищейки последуют за ними. Но вопреки ожиданиям, почти все журналисты остались в гостинице, уверенные в том, что девушки в номере наверху.

Синтия и Патти, переодевшись в форменные платья горничных с белыми накрахмаленными фартуками и в чепчики, которыми так гордилась администрация отеля «Дромолэнд»,

покатили огромную корзину с грязным бельем и выгрузили его в прачечной. Они залезли в пустые корзины, и их закатили на платформу под бдительными взорами репортеров. Шофер, которого наняли Джон и Джордж, преисполненный важностью своей миссии, рванул с места и немедленно скрылся. У девушек не было никакой возможности вылезти из корзин до тех пор, пока грузовик не достиг аэропорта, всю дорогу они ворочались и взывали о помощи. «Синтия, мы задохнемся! Мы здесь умрем! Кричи, Синтия, кричи!» В аэропорту ребята извлекли из корзин девушек, чье счастье было омрачено запахом грязного белья, которым они пропитались.

Молодежь летела назад в самолете, довольная тем, что удалось перехитрить ирландских репортеров, но в Хитроу их уже караулила новая толпа журналистов. На следующий день фотографии Патти и Джорджа появились во всех газетах на первых страницах, и их связь стала достоянием гласности.

Слава «Битлз» прочно закрепилась, и они стали единственной в мире темой, которая всех интересовала. Первую концентрированную дозу славы, полученную в Лондоне, было довольно затруднительно переварить. Трудность заключалась не в том, чтобы привыкнуть к лимузинам или роскошным обедам в «Ад Либ», а в постоянном присутствии журналистов, фоторепортеров и подхалимов, которые цеплялись к каждому слову, анализировали каждую мелочь, каждый жест и ежедневно обсасывали все это в газетах.

Джон чувствовал себя особенно неуютно под бременем славы. Если Пол и Джордж были в восторге, а Ринго испытывал лишь радостное смятение, Джон ощущал себя так, словно его предали. Подумать только — он, бунтарь и безбожник, превратился в икону. За Джоном благодаря остроумию и умению непринужденно вести беседу во время пресс–конференций и интервью закрепилась слава большого интеллектуала. Дурь и жеребячий юмор подростка интерпретировались как ум и ему стало труднее оскорблять незнакомых людей, поскольку шутки воспринимались как блестящие.

В марте в Англии вышло тоненькое издание его прибауток под названием «Джон Леннон пишет сам». Это были те же самые грубые шутки и присказки, за которые ему здорово доставалось в школе и которые теперь составили книгу, «ставшую бестселлером». В приложении к «Литературному обозрению» писали, что книга достойна внимания каждого, кто опасается, что английский язык беднеет. Книга произвела такую сенсацию, что Джона пригласили на литературный ланч Фойлза[4] по случаю четырехсотлетнего юбилея Шекспира.

Торжество проходило в «Ад Либ». Замышлявшееся как маленькая вечеринка, оно вылилось в продолжительную пьянку и закончилось лишь в пять часов утра. Джон и Синтия спали всего несколько часов и были такими измученными и сонными на обеде в отеле Дорнестер по случаю награждения книги специальным призом, что едва держали головы. Когда репортер поднес микрофон к лицу Джона и спросил: «Вы сознательно используете отоматопею[5]?», Джон открыл глаза и взглянул на него сквозь темные стекла очков: «Авто…пью? Не понимаю, о чем ты толкуешь, сынок».

После скомканного ланча, во время которого Синтия наблюдала, как Джон размачивает свое похмелье белым вином, его попросили произнести речь. Почти такой же пьяный, как прошлой ночью, Джон добрался до микрофона и пробормотал: «Спасибо большое. Очень приятно», и направился обратно.

В комнате стояла напряженная тишина. «Что он сказал?» — наконец спросил кто–то громко. Другой гость предположил: «Он сказал: «У вас счастливые лица». Новая острота Леннона передавалась от стола к столу как вершина остроумия, через несколько секунд комната взорвалась аплодисментами, все восторгались изысканным блеском юмора Джона. И вновь король оказался голым, но не простудился.

Синтию наконец признали как жену битла, маленький Джулиан стал известен всем фанатам, и домашний адрес Джона мог узнать любой. К этому времени постоянный отряд девушек поджидал у квартиры на Империор Гейт. Когда Синтия волокла Джулиана на прогулку, девушки иногда даже отталкивали Синтию, чтобы добраться до мальчика. Это всегда пугало и мать, и ребенка, нетерпеливые руки с длинными ногтями тянулись к коляске, чтобы ущипнуть его за щеку или похлопать по подбородку. Если же Синтия не желала, чтобы ее трогали, или отказывалась подписывать автографы, девушки ругались и плевались. Временами толпа была такой огромной, что она боялась выходить из дома.

Телефон Джона, так же как и его домашний адрес, не был секретом, и очень скоро грянул слаженный оркестр телефонных звонков. Были звонки и непристойные, и угрожающие. Синтии надоело подходить к телефону, а заглядывая в почтовый ящик, она еще больше огорчалась. Письма от молодых женщин, предлагавших развлечь Джона при помощи самых разнообразных сексуальных трюков, способствовали повышению образования все еще неискушенной миссис Леннон.

К огромному облегчению Синтии, Джон заявил однажды, что решил купить дом. Компания Брайс–Хэмнер, занимавшаяся

бухгалтерией «Битлз», посоветовала вложить часть дохода, необлагаемого налогом, в недвижимость, и предложила каждому купить по дому. Джону понравился дом в Уэйбридже, маленьком аккуратном предместье, милях в двадцати от Лондона. «Кенвуд» представлял собой дом стоимостью 40 000 фунтов в стиле псевдо–тюдор, построенный на холме. Это был бестолковый дом, несколько обветшалый и требующий ремонта. Джон выделил на ремонт и отделку 30 000 фунтов, доведя стоимость до 70 000 фунтов. Почему поп–звезда Джон Леннон собирался ремонтировать дом в этом суетливом соседстве с аккуратными садами и лужайками, в двадцати милях от Лондона, никто не мог сказать, и уж меньше всех сам Джон. Просто это выглядело респектабельно. Для Синтии новый дом, разумеется, был Божьим даром, чудесным местечком, где можно было заниматься воспитанием Джулиана и попытаться создать для Джона настоящий дом, впервые с момента их супружества.

2

Слава пришла и к Бриану Эпштейну. Он стал добрым рождественским персонажем для британской молодежи, что–то вроде любящего «создателя великого дара», а также символом богатства и великолепия. Если кто–то заходил в бар в Килбурне и выкладывал на стойку десятифунтовую банкноту, кто–нибудь из присутствующих обязательно заводился: «Что ты о себе воображаешь, ты что, Бриан Эпштейн?»

В профессиональном отношении он, казалось, не знал поражений. В апреле Бриана попросили написать свою автобиографию, где бы он поведал всему миру о своем пути к успеху. Предложение двадцатидевятилетним Брианом было принято с удовольствием.

У него не было ни времени, ни желания садиться за книгу, и Бриан нанял молодого журналиста, выбрав для этой работы газетного репортера из Манчестера Дерека Тэйлора. Дерек был красивым, гладко выбритым парнем, который привлек внимание Бриана и битлов еще осенью 1963 года в Сауспорте, когда он непринужденно вышиб ногой дверь уборной, чтобы взять у них интервью. «Битлз» были настолько ошеломлены его безрассудством, а потом и его очаровательной непосредственностью, что впустили Дерека. Через несколько месяцев «Дейли Экспресс» попросила битлов написать гостевую колонку, и Дерека наняли для составления текста за Джорджа Харрисона. Ко всеобщему удовольствию это сработало, и Бриан

остановил свой выбор на Тэйлоре. Дереку предложили 1000 фунтов плюс 2 процента авторского гонорара — хорошие деньги для журналиста, получавшего всего 35 фунтов в неделю за работу в газете и имеющего жену и троих детей.

Полное интервью и предварительный исследовательский период заняли долгий уик–энд в отеле «Империал» на юге Англии. В первый день Бриан рассказал о своем детстве без особых осложнений, но на следующий день возникли трудности. «Он мучился, стараясь рассказать о несчастливых, неуспешных школьных днях, беспокойно мусолил свой провал, из–за которого не смог дослужить в армии, настойчиво объяснял свою неспособность преуспеть в Королевской академии театрального искусства, — писал позднее Дерек. — Он намеревался обсудить все сложности, возникшие в семье из–за его отказа участвовать в семейном мебельном бизнесе, жаждал обнажить бесконечные чувства, связанные с тем, что он «не вписывается в свое окружение», и, словно этого было мало, объяснил, что трудно сходится с людьми».

«Подземелье звуков» стала искрометной непревзойденной книгой, написанной в характерной для Тэйлора поэтической манере, и все же она каким–то образом включила в себя все забавные обстоятельства, происходившие с Брианом, правда, без компрометирующих разоблачений.

3

К этому времени перестало быть тайной, что Пол Маккартни ухаживает за младшей дочерью известного психиатра Ричарда Ашера, хотя пресса беззаботно игнорировала тот факт, что Пол поселился у Ашеров в спальне для гостей. Она также игнорировала слухи об амурных приключениях Пола, которые уже успели принести ему немало неприятностей. Один из владельцев клуба на Гросс Фрайхайт в Гамбурге заявлял, что его дочь забеременела от Пола и что он является отцом младенца. Эрика Хуберз, хорошенькая девушка с длинными прямыми волосами, работала официанткой в одном из клубов. Пол встречался с ней во время одной из поездок в Гамбург. Эрика заявила, что Пол знал о ее беременности и уговаривал сделать аборт. Она отказалась, и в день отъезда Пола из Гамбурга на свет появилась девочка Беттина. Официальные документы, составленные в Гамбурге, были направлены в Ливерпуль, и дело быстренько передали Дэвиду Джекобсу в Лондон. Джекобс велел Полу отрицать свою причастность и переправил документы без

ответа обратно в Гамбург. Он заявил, что если мать будет продолжать настаивать на возмещении ущерба, дело может вести немецкий суд. Джекобс предпочитал медлительную бюрократическую судебную процедуру Германии, так как в Англии все это могло привлечь внимание и получить широкую огласку. Однако судебный процесс был неизбежен, и семья девушки угрожала завалить письмами все газеты Великобритании. В 1966 году Пол заплатил примерно 27 000 долларов за то, чтобы существование маленькой Беттины осталось в тайне. Однако в 1981 году Беттина Хуберз возобновила дело, требуя от Пола 6 миллионов долларов.

На этом любовные осложнения Пола не закончились. Весной 1964 года во время съемок фильма «Тяжелый день» впервые всплыла еще более деликатная ситуация. Ливерпульская девушка Алиса Дойл (имя вымышленное) родила мальчика, который, по ее утверждению, являлся сыном Пола Маккартни. По совету Дэвида Джекобса Пол не признал своего отцовства, и девушку отослали в контору Джекобса в Ливерпуле, к чиновнику Д. Х. Грину. В меморандуме, который Грин направил Джекобсу, говорилось, что у девушки нет намерения навредить Полу, и что «ее единственной заботой, кажется, является получение денег на коляску для новорожденного».

Джекобс собирался провести переговоры для урегулирования этого дела, но мать мисс Дойл призналась во всем своему брату Джозефу Макглину (имя изменено). Макглин вознамерился проследить за тем, чтобы его племянница получила нужную компенсацию. Его отослали к Дэвиду Джекобсу в Лондон, Джекобс записал телефонный разговор на магнитофон и переправил пленку Бриану.

«Я вас предупреждаю, что все мало–мальски известные газеты уже знают об этой истории», — грозно говорил Джозеф Макглин. «Вы вымогаете у меня деньги, или как?», — бесстрастно спрашивал Джекобс, а Макглин отвечал, что молчание семьи будет стоить 5 000 фунтов стерлингов.

Джекобса больше всего беспокоит, что если они и заплатят девушке большое вознаграждение, это никоим образом не будет гарантией того, что дядюшка не отправится в газеты или не объявится вновь через год с новым требованием денег. Джекобс считал, что чем меньше они заплатят, тем менее виноватыми будут выглядеть в том случае, если история выплывет на поверхность. Бриан согласился с его доводами. Лучше всего заплатить девушке небольшую сумму и надеяться, что семья будет хранить молчание.

Джекобс разработал три документа. Дядя, Джозеф Макглин,

получал 5 фунтов стерлингов, мать Алисы — такую же сумму, а самой Алисе Дойл выплачивалось 3 000 фунтов стерлингов при условии, что она не будет предъявлять Полу никаких претензий. В противном случае Алиса была обязана вернуть 3 000 фунтов стерлингов.

Вскоре стало очевидно, что 5 фунтов стерлингов не заставят дядюшку заткнуться. Во время триумфального возвращения битлов в Ливерпуль на премьеру «Тяжелого дня», в толпе из 500 000 человек были распространены листовки, заявляющие об отцовстве Пола. Джекобс пообещал, что дядюшка предстанет перед судом по обвинению в шантаже, но еще три года после этого дядюшка публиковал в газетах стихи о младенце. Часть одной длинной оды, пародирующей несколько песен «Битлз», звучала так:

> Я — мальчик Марк Пол Дойл, нас бросил папа мой.
> Как мамочка любила — вовек ей не забыть,
> Его ж любви хватило лишь на то, чтоб согрешить.
> Он деньги заплатил ей, чтоб только правду скрыть,
> Но, папа, Пол Маккартни, знай, ей слез не осушить.

Однако газеты уже были сыты слухами и обвинениями в адрес четырех битлов, и это обвинение не было принято серьезнее прочих. Благодаря сильной зависимости прессы Флит–стрит от «Битлз» дело удалось скрыть от общественности. Синтия Леннон позднее суммировала так: «Как стало очевидно из документов поверенного, в то время Пол был чем–то вроде племенного быка в Ливерпуле. Требования признать отцовство сыпались со всех сторон. На него был спрос во многих аспектах. Были ли эти претензии обоснованы, пусть каждый гадает сам».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

11 августа 1964 г. я (Питер Браун) приехал в Лондон по приглашению Бриана, чтобы принять участие в пышном торжестве, устраиваемом в честь первого большого турне «Битлз» в Соединенные Штаты. Бриан целыми неделями рассказывал мне о предстоящем празднестве во всех деталях и волновался почти так же, как перед их международными гастролями. Он хотел сделать так, чтобы тщательно подготовленное торжество на всю жизнь запомнилось ребятам, и с этой целью нанял дизайнера по интерьерам Кеннета Партриджа, чтобы тот создал соответствующее оформление. Вместо ресторана или ночного клуба Партридж посоветовал Бриану использовать собственный особняк «Белгравия» и занялся переоборудованием комнат и чердака в роскошное помещение, достойное праздника. На это ушло пять дней. Для начала Партридж покрыл крышу огромным брезентом. В белой брезентовой палатке размером с маленький цирковой балаганчик были сделаны деревянные стены с французскими окнами по периметру, чтобы гости могли видеть город. Под крышей соорудили подвижный пол и покрыли его темно–красным ковром. Поверх него соорудили сцену для музыкантов и танцевальную площадку из дерева. Несколько тысяч белых гвоздик должны были украсить выступы вокруг люстр, в большом количестве находящихся в крыше. Центральная ось палатки была покрыта испанским мхом, а в нем закрепили 700 красных гвоздик в форме пальмового дерева. Наняли маленький оркестр и нашли поставщика, который смог, помимо филе говядины, холодной утки и омаров, предложить широкий ассортимент еврейских блюд, которые бы понравились семье Бриана.

День праздника выдался отменным. К вечеру Партридж в квартире Бриана вместе с рабочими завершал последние детали, и тут появились Бриан с Куини.

Партридж проводил их наверх. Глаза Куини широко раскрылись при виде шатра. «О, нет! — закричала она. — Красное с белым! Красное с белым приносит несчастье!» Партридж сказал, что никогда не слыхал о такой примете, а Бриан пояснил, что Куини очень суеверна и верит во все приметы, включая птиц на занавесках.

«Что можно сделать? — спросил Бриан Партриджа. — Это

необходимо изменить! Нам не нужно никаких бед перед самыми гастролями». Партридж ответил, что не представляет, как все изменить. Гости должны были прибыть через несколько часов. «Тогда придется все отменить», — настаивал Бриан.

Партридж выскочил из дома и бегом помчался по улице; задыхаясь, он нагнал грузовик садовника на углу. Помощников садовника отправили в местные лавки для закупки красных чернил, а Партридж с садовником поднялись наверх, повытаскивали все белые гвоздики из бордюра и вынесли их на улицу. В течение последующих нескольких часов они были заняты тем, что макали белые гвоздики в баночку с красными чернилами. Последняя мокрая розовая гвоздика была водворена на место белой прямо перед прибытием первых гостей. Никогда еще Куини так сильно не напоминала сумасшедшую Королеву Червей из «Алисы в стране чудес».

Этот вечер стал самым значительным событием общественной жизни. К восьми часам вечера перед особняком собрались сотни людей, которые, как оказалось, пришли посмотреть на прибывающих гостей. Два швейцара в униформах стояли у дверей дома, проверяя приглашения.

В тот вечер Джона Леннона познакомили с Кеном Партрид–жем. «Это сделали вы?» — спросил Леннон. Ему все так понравилось, что он попросил Партриджа приехать на следующий день в Уэйбридж для того, чтобы обсудить оформление нового дома. Бриан сопровождал Партриджа в «Кенвуд». Они обошли дом вместе с Синтией и Джоном. Синтия сразу почувствовала неприязнь к чужому человеку, который пришел переделывать ее дом, но, как обычно, промолчала. Партридж быстрым взглядом декоратора оценил дом и изложил замысел, который шел вразрез с простыми домашними планами Синтии. Он предложил сломать стены на всех этажах и сделать из 27–комнатного дома более уютный 18–комнатный. Джон сказал, что хочет оснастить дом ультрасовременным оборудованием: музыкальным стерео и кухонным. Партридж предложил сделать кухню на нескольких уровнях с плавающими платформами. За несколько минут вопрос был решен. Джон настоял на том, чтобы Партридж сделал чертежи в течение 36 часов, до того, как он уедет в Америку, и Партридж с помощником простояли за чертежным столом всю ночь. И утром серия рисунков вместе с образцами краски и материалов были представлены Синтии и Джону.

На следующий день Джон уезжал в Америку. Синтия стояла у входной двери с Джулианом на руках и плакала, пока он не сел в лимузин и не скрылся из виду. Затем она вернулась в дом, где художники и рабочие выделили ей крохотную комнатку для

прислуги, а все остальное, что было в особняке, вырвали из–под ее контроля. Так продолжалось почти год.

2

Если бы можно было охарактеризовать первые гастроли «Битлз» в Америке, то это был бы долгий вой на высокой ноте, истерические вопли девушек в аэропорту, гул в «Локхид Электра»; рев сирен сопровождавших их мотоциклов и визг девиц, ожидавших в холлах и на улицах. Надеясь хоть немного посмотреть на Америку, они смогли увидеть лишь черные сиденья лимузинов, стерильные номера отелей, традиционную еду, доставляемую из ресторана, и все это перемежалось с агрессией журналистов, громкими криками диск–жокеев и безликими уборными спортивных стадионов.

Нил Аспинол рассказывал: «Мы так уставали, что мечтали лишь об одном — лечь и уснуть. Никто не поймет, как это в действительности было ужасно. Ни один отель нас не принимал, полиция хотела, чтобы мы убрались из города; мы попадали в отель только к середине ночи, совершенно измученные. И все это время у нас на шее сидели местные покровители, владельцы стадионов, владельцы местных спортивных команд, местные шерифы со своими женами и детьми, постоянно требовавшие чертовы автографы».

«Битлз» выступали на самых больших стадионах страны. В этом случае местные благодетели могли заплатить Бриану ту цену, которую он назначал за ребят, и все же установить цены на билеты достаточно низкие, к удовольствию поклонников

«Битлз». Бриан запрашивал аванс от 25 000 до 50 000 долларов наличными за каждое выступление плюс 50% прибыли после выступления, в зависимости от размера площадки. Хотя его цена и была самой высокой из всех, когда–либо запрашиваемых за выступление, организаторы дрались за них. В конце концов выбор арены и организатора стал делаться в зависимости от «коричневого бумажного пакета» с деньгами.

Турне вошло в разряд невероятных. В первый вечер, когда они давали концерт в Сан–Франциско, шофер их лимузина не успел достаточно быстро отъехать от барьера стадиона, и машину оседлали истеричные подростки. Под тяжестью человеческих тел крыша треснула, и только благодаря оперативным действиям службы безопасности ребят удалось вовремя вытащить. Их поместили в карету «скорой помощи», где было относительно безопасно, и где уже находилось несколько пьяных матросов,

повздоривших во время концерта. В ту ночь множество фанатов расположилось в спальных мешках и на складных стульях под окнами отеля «Хилтон». Толпа, окружившая отель, так выла, что одну женщину, прибывшую в отель, избили и ограбили, а ее криков о помощи никто не услышал. 20 августа они выступали в Лас–Вегасе, а 21–го в Сиэтле, где одна девушка вскарабкалась на перекладину высоко над сценой, чтобы как следует разглядеть их, и рухнула к ногам Ринго. 22–го они прибыли на государственный стадион в Ванкувере, а 23–го дали триумфальный концерт в Голливуде, где полотенца, которыми они вытирались после концерта, были разрезаны на дюймовые квадраты и проданы в качестве сувениров, 26–е застало их в Денвере, 27–е — в Цинциннати, где Бриан исчез на целые сутки, заставив всех страшно беспокоиться.

Ничто не может сравниться с той ночью в Индианополисе, когда Ринго пропал и появился лишь за несколько секунд до концерта. Ринго три дня был на взводе и все это время не спал, накачиваясь «красными сердечками», амфетамином в таблетках. Допинг такой силы стал необходимым для ребят и Бриана, чтобы укладываться в жесточайший график. Большой запас этих таблеток был привезен ими из Англии, а остальные доставались на черном рынке с помощью городских устроителей концертов. Битлы находились на пределе физических возможностей и только с помощью виски могли расслабиться. В тот вечер Ринго сказал Нилу, что уходит из отеля и убьет себя. Нил не слишком серьезно к этому отнесся, не будучи уверен, что подразумевается под словами «убить себя», и не беспокоился до утра, пока Ринго отсутствовал. Но к вечеру все страшно перепугались. Ринго явился за несколько секунд до того, как «Битлз» должны были выйти на сцену, его сопровождали два полицейских. После того, как Ринго покинул отель, они подобрали его на улице и предложили подвезти. Ринго мимоходом упомянул, что всегда мечтал посмотреть авторалли в Индианополисе. Полицейские с радостью повезли его туда, и большую часть ночи Ринго провел, катаясь на полицейской машине по треку. К тому времени, когда Ринго занял свое место на сцене, у него так ослабели ноги от семидесятидвухчасовой гонки, что он уже не мог ими двигать и нажимать на педали для басов.

То, что Ринго оказался абсолютно неспособным играть, осталось незамеченным фанатами, которые все равно не могли бы его услышать. Все звуки тонули в визгах и рыданиях тинейджеров. Особенно это угнетало Джона, который понимал,

что он всего лишь марионетка в руках Бриана. На некоторых концертах битлы даже не утруждали себя пением. Они

проговаривали слова и играли музыку насколько можно быстро, лишь бы поскорее убраться со сцены из–под града хлопушек и мармелада. Часто все было настолько противно, что они ухитрялись проиграть 15 песен за 25 минут.

По мере того, как проходили гастроли, битлам открылось еще одно странное явление. Уродливые карлики и калеки, которых Джон рисовал в своем школьном альбоме, ожили и стали их преследовать. Где бы ни появлялись битлы, они всюду оказывались в окружении убогих, особенно детей, скрюченных страшными болезнями. Дети–калеки сидели в 5 первых рядах на всех концертах, так что «Битлз» со сцены видели море инвалидных колясок. Одно из самых ярких воспоминаний Джона — это скрюченные руки, которые тянутся к нему.

Некоторое утешение битлы находили в девушках. Это были либо профессиональные проститутки по вызову, которых доставляли в номер местные устроители, либо, что было чаще, девицы, которых приводили Нил и Мэл. Доставка девочек была одной из первейших обязанностей Нила и Мэла во время гастролей, и они ее всегда выполняли с готовностью. Девушек мучили, избивали, а на рассвете выставляли из номера. Их провожали через служебный вход, наградив фотографией «Битлз» с автографами, подделанными Нилом и Мэлом, и повелев держать рот на замке. Но по необъяснимой причине девушки помалкивали. В Америке по крайней мере не рассказывали историй типа «Моя ночь с Полом», и никто не требовал признать отцовство. Хотя, возможно, это и не было столь уж удивительно, поскольку достаточно привычным зрелищем стала очередь из пятнадцати девушек, ожидающих в номерах Нила и Мэла, которые коротали время, гладя утюгом сценические костюмы битлов.

28 августа небольшое, но знаменательное событие произошло в отеле «Дельмонико» в Нью–Йорке. Боб Дилан уговорил битлов попробовать марихуану. Битлы не сразу стали наркоманами — потребовалось еще шесть месяцев на то, чтобы они пристрастились к травке. Но курение зелья с Диланом давало им чувство опьянения, приобщения к священному озарению. Прежде они с презрением отвергали марихуану, считая курильщиков конченными людьми. Таблетки, которые принимали ребята, были лекарством и не запрещались законом.

Джон Леннон уже давно хотел познакомиться с Бобом Диланом, хотя и не так сильно, как с Элвисом Пресли. Для Джона Элвис был божеством, существом недосягаемой святости. Их познакомил общий друг, писатель Эл Аронович, один из первых журналистов, который начал писать о поп–музыке. Аронович с

Диланом прибыли из Вудстока на синем фордовском пикапе, и их провели в частные владения «Битлз». Бриан, Нил, Мэл и битлы только что отобедали в номере и сидели за столом, когда в дверях появился Дилан. Он был ниже ростом, чем предполагали ребята, у него был крючковатый нос и веселые глаза. После неуклюжего знакомства неловкое напряжение в комнате усилилось. Бриан пригласил гостей в гостиную, стараясь оживить вечер, а Дилан предложил попробовать что–нибудь «природное, зеленое, произрастающее из ласковой груди матери Земли». Двери закрыли на замки, полотенцами заткнули все щели, жалюзи опустили, и наконец тоскующему Дилану разрешили сделать первую сигарету.

Дилан раскурил ее и объяснил, как надо затягиваться, за–тем передал сигарету Джону. Джон не решился затянуться и протянул ее Ринго, назвав его «придворным, пробующим блюда».

Ринго начал смеяться первым, затем к нему присоединились остальные. Какое–то время все смеялись над Брианом, все время повторявшим: «Я взлетел, я на потолке, я наверху на потолке…» Когда дым рассеялся, они впустили официанта, чтобы он убрался в гостиной, и во всем, что он делал, находили повод для того, чтобы забиться в конвульсиях от смеха. Через несколько месяцев «давайте посмеемся» стало означать «давайте покурим травку».

Пола переполняло чувство значительности события. «Я впервые в жизни думаю, по–настоящему думаю». Он потребовал, чтобы все его слова, произнесенные в этот вечер, были в точности записаны для потомков. Мэл Эванс ходил за ним по всему отелю, фиксируя каждое слово.

Этот вечер стал началом долгой непростой дружбы с Диланом, и битлы договорились вновь встретиться с ним в Нью–Йорке после гастролей.

3

Мелькали города Мильвани, Чикаго, Монреаль, Джексонвиль, Бостон, Балтимор и Питсбург. 19 сентября в самолете, пролетающем над Хьюстоном, штат Техас, чувствуя себя столетним стариком, Бриан встретил свое тридцатилетие. Ему в подарок преподнесли ковбойские ружье и кобуру. Празднование дня рождения было несколько омрачено фанатами, окружившими в хьюстонском аэропорту самолет, на котором должны были вылететь битлы. Визжащая орда подростков прорвала кордон охраны и вскарабкалась на крылья самолета, пытаясь выбить иллюминаторы с помощью бутылок из–под кока–колы. Не менее

печальным было известие о том, что горничную в хьюстонском отеле зарезали ножом оголтелые фанаты, пытавшиеся узнать номера комнат, в которых живут битлы.

Музыканты заявили, что больше не могут и не станут выступать. Население Канзас–Сити почувствовало себя обделенным, и мультимиллионер Чарльз О. Финли, владелец бейсбольной команды «Канзас Сити Атлетикс» пообещал отцам города добыть «Битлз». Финли пытался связаться с Брианом до гастролей, но его просьба была отклонена вместе с сотнями других аналогичных. Огорченный Финли вылетел в Сан–Франциско, где благодаря содействию Нормана Вейса получил личную аудиенцию у Бриана. Он начал переговоры о выступлении ребят в Канзас–Сити, предложив 100 000 долларов наличными вперед и проценты, какие Бриан назовет сам. Плата в 100 000 долларов была неслыханной. На Бриана это произвело сильное впечатление, но он отказался. Финли продолжал настаивать, и наконец они договорились на 150 000 долларов наличными плюс расходы — самая высокая цена, когда–либо выплаченная за один концерт. «Битлз» все же выступили в Канзас–Сити в свой последний свободный американский вечер. В этом концерте содержалась особая ирония, поскольку публика, как и всюду, едва ли могла услышать хотя бы один звук. Когда они покинули город, простыни, на которых они спали в отеле, сняли с постелей при свидетелях и продали представителям чикагской радиостудии УБКБ. Из простыней получилось 6000 лоскутков размером в дюйм, и их продали по цене 1 доллар за лоскут.

Достоверно известно, что наволочки до сих пор находятся в хранилище банка, они оценены выше золота.

4

В жизни Бриана Эпштейна произошли серьезные перемены с тех пор, как он подружился с Натом Вейсом, преуспевающим нью–йоркским адвокатом по бракоразводным процессам. Некоторые считают, что Нат явился самым счастливым событием, произошедшим с Брианом, он научил его как жить в ладу с самим собой. Другие говорят, что Нат показал Бриану путь к собственной погибели. На самом деле, Бриан давным–давно сам проложил этот путь, а Нат стал для него лишь мудрым и опытным гидом.

Успешная юридическая практика Ната сложилась благодаря его громадному сочувствию к людям и умению точно определять характер. Иногда он брался за заведомо «дохлую собаку» — дело

по обвинению в порнографии или изнасиловании. Высокий, в очках с толстыми стеклами и слегка лысеющий, он был примерно одного возраста с Брианом, происходил из добропорядочной семьи среднего класса и имел обожающую его еврейскую маму.

Их познакомили на вечеринке в отеле «Плаза», где другой знакомый Ната, с которым у него были общие дела, часто устраивал свидания для одиноких молодых людей. Нат вспоминает, что его сразу очаровал менеджер «Битлз», но как только он попытался втянуть его в разговор, Бриан не смог переключить внимания с молодого человека, с которым он, очевидно, только что познакомился. На следующее утро Нат узнал номер телефона Бриана у своего знакомого и позвонил ему в отель, чтобы выяснить, как прошла встреча. Бриан сказал: «Парень такой скучный. Он почти не разговаривал». Сначала Нату показалось, что Бриан шутит, но оказалось, что Бриан всю ночь проговорил с парнем, желая достичь интеллектуального понимания. Нат посоветовал захватить замкнутого, но оказавшего столь сильное впечатление на Бриана молодого человека в путешествие по каким–нибудь соблазнительным местам города.

Одну из первых остановок они сделали в «Келли». В те времена это был один из самых известных баров гомосексуалистов. Бриан согласился поехать в это место с сомнительной репутацией лишь после того, как Нат пообещал никому не говорить, кто он. Но уже после пары коктейлей Бриан сыграл «Тяжелый день» на пианоле–автомате двадцать раз подряд. И вновь парень, которого Бриан привез с собой в отель, был всего лишь вовлечен в беседу. Нат сказал Бриану, что ему нужно быть более агрессивным, и однажды даже заплатил официанту, чтобы тот соблазнил Бриана. Но они с официантом всю ночь слушали музыку, и Бриан читал лекцию: «А теперь вслушайся в аккорды в конце песни…»

Нат ничего не мог понять. Бриан был очень милым, романтичным, привлекательным и преуспевающим. Нат вспоминает один вечер в отеле «Плаза», когда Бриан заказал тридцать шесть порций мороженого лишь для того, чтобы развлечь молодого человека, которого просто обнял перед тем, как тот покинул номер.

Дружба Бриана с Натом быстро окрепла, частично из–за необходимости вести общий бизнес. Нат оказался именно тем поверенным, который был нужен Бриану, нью–йоркский вариант Дэвида Джекобса. Не прошло и недели совместной работы с Брианом, как Нат обнаружил в делах «Битлз» страшный беспорядок. Начать с того, что внутренняя налоговая служба, беспокоясь обо всех миллионах долларов, уплывающих из

Америки, заморозила миллион долларов за концерты в Нью–Йорке. До тех пор, пока юридическая законность иностранных платежей не будет подтверждена, выплаты не будет. Это поставило Бриана и ребят в однозначное положение — оплатить все расходы за концерты в США из собственных карманов. Турне стоило им целого состояния, гораздо больше, чем они могли себе представить, и теперь им необходимо было найти 500 000 долларов наличными.

Хуже того, проблема с Ники Бирном и коммерческой схемой ЗЛТИБ потерпела полный юридический крах. Стало происходить нечто странное. Лондонские офисы НЕМЗ направляли лицензии непосредственно американским производителям и сами получали деньги; прошло совсем немного времени, и у американских компаний появились соглашения–дубликаты, начались судебные процессы. Дж. С. Пенни и Вулворт немедленно аннулировали свои заказы на сумму 78 млн. долларов, а Бирн предъявил судебный иск НЕМЗ.

Как–то Нат, будучи в Государственном верховном суде Нью–Йорка по своим делам, случайно узнал, что Бриану и НЕМЗ присудили иск на 5 млн. долларов за то, что никто не явился в суд по делу, возбужденному против них Бирном. Бриан попросил Ната аннулировать 5 млн. долларов судебного иска, но Нат посоветовал нанять опытного адвоката, который бы «похоронил» этот спор с ЗЛТИБ, и порекомендовал человека, который справится с этой задачей, его звали Луис Найзер.

Как только Ната и Бриана провели во внушительных размеров офис Найзера, Нат почувствовал, что быть беде. Эта встреча, похоже, станет столкновением двух тщеславных личностей. Но все обошлось. Бриан спросил: «Вы читали мою книгу?», подразумевая «Подземелье звуков».

«А вы читали мою?» — ответил Найзер вопросом на вопрос, незадолго до того написавший бестселлер о судебных процессах в США.

Когда оба джентльмена достаточно покрасовались друг перед другом, Найзер согласился взяться за дело. Бриан поинтересовался оплатой, и Найзер запросил «пятьдесят тысяч долларов для начала». Не моргнув глазом, Бриан достал из кармана чековую книжку и начал выписывать чек. «Знаете, мистер Найзер, — сказал он, — я плачу вам эти пятьдесят тысяч долларов из собственного кармана. Сделка с ЗЛТИБ — моя вина, и мне бы не хотелось, чтобы в дальнейшем «Битлз» расплачивались за мои ошибки».

Найзеру потребовалось два года, чтобы ликвидировать ЗЛТИБ и аннулировать иск против НЕМЗ. Когда наконец дело было

урегулировано, Ники Бирну выплатили 10 000 долларов. Битлз учредили собственную коммерческую фирму под названием «Максимус Энтерпрайзис», от которой получали 90 процентов дохода. Но было уже поздно — 100 млн. долларов от них уплыли.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Четверка битлов вернулась в Лондон физически и эмоционально вымотанная, они хотели лишь одного — отдыха. Но в их распоряжении оставалось всего восемнадцать дней до следующего турне — 5–недельные гастроли по Великобритании. Предполагалось, что по возвращении они начнут работу в студии над своим четвертым альбомом. Альбом «Продаются «Битлз» вышел как раз к Рождеству, и это было на самом деле чудом, хотя в него и входило всего восемь композиций Леннона–Маккартни, а все остальное — лишь вариации на темы любимых песен группы в стиле рок–н–ролл. Две самые запоминающиеся песни для альбома написал Джон. Первая — лирическая композиция в ритме вальса — называлась «Беби в черном». В отличие от остальных песен альбома «Беби в черном» представляла собой удручающе меланхолическую композицию о молодой девушке, которая отказывается прекратить скорбные рыдания о погибшем возлюбленном. Вторая песня была еще более любопытной. Называлась она «Я неудачник» и звучала как элегия.

И хоть я смеюсь словно клоун, и пусть
Под маской веселой скрываю я грусть,
И слезы из глаз моих льются дождем,
О ней, о себе ли я плачу, о ком?
Неудачник… неудачник,
А вы видите меня другим…

Все, кто хорошо знал Джона, понимали, как он несчастлив. Он чувствовал, что раздваивается, успех угодливо создавал ему образ образованного, но весьма покладистого и мягкого битла. Его семейная жизнь являла собой первый пример лицемерия. Он женился на женщине, которую, наверное, и не любил никогда по–настоящему, воспитывал ребенка, который родился «однажды вечером в субботу от бутылки». Даже огромный загородный дом обернулся для него больше головной болью, чем радостью. Джон с Синтией и малышом жили в комнате для прислуги на чердаке, а дом заполнили водопроводчики и электрики, топтавшиеся здесь с утра до ночи. Однажды Джон отдал свою старую гитару плотнику, и с этого момента началась жестокая борьба между плотником и

прорабом, требовавшим отдать гитару для его детей. Спор закончился увольнением плотника, и особняк огласился рыданиями. После этого Джон заперся в своей комнате и старался больше ни во что не вникать.

В довершение всех сложностей мать Синтии, Лилиан Пауэл, решила переехать в Уэйбридж, и для нее сняли маленький домик в нескольких милях от Кенвуда. Миссис Пауэл была архитипичной тещей, хозяйственной и вездесущей. Она ежедневно приезжала в Кенвуд с рабочими и помогала присматривать за строительством и отделочными работами, а также за воспитанием Джулиана. Джон запрещал Синтии приглашать няню для Джулиана. Он упорно повторял, что «не допустит, чтобы его сына воспитывал чужой человек», и Синтия была при сыне большую часть времени. К счастью для нее, бывшие владельцы дома

оставили экономку Дороти Джарлет. Сердечная и доброжелательная Дот, как ее называли, приходила по утрам и помогала убирать и гладить. Когда стало ясно, что этой помощи недостаточно, Джон сдался и разрешил Синтии нанять супружескую пару, чтобы они готовили еду и делали всякую работу по дому. Муж приставал ко всем женщинам в доме, а жена в отсутствие Джона кормила Синтию и Джулиана гамбургерами. Их недавно разведенная дочь приехала к родителям и стала строить глазки Джону. Дот ненавидела кухарку и обвиняла в нечестности и мелких кражах. Довершал эту компанию грубоватый небритый шофер Джок, его вечно мятая одежда пахла сигарным дымом. Однажды сосед сообщил Синтии, что Джок ночует на заднем сиденье «роллс–ройса», припаркованного в квартале от Кенвуда. В конце концов повариха, рабочий и шофер были официально уволены через контору НЕМЗ.

Дом под руководством Партриджа начал приобретать должный вид, но Синтия так и не перестала верить в то, что она бы справилась лучше. «Партридж, превратив наш особняк в шикарный современный дом, получил, я уверена, весьма кругленькую сумму в банке. Он был очень красивым, но мама не могла противостоять соблазну покупать для нас всякую хозяйственную утварь, и по мере того, как шли месяцы, вещи создавали все более домашнюю атмосферу». В столовой стоял массивный белый деревянный резной стол с дюжиной антикварных стульев. Джон считал, что они выглядят так, будто их обгрызла злая собака. Главную спальню, которую Синтия считала слишком большой, чтобы чувствовать себя в ней уютно, перестроили из трех комнат меньшего размера. Оборудование для кухни было ультрасовременным и сложным, и пришлось

пригласить специалиста, чтобы он прочитал Синтии и экономке лекцию о том, как им пользоваться. Но даже после этого Синтия ничего не поняла, единственное, что ей удалось освоить, это вафельницу. Джон как–то велел Кену Партриджу доставить еше какое–нибудь простое приспособление, потому что он по горло сыт вафлями.

Всего в нескольких милях от Кенвуда находился отель, где давно пропавший отец Джона Фреди Леннон работал мойщиком посуды Джон ежедневно проезжал мимо этого отеля по дороге в Лондон и обратно. Фредди так бы и не узнал о том. что его сын стал национальным достоянием, если бы не уборщица, работав–шая с ним вместе в отеле. Однажды она принесла фотографию Джона из газеты и сказала: «Если это не твой сын, Фредди, тогда я не знаю». На следующий день маленький человечек, похожий на бродягу, с редкими седеющими волосами появился у парадно–го входа в Кенвуд и представился как папа Джона.

Джон и Фредди вежливо побеседовали 20 минут, за это время Фредди успел раскритиковать стиль жизни Джона, его музыку и дом. Потом потребовал денег. Фредди прогнали, и он отправился в ближайшую редакцию газеты на Флит–стрит, став на один вечер звездой, радостно давая интервью о своем сыне за понюшку табака. Фреду даже удалось продать за 40 фунтов историю своей жизни в журнал «Тит Битс» и записать сингл со своей повестью «Такова моя жизнь». Маленькая компания звукозаписи, купившая сингл, посоветовала Фреду поставить коронки на зубы, если он хочет выступать публично. В конце концов он заплатил дантисту больше, чем заработал на карьере в сфере звукозаписи. После этого Фредди вновь ушел в небытие.

2

Зима 1965 года ознаменовалась тем, что Ринго стал последним битлом, нашедшим свою единственную девушку. Ринго вступал в роскошную жизнь с трепетом, присущим. водителю–новичку, только что получившему водительские права. Если остальные битлы по крайней мере научились заказывать в барах напитки с шикарными названиями или хорошие вина в ресторанах, Ринго все еще питался яйцами и чипсами в обед. Со своими щенячьими глазами и неуверенностью в себе он казался легкой добычей для любой секс–бомбы–блондинки, приближавшейся к нему. Какое–то время он встречался с модной моделью Вики Ходж, но друзья видели, что он выезжает с ней только под нажимом, и они вряд ли смогут поладить.

Девушка, с которой Ринго поладил, осталась в Ливерпуле. Маурин Кокс тщательно следила за всеми приключениями Ринго, решив, что не отдаст Ритчи так легко. 1 декабря 1964 года, когда у Ринго обострился хронический тонзиллит и его положили в университетский госпиталь, Маурин села в поезд и привезла ему мороженое. Она оставалась там до тех пор, пока он не поправился, и провела с ним в Лондоне Рождество. Вики Ходж отправилась отдыхать в Швецию.

Как всякая девушка–северянка, Маурин захомутала своего возлюбленного на северный манер — к середине января она забеременела. Ринго, как всякий добропорядочный северянин, сделал то, чего от него ждали. Однажды в три часа утра, ласковый и пьяный, он опустился на одно колено и сделал Маурин предложение под добродушные насмешки друзей. Они поженились 11 февраля и провели короткий медовый месяц в доме Дэвида Джекобса в Брайтоне, а затем вернулись в маленькую квартирку на первом этаже, которую сняли в северной части Оксфорд–стрит. Через несколько дней вход со стороны улицы осадили фанаты. Поэтому Ринго приходилось вскарабкиваться на раковину и вылезать через маленькое окошко на другую сторону. Так долго не могло продолжаться. Он попросил Кена Партриджа найти для них квартиру, а сам уехал сниматься в новом фильме о «Битлз». У Кена было всего четыре недели на поиск и оформление новой квартиры.

Маурин проявила больше снисходительности к работе Партриджа, чем Синтия. Приехав из своего временного пристанища со старым плюшевым медведем и дорожной сумкой в руках, она переходила из комнаты в комнату, растерявшись от вида роскошной квартиры, которая теперь должна была стать ее новым домом.

3

В конце зимы 1965 года битлы начали работу над своим вторым фильмом под рабочим названием «Восемь рук обнимают тебя». Его съемки обошлись втрое дороже, чем съемки «Тяжелого дня», и заняли вдвое больше времени, но фильм получил лишь треть откликов в прессе. Сюжет оказался слабо разработанным, прослеживалась тщетная попытка повторить первый успех. Окончательный сценарий был написан Марком Беймом и Чарльзом Вудом и назывался «Помогите!». Глупейший сюжет вращался вокруг сумасшедшего ученого и секты индуистов, охотящейся за ценным кольцом, которое почему–то оказывается

на пальце у Ринго.

Все, кто был занят в фильме «Помогите!», замечали, что с ребятами что–то не то. Их продолжительные хихиканья и периодические отлучки в костюмерную не оставляли сомнений в том, что происходит. Семена, посеянные Бобом Диланом прошлым летом, теперь расцвели в четырех насквозь пропитанных зельем головах. Эффект от марихуаны и самого Дилана очевиден в песнях, написанных для фильма «Помогите!». Две песни представляли особый интерес. Одна из них, сочиненная Полом, стала откровением для публики. Это произошло летом 1965 года, когда заканчивались съемки фильма. Как–то утром Пол, встав с постели, направился к пианино и написал песню в один присест. Он сочинил музыку под «Шалтая–болтая», подобрал нужные слова и назвал песню «Вчера». Пол любит говорить, что это чудесное творение, оно, как яйцо — без швов и изъянов. Песня понравилась не только фанатам «Битлз», но и пришлась по вкусу людям всех возрастов и склонностей.

Другая песня на стихи Джона была названа так же, как и фильм. Никто не обратил внимания на весьма примечательные стихи — жалобный крик одиночества и отчаяния, звучавший громче, чем в предыдущей песне «Я неудачник».

Когда–то много лет назад я молод был,
Ни у кого ни в чем я помощь не просил.
Теперь прошли те дни, и я не так самоуверен,
Я изменился. Распахнул я настежь двери.
Все в моей жизни очень сильно изменилось,
И независимость, похоже, испарилась.
По временам я беззащитен, и тогда
Я знаю, что ты мне нужна, как никогда.
Помогите! Кто–нибудь!
Помогите!.. Помогите!..

4

Как–то Джордж Харрисон познакомился с дантистом Эриком Казинсом. Постановка коронок и косметические процедуры, связанные с зубами, стали отнимать у битлов очень много времени с тех пор, как их стали часто фотографировать. Казинс обслуживал всю четверку и их жен. Он жил в красивой квартире на Бейзуотер–роуд вместе со своей подружкой Эни, кудрявой блондинкой. Битлам дантист казался несколько скользким, и они

подозрительно отнеслись к его попыткам завести с ними дружбу. Но он проявлял сильную настойчивость, и наконец Джон с Джорджем приняли его приглашение прийти к нему домой на обед.

Все четверо помнят, что, войдя в дом, они сразу заметили кубики сахара, аккуратно разложенные на каминной доске. Разговор за обедом крутился вокруг секса и американца Тимоти Лири, которого никто не знал, кроме Джона, краем уха слыхавшем о новом всемогущем наркотике ЛСД. Когда обед закончился, дантист положил по кусочку сахара в каждую чашечку кофе. Патти хотела отодвинуть недопитый кофе, но Казинс настоял на том, чтобы она допила все до капли. «Давай, давай, допей до конца».

После того, как кофе был выпит, все вернулись в гостиную, и только тогда Казинс объяснил свои действия. Синтия и Патти похолодели от ужаса, и не потому, что знали, какое действие оказывает ЛСД, просто у них создалось впечатление, что замышляется оргия. Они извинились и собрались уходить.

Казинс, беспокоясь за их безопасность, вместе со своей подружкой последовал за ними. Джордж, Джон и девушки забились в малолитражку Джорджа, специально не оставив места Казинсу и его подруге. Дантист сказал, что поедет за ними на своей машине, куда бы они ни последовали, и Джордж помчался по улицам Лондона на бешеной скорости, пытаясь оторваться от него. Казинсу удалось, держась у них на хвосте, добраться до популярного ночного клуба «Пиквик», куда они решили заглянуть, чтобы послушать восходящее рок–трио: Пэдди, Клауса и Джибсона. Больше раздраженные, чем обеспокоенные, битлы вошли в переполненный клуб вместе с Казинсом, шедшим за ними.

В «Пиквике» и начали происходить странные вещи. Помещение увеличилось в размерах, вытянулось, вокруг замелькали искры. Они почувствовали себя неуютно и через несколько минут решили уйти. Казинс все еще плелся за ними, уговаривая вернуться к нему домой. Две пары направились в «Ад Либ», надеясь, что знакомое окружение поможет им прийти в себя. Всю дорогу Патти боролась с необъяснимым желанием перебить витрины на улице. Они припарковались за углом у входа в «Ад Либ».

«Когда мы наконец сели в лифт, — рассказывал Джон, — нам всем показалось, что начался пожар. Мы начали вопить, и все были возбуждены и истеричны. Когда лифт остановился и двери открылись, мы орали».

Они пробыли в «Ад Либ» всего несколько минут, оставив там

дантиста с подружкой. Джордж повез всех в Эшер. Сорокаминутный путь занял несколько часов. Синтия сидела сзади, держась пальцами за горло и пытаясь выплюнуть сахарный кубик. Джон болтал не переставая. У перепуганной Патти началась клаустрофобия в тесном салоне машины, она умоляла остановиться и посидеть где–нибудь у дороги. Джон продолжал смеяться и все время повторял: «А ведь в футбол ты сейчас не сыграешь, Патти».

Наконец они добрались до дома Джорджа, заперли ворота, дверь и закрыли все окна. Джордж взял гитару и стал играть, удивляясь, что из инструмента выходят ноты, похожие на пластмассовые пластинки. Джон занялся рисованием. На одном рисунке он изобразил лица всех четверых, а внизу написал: «Мы все с тобой согласны». «В ту ночь я много рисовал, — рассказывал Джон. — А потом дом Джорджа стал похож на большую подводную лодку. Я ею управлял, а все отправились спать. Казалось, дом плывет выше стен, а я веду его».

Но Патти и Синтия не отправились спать и не видели счастливых видений. Патти обняла свою кошку на полу в спальне, уверенная в том, что изменилась навсегда, и разум никогда не вернется к ней. Синтия легла на постель и попыталась логически обдумать, что же с ними происходит, соединив тайну сахарного кубика и Тимоти Лири в единое целое. Она не спала почти всю ночь, до тех пор, пока медленно–медленно все не стало затихать, краски поблекли, и Синтия провалилась в сон.

5

В начале 1965 года Бриан попросил меня (Питера Брауна) приехать в Лондон, чтобы помочь ему в работе с Джоном, Полом, Джорджем и Ринго. В течение следующих пяти лет мы с битла–ми жили параллельными жизнями. Я осуществлял надзор и вел все их дела, в том числе и личные, — от заключения контрактов до вызволения из тюрьмы. Помогал им жениться и разводиться. На моем столе стоял красный телефон, номер которого знали только они, а в ящике моего стола были заперты их паспорта.

Контора НЕМЗ в Лондоне превратилась в мини–конгломерат с полдюжиной новых департаментов, в том числе департамента путешествий и брони, и двадцатью новыми сотрудниками. Клайв, брат Бриана, согласился помочь Бриану с финансовым администрированием, заодно присматривая за семейным магазином в Ливерпуле. Для ведения общего администрирования в компании Бриан нанял давнего ливерпульского приятеля и

надежного человека Джоффри Эллиса. Выпускник Оксфорда, Джоффри работал в нью–йоркской конторе Государственной страховой компании. Хотя у него не было опыта в ведении развлекательного бизнеса, он был очень педантичным и честным, и его любовь к мелочам помогла ему впоследствии в работе главным администратором НЕМЗ. Администратора телевидения Редифьюжен Вивьен Майнихан пригласили на работу в НЕМЗ для создания телепрограмм и помощи в театральных постановках.

Бриан купил агентство по ангажементам, директором которого стал маленький кругленький джентльмен с тоненькими усиками Вик Левис. Левис принадлежал к тому типу чиновников, которые не собираются держать свое мнение при себе. Вскоре Бриан понял, что испытывает к нему сильнейшую неприязнь. Напыщенный, с чувством собственного превосходства, Левис любил давать советы, а Бриан был сверхчувствительным и упрямым.

Для ведения дел с прессой пригласили Тони Бэрроу. В 1966 году бухгалтерию расширили и взяли Мартина Вессона, прежде работавщего помощником президента «Рэнк Органай–зейшн». И еще одна контора на Монмаут–стрит со штатом из шести человек издавала ежемесячный журнал «Битлз Фан Клаб» — очень прибыльное дело, каждый месяц продавалось по 300 000 журналов. По мере расширения НЕМЗ разрасталась и сфера их деятельности. Она стала настолько большой, и в ней столько всего перемешалось, что ливерпульские группы чувствовали себя несчастными, потому что их карьеру перепоручили третьеразрядным чиновникам. В течение первого успешного для НЕМЗ года Бриан честно уделял им максимальную долю внимания, но потребовалось немного времени, чтобы понять, что их талант несравним с «Битлз» и все они, один за одним, ушли в тень, зачахнув от невнимания — невостребованный багаж в поезде Битлз: Билли Дж. Крамер, Джерри энд зе Пейсмейкерз, Зе Биг Три, Томми Куикли.

Похоже, лишь звездный блеск Силлы Блэк не мерк в глазах Бриана. Хотя ее профессиональный успех к этому времени был ограниченным и базировался исключительно на версиях чужих песен, например, песни Пола «Любовь влюбленных», ее дружба с Брианом и битлами создавала ей твердую почву под ногами в бизнесе звукозаписи, а Бриан все еще верил в ее будущее звезды. Для всех, кто видел Бриана и Силлу вместе, было очевидно, что его вера в нее не имела никакого отношения к ее таланту. Бриан просто любил Силлу, добрую, забавную и покладистую. Каким–то образом с Силлой Бриану удалось преодолеть барьер, существовавший между ним и большинством женщин. Как бы там

ни было, Силла оставалась одной из немногих, с кем Бриан чувствовал себя уютно, и он продолжал преданно заниматься ее карьерой.

В тот год Бриан разработал новую схему — создание агентства по продаже автомобилей. В течение прошлого года Бриан, битлы и другие артисты НЕМЗ потратили целые состояния на дорогие машины, и Бриан подумал, что, если у него будет собственное агентство по продаже автомобилей, они смогут приобретать экзотические автомобили по оптовой цене, а сам Бриан сможет получить громадную прибыль от продажи машин другим рок–звездам, которые непременно воспользуются услугами фирмы просто потому, что ее владельцем является Бриан. Как бы там ни было, эта сомнительная гипотеза с блеском подтвердилась, и фирма «Брайдор» стала процветать. Возглавил агентство Тер–ри Доран. Он продавал автомобили в Ливерпуле и завоевал себе доброе имя «торговца машинами».

Через «Брайдор» Бриан приобрел в дополнение к своему красному «роллс–ройсу» серебряный разборный «бентли» и черный «мини–купер». Ринго купил два «мини», «лендровер» и «фасел–вегу», которую, как он признался журналистам, он мог себе позволить купить, но которой не пользовался. Джордж Харрисон ездил сначала на «ягуаре», затем на белом «мазерати», как Джеймс Бонд. Джон наконец–то сдал экзамен по вождению и купил, шутки ради, зеленый «феррари» и «мини–майнор», которые поставил в гараж в Кенвуде рядом со своим «роллсом». Нилу Аспинолу в качестве рождественского подарка ребята преподнесли серый «ягуар».

Бриан чувствовал потребность расширить недвижимость, и 5 апреля 1965 года взял в аренду театр «Савиль» с плюшевыми красными креслами, ложами в форме раковин и позолоченными балюстрадами. Он лично стал директором театра. В его финансовый план входило делать ставку на лучшую рок–музыку в ущерб драматическим постановкам. Центром внимания была «королевская ложа», из которой Бриан и битлы смотрели спектакли. В этой большой позолоченной ложе, нависавшей над зрителями, стояли длинные современные диваны, обитые шокирующе экстравагантной тканью под шкуру леопарда. За бархатной портьерой скрывалась маленькая прихожая с живыми цветами. Вдоль одной стены располагался бар с тщательно отобранными напитками и холодильник, забитый шампанским. В ложу вел отдельный вход с улицы, чтобы не толкаться вместе со всеми в дверях. Публика с интересом взирала на ложу, ожидая появления Пола с Джейн Ашер или Джона, или Джорджа, или, как часто бывало, преуспевающего молодого антрепренера и

самого «творца звезд».

Но теперь, когда слава и богатство превратились в реальность, Бриану этого оказалось недостаточно. Он чувствовал себя разочарованным и начал скучать. Никакие театры и автомобильные агентства в мире не могли заглушить его боль. Даже любовь к Джону Леннону, поддерживавшая его в самые тяжелые периоды, стала более спокойной и трансформировалась в отеческое покровительство.

По вечерам, когда битлы уходили к своим женам или девушкам, а друзья и сотрудники расходились по домам, Бриан оставался наедине с самим собой. Наглотавшись разноцветных таблеток биамфетаминов, он читал ночи напролет, страдая от бессонницы, унаследованной от Куини. Доктор, Норман Кауан, с которым Бриана познакомили в Лондоне, прописал ему секо–нал. Одна–две красные капсулы этого препарата обычно выключали его к рассвету, а просыпался он днем, пьяный и несчастный. Новая горсть таблеток биамфетаминов вновь приводила его в то же состояние. Д–р Кауан, женатый практикующий врач средних лет с солидной репутацией, взявшись за лечение, и понятия не имел, что Бриан принимает амфетамины. Когда же Бриан признался ему в этом, д–р Кауан настоятельно посоветовал ему прекратить принимать таблетки, представлявшие серьезную угрозу для его здоровья. Бриан никогда больше не принимал ни одной таблетки, но, естественно, стал принимать все большие дозы наркотиков, потому что толерантность к ним повысилась. По вечерам он был в состоянии такого сильного наркотического возбуждения, что садился за руль своего серебряного «бентли» и ехал в клуб «Клеремонт» на Беркели–сквер. Привратник присматривал за машиной, а Бриан проводил всю ночь, играя в «железную дорогу» или «баккара»[6], попивая холодное бренди, куря сигару и периодически глотая таблетки в вечном усилии подобрать нужную дозу, чтобы не быть ни слишком возбужденным, ни вялым. Во время таких развлечений можно легко проиграться в рулетку, и он проигрывал. В среднем убытки составляли 5000 фунтов в неделю, но иногда достигали и 17 000 за одну ночь.

Чтобы удовлетворить свой игровой азарт, Бриан стал часто снимать деньги со своего лицевого счета в НЕМЗ, но уже через несколько месяцев это стало беспокоить бухгалтеров, и ему пришлось обратиться к другому, менее заметному источнику. У него вошло в привычку звонить Терри Дорану в «Брайдор» и узнавать, были ли проданы какие–либо машины и заплатили ли за них. Если там была подходящая сумма, Бриан приезжал лично и забирал чеки или наличные деньги. Периодически брат Бриана

Клайв заезжал в «Брайдор» проверить расходные книги, но Доран никогда не упоминал о десятках тысяч фунтов, которые забирал Бриан и записей о которых не было в книгах.

Несмотря на успех, деньги и приобретенную славу, Бриан все еще находился в плену самой опасной и несбыточной любовной связи, которая, как он знал, погубит его. Это случилось весной 1965 года. Бриан познакомился и влюбился в молодого американца, проживающего в Лондоне. Звали его Днзз Джиллескай. Двадцатилетний актер и певец говорил с придыханием, у него были темные волосы, насмешливые глаза и вздернутый нос. Бриан настолько им увлекся, что взялся за призрачную артистическую карьеру Дизза и купил ему новый гардероб. Пользуясь предлогом, что Дизз является артистом НЕМЗ, Бриан оплатил многие из его долгов и стал выплачивать ему небольшое содержание из собственного кармана. Разумеется, друзья Бриана предостерегали его, на что он отвечал: «Может быть, он и использует меня, но он отличается от большинства. В нем есть что–то особенное, что–то чему я не могу найти названия».

Возможно, это была склонность Дизза к жестокости. Дизз с Брианом проводили много вечеров в квартире Бриана, где принимали наркотики и пили коньяк.

Чаще всего эти пьяные наркотические вечера заканчивались какими–нибудь злополучными ссорами. Они начинались с простого спора и переходили в кулачный бой и битье зеркал. Как–то раз, чувствуя себя несчастным из–за щедрости Бриана, Дизз довел себя до ярости. Когда Бриан велел ему убираться из дома, Дизз бросился на кухню, схватил самый огромный нож, какой только смог найти, и воткнул Бриану в вену, вытащив к тому же деньги из его кошелька.

Бриан перестал видеться с Диззом после инцидента с ножом, но все было бесполезно, он тосковал по юноше, изнемогал от любви к нему. Однажды вечером я приехал к Бриану и застал там Куини и Гарри Эпштейнов. Они приехали из Ливерпуля, потому что им показалось из телефонного разговора с Брианом, что у него депрессия, и пришли в ужас от того, что увидели. В похмелье, после наркотиков и попойки прошлой ночи, Бриан признался им в своей любви к Диззу Джиллескаю. Куини уговорила его уехать на время во Францию. Вечером мы с Брианом упаковали вещи и направились в Кап д'Антиб, оставив Лондон и Дизза Джиллеская.

По возвращении в Лондон Бриан решил избавиться от квартиры на Уэдхэм–стрит, где был так несчастлив с Диззом. В течение нескольких недель он приобрел прелестное пятиэтажное

здание с частным гаражом, комнатами для прислуги, официальной обеденной комнатой и садом на крыше. Чтобы занять себя и отвлечь мысли от Дизза, Бриан бросился заново оформлять дом, следуя советам обладающего прекрасным вкусом Кеннета Партриджа.

6

15 июня 1965 года битлов включили в список на присуждение почетных титулов и награждение орденами и медалями по случаю дня рождения Ее Величества королевы Елизаветы. Они должны были принять акколаду Члена Британской Империи — самый низкий ранг рыцарского ордена, обычно этой награды удостаиваются филантропы.

Пола, Джона и Ринго потрясла оказанная им величайшая честь, чего нельзя сказать о Джоне Ленноне. Королевская семья и классовая структура Англии всегда были его излюбленной мишенью, и то, что он вступит в их ряды, наполняло его чувством вины. Когда ему впервые сообщили о награждении в личном письме, написанном представителем королевы, он почувствовал такое отвращение, что выбросил письмо в кипу писем от своих фанатов, и так и не ответил на него. Несколько недель спустя, после того, как обеспокоенный Букингемский Дворец спросил Бриана, как Джон отнесся к этому событию, Бриан настоял на том, чтобы галантное письмо от имени Джона было отправлено.

Еще больше Джона возмутило сообщение о том, что вступление «Битлз» в титулованное общество члены Британской Империи восприняли отрицательно. Артур Ричард Пейп вернул свою медаль в Букингемский Дворец, также поступил и гвардейский офицер, сообщивший прессе, что делает это потому, что не желает делить награду с «вульгарными придурками». Гектор Дюпиус, член Канадской Палаты Общин, тоже вызвался вернуть медаль. Джордж сказал репортерам в интервью: «Если ему медаль не нужна, пусть он лучше отдаст ее нам, мы бы вручили ее нашему менеджеру Бриану Эпштейну».

Джон был менее дипломатичен: «Гвардейские офицеры получают свои награды за то, что убивают людей. Мы получили свои за то, что развлекаем… Я бы сказал, что мы их больше заслужили».

Следующей осенью самая большая и самая молодая толпа окружила Букингемский Дворец в день награждения битлов. Они кричали: «Господи, храни «Битлз»! Перед самой церемонией битлы зашли в маленький туалет и выкурили по сигарете с

травкой, выпуская дым в маленькое окошечко. Джон достал еще одну сигарету в надежде встретить принца Чарльза, которому было тогда шестнадцать лет. Чарльза не смогли найти, и история так никогда и не узнает, что могло бы случиться, если бы эти двое в тот день встретились.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«Ничто, в самом деле, ничто не шло для кого–либо из нас вновь нормально».

Нил Аспинол

1

В августе 1965 года тетушка Джона Мими совершила одну из своих редких поездок в Лондон ради премьеры фильма «Помогите!» и остановилась у Джона в Уэйбридже. Мими узнавала об успехах Джона с ворчливой гордостью, но давала ему понять, что его известность не заставит ее держать свое мнение при себе. Она помалкивала о том, что принесла ей слава Джона. Одинокая Мими все еще жила в своем аккуратном домике на Менлав–авеню. Ее дом стал обязательным объектом для ливерпульских туристов, а саму Мими донимали журналисты и фанаты, звонившие в дверь в любое время дня и ночи, требуя подтверждения тому, что это действительно дом Джона, а она его тетя.

Джон много раз умолял ее переехать, предлагал купить любой дом, который ей понравится, или по крайней мере заново переделать Мендипс, но Мими только улыбалась: «Зачем? Глупенький, нет смысла вытаскивать меня из болота».

Наутро после премьеры «Помогите!» Джон с Мими позавтракали, и Джон сказал: «О'кей, я собираюсь подыскать для тебя дом. Где ты хочешь?»

Мими, не придумав ничего лучшего, назвала Бурнемаут, живописный город на берегу моря. Джон вызвал шофера и велел ему принести карту Бурнемаута. Через полчаса они выехали. Румсейз, местное агентство по торговле недвижимостью, было счастливо предложить им несколько домов. Наконец Мими выбрала то, что ей понравилось, белый дом с видом на Пулский залив. Когда хозяин дома и его жена увидели за дверью Джона Леннона, они не знали, как его ублажить. Мими с Джоном обошли дом. Ей больше всего понравилась терраса и задний дворик, откуда она могла любоваться океанскими лайнерами, плывшими по заливу.

«Тебе нравится, Мими? — спросил ее Джон. — Если нет, я куплю его для себя». Он позвонил своему бухгалтеру в Брайс–

Хамнер, и тот сразу же оформил покупку. Дом на Менлав–авеню Мими впоследствии продала за 6000. Она так и не истратила эти деньги, словно собиралась когда–нибудь вновь вернуться туда. Но она не вернулась, потому что назад дороги не было.

2

Лето всегда возвращало Бриану бодрость духа. Лето было временем гастролей. Каждый новый день приносил новую цель. Если «Битлз» отстранили его от работы в студиях и от съемок, гастроли были специальностью Бриана. Он обихаживал свою паству в то время, когда они колесили по всему миру. Они начали с турне по Европе, где с триумфом выступили в спортивном дворце в Париже, их концерт транслировали по всей Франции. Оттуда отправились в

Лион, Милан, Геную и Рим, где Бриан исчез и не успел к самолету, на котором «Битлз» улетели назад во Францию. Они успели выступить в Коте д'Азуре, Ницце, Мадриде, когда появился Бриан с синяком под глазом и рассказом о том, как он ударился о дверь шкафа.

Жарким, душным днем 13 августа битлы со своей свитой прибыли в Нью–Йорк, чтобы совершить третьи гастроли по Соединенным Штатам. График этого турне предоставлял им много свободного времени. У них было всего тринадцать концертов в девяти городах, так что оставалось больше недели для отдыха в Лос–Анджелесе.

15 августа «Битлз» совершили, возможно, самое потрясающее в своей жизни путешествие. Вертолет поднял их с площадки на Ист–Ривер и отвез к стадиону «Шеа», где их ожидала толпа из 56 000 человек. Этот концерт под открытым небом до сих пор является величайшим в истории; сырая погода способствовала обморокам, и уже через десять минут все пункты «скорой помощи» были забиты до отказа.

«Битлз» выступили в Торонто семнадцатого, в Атланте восемнадцатого, затем в Хьюстоне, Чикаго и Миннеаполисе, стремительно сменявших друг друга. И только в Калифорнии, где по графику у них было два вечерних концерта в «Голливуд Баул» и один концерт в Сан–Диего, они смогли сделать передышку на 6 дней. Бриан снял для них большой дом на Беверли–Хиллз, ставший местом паломничества сотен фанатов «Битлз». Они приезжали на машинах и создавали пробки по всей дороге до Сансет–Бульвар. Специальные полицейские подразделения Беверли–Хиллз охраняли дом от вторжения. Наиболее оголтелые

поклонники брали в аренду вертолеты и летали над домом, фотографируя битлов, загоравших на заднем дворике.

Актер Питер Фонда приехал навестить ребят на своем «ягуаре», который тут же окружила толпа фанатов. Они облепили машину, как пчелиный рой, и всю ее помяли. Фонда показал нам рассказ, написанный для журнала «Роллинг Стоун», где он вспоминает об этом событии:

«Наконец–то я пробился сквозь толпу подростков и охранников. Пол с Джорджем находились на заднем дворике, а над их головами патрулировали вертолеты. Они сидели за столом под зонтиком в несколько комичной попытке уединиться.

Вскоре мы приняли кислоту и провалились, как потом выяснилось, на всю ночь и большую часть следующего дня. Очнулись мы в большой пустой глубокой ванне; лепеча все, что приходило в голову.

Я имел счастье слушать, как они вчетвером пели, играли и сочиняли музыку.

Атмосфера весьма способствовала нашему наркотическому путешествию, потому что они всюду находили девушек, которые прятались под столами. Одна проникла в комнату для игры в пул[7] через окно, пока невменяемый Ринго пытался загнать шар в лузу, держа кий другим концом. «Другой конец? — говорил он. — А какая, к черту, разница?»

Когда кто–то вспомнил, что они не ели целый день, все отправились на кухню в поисках какой–нибудь пищи. Джон никак не мог справиться с ножом и вилкой, еда все время скользила по тарелке, и он все время опрокидывал ее на пол».

Этот эксперимент с ЛСД стал началом новой необъявленной эры для «Битлз». Эффект от ЛСД не проявился с очевидностью в течение первых нескольких месяцев, но пройдет не очень много времени, и его влияние сильно скажется и на их музыке, и на их мыслях.

Как только группа прибыла в Лос–Анджелес, многие из голливудского братства попытались познакомиться с ними. Список приглашений впечатлял, но только не битлов, которых совершенно не интересовали эти «зануды» — киноактеры. Однако Брайан понимал важность популярности среди голливудской знати и предложил компании «Капитол Рекордз» устроить для них гала–концерт. Вечер был организован в саду дома исполнительного директора «Капитол Рекордз» на Беверли–Хиллз. Ребят усадили на четыре стула, установленных в ряд. Голливудские знаменитости выстроились в очередь, чтобы пожать им руки и поговорить с ними. Среди светил были Гручо Маркс, Тони Беннет, Ричард Чемберлен, Джим Бэрри, Рок Хадсон, Дин

Мартин, Джеймс Стюарт, Грегори Пек и Кирк Дуглас. Некоторых знаменитостей битлы настолько очаровали, что они встали в очередь по второму разу.

Единственная знаменитость, с которой битлы хотели познакомиться, был Элвис. Бриан давно уже пытался устроить встречу с Элвисом, но «Король», теперь уже на закате славы, был неуловим — громадная популярность «Битлз» представляла для него тайную угрозу. Вместо встречи полковник Паркер прислал для каждого битла по прекрасному ковбойскому костюму с кобурой и настоящим шестизарядным револьвером. В то время Элвис тоже находился в Лос–Анджелесе, участвуя в съемках фильма «Парадиз, гавайский стиль». Полковник Паркер уговорил его встретиться с битлами, пока они в городе. Элвис согласился при условии, что они приедут к нему.

Встреча «Битлз» с Элвисом в его доме на Перуджиа–Уэй очень забавно описана Альбертом Гудменом в его книге «Элвис». Полицейские отряды ВВС, приведенные в боеготовность по случаю этого «космического» события, окружили дом Элвиса. «Битлз» прибыли вместе с Брианом, Нилом и английским журналистом Фредериком Джеймсом. Элвис сам открыл дверь, на нем была красная рубашка и узкие серые брюки. Он был в окружении мемфисской мафии из друзей–музыкантов и телохранителей. Прошло уже несколько лет с тех пор, как одно лишь присутствие Элвиса провоцировало беспорядки, и почти столько же лет ни одна из его песен не занимала первого места в десятке, но битлы все еще благоговели перед ним. Пять минут они сидели молча и. смотрели на Элвиса во все глаза. Наконец Элвис взорвался: «Слушайте, парни, черт вас подери, если вы собираетесь тут сидеть и глазеть на меня всю ночь, я лучше пойду спать!»

Полковник Паркер, к восторгу Бриана, поднял крышку и достал рулетку, спрятанную внутри кофейного столика. В Бриане полковник нашел очень азартного игрока, «творцы Королей» играли с леди Удачей на большие ставки. Позднее «Битлз» и Элвис импровизировали. Элвис сыграл басовую партию Пола в песне «Мне прекрасно», и Пол бодро заметил: «Ты подаешь надежды в игре на бас–гитаре, Элвис». Когда лед был сломан, битлы и Элвис поделились друг с другом своими бедами и переживаниями, сравнивая невзгоды, выпадающие на долю знаменитостей. Перед уходом битлы пригласили Элвиса к себе, а полковник подарил им в качестве сувениров маленькие крытые вагончики.

С большой неохотой ребята покидали Бенедикт–Каньон, чтобы отбыть в Сан–Франциско; где они должны были дать

последний концерт, завершая турне по Америке.

3

По мере того, как приближался последний день гастролей. настроение Бриана падало, как барометр в пустыне. Август был долгим и трудным, и Нат, проведя почти весь месяц с Брианом. начал за него беспокоиться. Бриан зарезервировал номер в «Уал–дорф Тауэрз», где жил постоянно, и Нат с наслаждением наблюдал за его работой. Бриан был сгустком энергии все двадцать четыре часа в сутки. Телефон не замолкал, звонили из самых экзотических мест земного шара. Это мог быть кто–то из клуба фанатов, или организатор концерта, или фоторепортер, или радиостанция, предлагающая «Битлз» «кадиллак» в обмен на какие–нибудь услуги. Бриан обычно смеялся над такими предложениями и говорил: «Только за золото». Иногда телефон звонил так часто, что Бриан уезжал в маленькую двухкомнатную квартиру Ната, чтобы хоть чуть–чуть передохнуть и успокоиться.

Нат не переставал удивляться тому, как Бриан мог всю ночь разговаривать и слушать записи «Битлз», а утром выглядеть бодрым и свежим. Однажды за ленчем Нат был таким усталым и так страдал с похмелья, что не мог есть. Бриан полез в пиджак за ручкой, и Нат заметил, что в его костюме прошит целый ряд маленьких карманчиков. Бриан весело объяснил, что это «карманчики для таблеток» — в каждом из них он хранил биамфета–мины разной силы действия или транквилизаторы.

Только тогда Нат окончательно убедился, что Бриан поддерживает себя искусственно. Таблетки усыпляли его, будили и заставляли двигаться. Это объясняло, по крайней мере отчасти, странное по временам поведение Бриана и его срывы. Нат считал, что самой большой проблемой Бриана все еще оставалась личная жизнь. Все его романтические увлечения, похоже, становились все более убогими. Когда он приехал в Нью–Йорк на два дня раньше «Битлз», перед ним встала страшная дилемма: Дизз Джиллеспай тоже находился в Нью–Йорке. Бриан рассказал Нату всю историю с Диззом, начиная с первой встречи и до расставания, когда в ход пошел нож. Теперь Дизз нашел Бриана и хотел с ним встретиться. Бриан нервничал. Он опасался, что Дизз сделает что–нибудь такое, что скомпрометирует битлов, и просил Ната помочь ему держать Дизза на расстоянии.

Нат согласился. Ему не потребовалось много времени, чтобы разыскать Дизза и пригласить его в офис для разговора. Нат оценил молодого человека с первого взгляда. «Я встречал тысячи

таких типов. Это садовая разновидность дельца. Если вам нужно охладить пиво, приложите кружку к его сердцу».

«Я люблю Бриана, — сказал Дизз Нату. — Мне от него ничего не нужно. Я просто хочу его видеть». «Ладно. — ответил Нат, — Поскольку вам от него ничего не нужно, то и видеть его вам ни к чему. Я хочу, чтобы вы держались от него подальше».

«Ну, тогда так, — объяснил Дизз. — У Бриана полно денег. Если он не хочет, чтобы я появлялся… ну, если у меня будет машина, я смогу уехать».

Нат Вейс передал этот разговор Бриану, и Бриан стал настаивать на том, чтобы выплатить Диззу 3000 долларов на машину. Нат возражал: если дать ему деньги, он вернется и потребует еще. Но Бриан настаивал, и Нат заключил с юношей сделку. В обмен на 3000 долларов Дизз согласился оставаться в номере отеля под присмотром охранника, которого нанял Нат, до тех пор, пока «Битлз» и Бриан не уедут из города. После этого Дизз, кажется, исчез. Но никто не знал, надолго ли.

4

История «пленников славы» стара, как мир, но никто еше не играл этот спектакль с таким трагизмом, как «Битлз». Были моменты, когда, несмотря на славу, богатство и успех, я жалел их. Если у обычных людей жизненные вехи отмечаются рождениями, получениями ученых степеней и новыми назначениями по службе, дни жизни битлов таяли в нескончаемой череде гастролей и концертов, прерываемых лишь на короткое время для записи очередного альбома. И лишь зимой 1965–1966 года битлам удалось впервые провести несколько месяцев дома и извлечь кое–какую выгоду из своего успеха.

А извлечь было что. «Северные Песни» — фирма, издававшая песни «Битлз», стала муниципальной компанией и разместила заем на Лондонской товарной бирже. Стало очевидно, что поскольку нет обычных средств сократить налоги, Джон и Пол могли бы по крайней мере сохранить большую часть денег, обратив облагаемый большим налогом доход в капитал, дающий прибыль. «Северные Песни» были подходящим средством для этого, но никто пока не продавал в виде акции то, что являлось партнерством в создании песен. Хотя песенники давно сделали издателей миллионерами, права на пятьдесят девять мелодий, изданных к тому времени компанией «Северные Песни», принадлежали прежде всего эфемерным лондонским финансистам. Человеком, заслужившим огромное доверие и

убедившим город в том, что «Северные Песни» — выгоднейший товар, был Дик Джеймс, музыкальный издатель «Битлз». Дик Джеймс хорошо знал цену «Северным Песням», потому что музыка «Битлз» сделала его самого мультимиллионером. Бриан познакомился с Джеймсом на заре успеха «Битлз», когда песня «Люби меня» впервые заняла первое место по популярности. «Люби меня» напечатал один местный издатель, но Бриану не повезло с продажей. Джордж Мартин порекомендовал Дика Джеймса, владевшего небольшой, но очень пробивной компанией, которая впоследствии сыграла большую роль в судьбе «Битлз».

Дик Джеймс стал символом музыкального бизнеса. В глазах ребят это был лысеющий еврейский дядюшка, с большой сигарой и хитрой улыбкой, преподавший Джону и Полу один из самых главных уроков в их жизни.

Дик Джеймс, урожденный Ричард Леон Вапник, был сыном мясника. В четырнадцать лет он бросил школу и стал певцом Ли Шериданом, который превратился в Дика Джеймса, пока переходил из одного оркестра в другой. В конце пятидесятых он исполнил песню, идущую основной темой в английском телесериале «Робин Гуд». Песня стала международным хитом, но Джеймсу платили всего 17 фунтов за серию. К тому времени, как ему исполнилось тридцать два года, он уже прекрасно знал, как можно разбогатеть в музыкальном бизнесе. В 1962 году, когда Бриан с ним познакомился, у него был маленький обшарпанный офис из двух комнат на Чеаринг–Кросс–Роуд.

Джеймс безошибочно распознал в Ленноне и Маккартни потенциальных сочинителей песен и предложил Бриану толковую сделку. Джон с Полом образуют партнерскую компанию под названием «Северные Песни». Каждый из них станет владельцем 20% акций компании, а Бриан вместо 25% жалованья менеджера получит 10% акций. Дик Джеймс за работу в качестве музыкального издателя получит 50% собственности.

Бриан буквально отписал Дику Джеймсу 50% дохода от изданий Леннона–Маккартни, что сделало его через восемнадцать месяцев невообразимо богатым.

Три года спустя 5 миллионов акций «Северных Песен» выбросили на рынок. Джон и Пол получили по 15% акций каждый, что составило в то время 640 000 долларов. НЕМЗ получили 7,5%, а Джорджу Харрисону и Ринго Старру в порыве великодушия кинули 1,6% на двоих. Дик Джеймс и его компаньон Чарльз Сильвер получили 37,5%, что составило 1 687 000 долларов.

Хотя такой оборот принес Джону и Полу некоторый капитал, большую его часть они истратили на оплату предыдущих налогов.

Джордж и Ринго из–за собственных проблем с налогами испытывали финансовые затруднения, о чем невозможно было догадаться, судя по их расходам.

У Ринго родился сын Зак. В ожидании ребенка Ринго съехал из своей маленькой квартиры и купил дом в Уэйбридже за 37 000 фунтов. «Солнечные высоты» обошлись в 40 000 фунтов. Ринго попросил Кена Партриджа оформить дом, но Бриан сказал, что Партридж и так слишком занят, так что Старры нашли другого дизайнера, чтобы он реализовал их творческие фантазии. Ринго тратил деньги, как бедняк, выигравший на скачках, отчасти так оно и было. В квартире установили 6 телевизоров, стереосистемы, больше двадцати телефонных аппаратов, по два в каждой комнате, включая прямой телефон, соединяющий дом с офисом Бриана, а также множество всевозможных электронных новинок, появляющихся на рынке.

Джордж оказался более практичным. Наконец–то он сделал предложение Патти Бойд, и 21 января 1966 года они поженились. Для Джорджа это было самое счастливое время за многие годы. Он был влюблен, и его еще не очень сильно притесняли Джон и Пол. Молодая пара вызывала всеобщее восхищение. Патти оказалась одной из самых прелестных молодых женщин Лондона. За шикарной великосветской внешностью скрывалась ласковая, заботливая девушка с добрым сердцем и хорошим вкусом. Ее карьера манекенщицы стремительно пошла в гору благодаря браку с Джорджем, но она отказывалась почти от всех контрактов, чтобы быть с мужем, уделяя все свое время оформлению загородного дома, который он купил для нее. Несмотря на то, что Джон и Ринго потратили кучу денег на свои дома, дом Джорджа и Патти был, наверное, самым восхитительным из всех.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«Что я буду делать, если они перестанут гастролировать? Что мне останется?»

Бриан Эпштейн

1

«Битлз» практически владели студиями «Эбби Роуд». Только за последние два года на «Эбби Роуд» они записали девятнадцать золотых альбомов, из них восемнадцать заняли первые места по популярности. Если «Битлз» говорили, что хотят записать пластинку, это действовало как звонок гигантского кассового аппарата, и все студии освобождались для них. Все их прихоти исполнялись, как капризы королей, каковыми они и стали, и когда Ринго пожаловался, что в туалете И–Эм–Ай грубая туалетная бумага, об этом написало сразу несколько газет на первой полосе. Авторы были на аукционе студий «Эбби Роуд» в 1981 году, где развернулась яростная борьба за рулон туалетной бумаги с держателем, на которую жаловался Ринго. Какой–то счастливчик купил его за 65 фунтов.) «Битлз» провели большую часть зимы и весну, записывая свои два самых главных альбома «Резиновая Душа» и «Револьвер». Эти альбомы стали первыми из шедевров, созданных группой. Битловед Николас Шаффнер сравнивает этот момент в их музыкальном росте с тем переходом в фильме «Волшебник Изумрудного Города», когда из черно–белого все становится цветным. Простенькие любовные песни стали сменяться ошеломляющим спектром предметов и диковинных образов — от банальных до эфемерных. Даже сама музыка изменилась, она стала богаче, мелодичнее, неуловимее. И теперь вместо того, чтобы записывать на альбом не связанные между собой хиты, композиции альбома сливались в единое целое, настроение и звук объединяли песни.

И все же в то время «Резиновая Душа» вызвала некоторое разочарование критиков. Хотя альбом и входил в десятку лучших в течение семи месяцев, он явился неожиданностью и сбил с толку подростков, ожидавших молодежных песен в стиле «ей–ей–ей». Это был самый мощный из всех вызовов, брошенных «Битлз» своим фанатам. Мало кто из фанатов мог знать, что новое музыкальное направление явилось прямым следствием ставшего

привычным курения марихуаны. Особенно в песнях Джона, как бы пропущенных сквозь дурманящий дым марихуаны, эта перемена была особенно ощутима. Элегическая песня «Норвежский лес» первой заставила нас задуматься о том, что мы слышим в музыке. Именно в этом альбоме пышным цветом расцвел самоанализ. «В моей жизни» стала первым гениальным шедевром, это автобиографический экскурс — короткая, обманчиво простая песня, великолепная как по своей лаконичности, так и по живым образам. Джон исполнял ее нежнейшим гипнотизирующим голосом.

Самый большой коммерческий успех альбом «Резиновая Душа» принес Полу Маккартни благодаря песне «Мишель» — еще одной сладчайшей любовной песне, в которой он сознательно сбивается на французский припев.

К концу работы над «Резиновой Душой» опыты битлов с ЛСД приобрели довольно регулярный характер. И вновь музыка заметно изменилась, на сей раз появился тяжелый электрический звук. «Автор брошюр» с пульсирующим хором, написанный Полом, возвестил начало того, что появится впоследствии. В аудиоделическом «Дожде» Джона, усиленном инструментальной аранжировкой Джорджа в индийском стиле, впервые были использованы «обратные» записи. Этот простой фокус проигрывания магнитофонной записи задом наперед с последующей перезаписью никогда прежде не рассматривался как серьезная музыкальная техника. Джон впервые обнаружил, что ему нравятся эти несколько неземные звуки, когда он как–то находился под действием наркотиков. Работая поздно вечером в маленькой студии на чердаке дома в Кенвуде, он поставил магнитофонную запись чернового варианта «Дождя» наоборот. В последующих альбомах «Битлз» есть фрагменты, звучащие задом наперед.

Причудливо–дурманная «Желтая Подводная Лодка», где Ринго солирует речитативом, также явилась результатом наркотических грез, как и «Элеонора Ригби» — мрачный собирательный портрет одиноких покинутых людей. Альбом «Револьвер» содержал сочиненную под воздействием наркотиков песню «Доктор Роберт» — о реальном нью–йоркском враче, дававшем «витамины» богатым и знаменитым, а также миленькую песню «Ни для кого», очередная выжимающая слезу композиция Маккартни. Джорджу позволили представить две песни: непримечательные «Я тоже люблю» и «Я хочу тебе сказать», но ему еще разрешили записать песню «Налогоплательщик», которая имела в Америке огромный успех.

«Битлз» сумели перевести опыт ЛСД и все, что он за собой

повлек — одежду, прически, сексуальную революцию — на язык коммерции. Альбомы «Резиновая Душа» и «Револьвер» — ранние примеры могущества группы, их умения повести за собой. Потенциально смертоносная демонстрация этого могущества вскоре должна была проявиться.

2

Когда мир взорвался и его кусочки сложились вокруг них в мандариновые деревья и мармеладные небеса, когда Лондон стал для них лучшим местом на земле, а сами они стали лучшими людьми, какие только могут быть, им пришлось сделать то, что им меньше всего хотелось, — им пришлось уехать. Было лето, а «евангелие от Бриана» гласило, что летом они гастролируют. Бриан не видел причин менять ежегодный ритуал, который ему так нравился, хотя было очевидно, что гастроли, по рекламным или финансовым соображениям, ребятам больше не нужны. Возможно, это был первый серьезный знак того, что Бриан перестал видеть перспективу и уже не понимал, чем стали «Битлз». Музыка настолько усложнилась, что ее невозможно было воспроизводить на сцене.

Но машина была приведена в движение: 23 нюня битлы вылетели в Мюнхен, Эссен и Гамбург. На сей раз Бриан настоял на том, чтобы я поехал с ними и занимался администрированием и личными проблемами «Битлз». Мне очень не хотелось надолго покидать свой лондонский офис, и я с неохотой думал об изматывающих гастролях в летнюю жару. Но поведение Бриана и периоды его

работоспособности в последние месяцы стали еще более непредсказуемыми, так что я знал, что могу понадобиться.

Гамбург был выбран исключительно по ностальгическим соображениям. Мы добирались на самолете и на частном поезде, и битлы всю дорогу с воодушевлением вспоминали старые времена в Рипербане. Но, как и многое другое, Гамбург для них потерял свое очарование. Они больше не могли неузнанными прогуляться по городу, заглянуть в секс–шопы и полюбоваться на проституток в витринах. Больше не могло быть ночных вакханалий и встречи рассвета, занимающегося над крышами Гербер–штрассе. Бары и клубы, где они выступали всего четыре года назад, были закрыты. То, что когда–то казалось соблазнительным и экзотическим в ночном мраке, теперь, при дневном свете, выглядело убого. Астрид Кирхнер, красивая молодая подруга Сту Сутклиффа, так театрально изменившая

внешность битлов, работала барменшей в баре для трансвеститов. Она так и не получила ни цента за ее всемирно известные фотографии ребят в кожаных костюмах и ковбойских шляпах, и ей ничего не заплатили за созданную ею знаменитую прическу. В ее маленькой квартирке одна комната была затянута черным бархатом, и там всегда горели свечи под фотографией покойного Сту Сутклиффа.

Из Гамбурга через Северный полюс мы летели в Токио, но нас среди ночи посадили в Анкоридже из–за тайфуна, свирепствовавшего в Китайском море. Было морозно, падали хлопья снега, и Бриан с «Битлз» так расстроились, когда их разместили в маленькой гостинице, словно тайфун оскорбил их лично.

Мы добрались до Токио только к вечеру следующего дня. В аэропорту нам сообщили о крайне неприятном сюрпризе. Невысокий, официальный, но вежливый комиссар полиции в штатском усадил нас в кресло для важных гостей и объяснил, что один камикадзе из правого крыла воинствующих студентов поклялся, что «Битлз» не покинут Японию живыми. Студенты особенно возмущались потому, что «Битлз» должны были дать три вечерних концерта в Будокане, а это национальная святыня, памятник павшим на войне героям. Комиссар объяснил, что не следует легкомысленно относиться к угрозам студентов–фанатиков. Битлы много раз бывали в опасных ситуациях, но никогда еще они не были так напуганы. Полиция проводила нас в зону выдачи багажа, где уже ждали доброжелательные японские организаторы концертов. Должно быть, тысяч десять фанатов выстроились по всему пути до города, но мы не могли не заметить среди них воинственных студентов с плакатами «Битлз», убирайтесь домой!».

Отель «Хилтон» в Токио был превращен в вооруженный лагерь. Весь верхний этаж заняли вооруженные отряды, лифт отладили так, что он останавливался только на нижнем этаже, где военные с пистолетами круглосуточно проверяли каждого, пропуская наверх по единственной лестнице. «Битлз» удобно устроились в президентском номере, где было шесть или семь комнат, а мы с Брианом поселились в меньшем по размеру, но не менее великолепном императорском номере в другом конце холла. Как только мы разместились в отеле, администрация информировала нас, что в целях безопасности «Битлз» не должны выходить из номера, за исключением поездок в Будокан на концерты. Недовольные тем, что они считали излишними предосторожностями, битлы уселись в своем номере в церемониальных шелковых кимоно и, подобно четырем римским

императорам, принимали посетителей, предоставивших им все богатства страны.

Директора крупнейших компаний Японии лично прибыли в отель, чтобы предложить им свои товары, и за несколько часов ребята истратили сотни тысяч фунтов на фотоаппараты, одежду, часы, ювелирные изделия и прочее.

Ребята были паиньками и не выходили из номера вплоть до концерта. В Будокан нас доставили с «ветерком», на дороге перекрыли все движение, ничего подобного город еще не переживал. В вежливости японской публики было что–то сверхъестественное. Аккуратные мальчики и девочки скромно сидели на своих местах и аплодировали после каждого номера.

Без тени сожаления мы покинули Японию и двинулись к Филиппинским островам. Манила, с ее теплым солнцем и экзотической природой, обещала благоприятную перемену в настроении после напряженных дней в огромном Токио. «Битлз» пользовались особой популярностью у филиппинцев, и билеты на 2 концерта в «Арапета Колизеум» были сразу распроданы. В аэропорту собралась огромная толпа — больше 50 000 человек. Армейский эскорт провел нас к лимузинам, любезно предоставленным местными организаторами.

А затем произошло нечто, о чем здесь упоминается впервые: вместо того, чтобы отправить в отель, нас отвезли к пристани и посадили в лодку. Мы отплыли в море на милю или две, а потом вернулись обратно. Таким образом, нас на полчаса просто оторвали от нашего багажа. Мы страшно волновались, поскольку знали, что битлы возят в футлярах для инструментов несколько фунтов марихуаны. Обычно их чемоданы просматривали на таможне очень формально, если вообще просматривали, с ними обращались, как с дипломатами. Мы получили наш багаж без вопросов и объяснений. Никто не хотел быть втянутым в международный инцидент, но именно это и произошло.

На следующий день с полдюжины военных в формах из президентского дворца предстали перед дверью номера Вика Левиса. Левис был агентом по ангажементам, улаживал дела, связанные с международными гастролями, и присоединился к нам в Японии. Полиция желала знать, когда «Битлз» прибудут на «торжество».

«Какое еще торжество? — спросил обалдевший Левис. — Не знаю ни про какое торжество». Он отправил офицеров к Бриану. Мы с ним завтракали в буфете отеля. У полицейских в формах цвета хаки был очень неприятный тон. От них нам удалось узнать, что Имельда Маркос, жена президента Фердинанда Маркоса, устраивает ленч в честь «Битлз», и их немедленно ждут в

президентской крепости Малачанг. Во многом Имельду Мар–кос боялись больше, чем ее мужа–диктатора. Бриан заявил, что впервые слышит о приглашении. Позднее он выяснил, что Тони Бэрроу, ответственный за протокольные мероприятия, получил приглашение, но оно почему–то так и осталось без ответа. Кто бы ни был виноват — Бриан, Бэрроу или Вик Левис, битлы не собирались никуда ехать.

Они крепко спали в своих номерах, а Бриан и не собирался их будить.

Через несколько минут Бриану позвонил посол Великобритании и заявил, что не считает хорошей идеей игнорирование торжества, устраиваемого миссис Маркос в честь «Битлз». Бриан ответил, что сожалеет, но помочь ничем не может. Даже если бы битлы получили приглашение вовремя, они бы все равно отказались, как отказывались от любых официальных приглашений, будь то дипломаты, королевская семья или диктатор.

Ребята тем временем мирно спали и проспали все торжество. В полдень их разбудили Нил и Мэл, принесшие завтрак, а после этого они поехали на футбольный стадион Аранета. 100 000 человек толпились на стадионе и вокруг него, чтобы послушать часовой концерт в двух отделениях. Как обычно, все визжали от счастья и бились в истерике. Тем временем мы с Брианом смотрели в номере телевизор. Передавали вечерние новости. На экране убитая горем Имельда Маркос бродила по своему дворцу, страдая от оскорбления, нанесенного «Битлз». Комментатор сообщил, что музыканты так и не пришли на торжество, устроенное в их честь, и просто «плюнули в глаза нации».

Как только передача закончилась, Бриан связался с менеджером телепрограммы, передающей правительственные сообщения, намереваясь дать разъяснения филиппинскому народу. Мы с ним помчались на телестудию, где, к нашему удивлению, его сразу приняли и усадили перед камерой. Трансляцию передачи прервали, и Бриан вышел в эфир, обращаясь ко всей стране. Не успел он принести извинения, как пришло указание из крепости Малачанг немедленно выключить звук. Ни объяснений Бриана, ни его извинений так никто и не услышал.

А «Битлз» даже не подозревали о случившемся. После концерта их доставили обратно в отель. Вечер прошел нормально. Они играли в карты, пили шотландское виски и кока–колу и курили травку. Ребята решили лечь спать пораньше, поскольку утром они должны были быть в аэропорту, чтобы вылететь в Нью–Дели, где мы собирались отдохнуть несколько дней.

Среди ночи Вика Левиса вытащили из его номера трое полицейских и доставили в полицейский участок. Там его почти всю ночь допрашивали два похожих на гестаповцев офицера, задававшие один и тот же вопрос: «Почему вы не явились на торжество?»

Рано утром Нил заказал завтрак на шестерых и ждал, когда его принесут. Ребята принимали душ и одевались. Поскольку завтрак все не подавали, Мэл несколько раз звонил по телефону, но, похоже, дежурного не было на месте. Тогда Мэл спустился в вестибюль узнать, что случилось. В вестибюле было подозрительно тихо. Полицейская охрана, обычно дежурящая в вестибюле, куда–то исчезла. Не было охраны и у лимузинов, не было никакого сопровождения, кроме двух одиноких шоферов. Когда Мэл наконец отыскал какого–то служащего у стола дежурного, тот грубо ответил, что «Битлз» больше не обслуживаются. Мэла это крайне поразило, но тут его взгляд упал на газету, лежащую в вестибюле. Он прочел заголовок: «БИТЛЗ» ОСКОРБИЛИ ПРЕЗИДЕНТА».

К тому времени, как Мэл с газетой вернулся в номер «Битлз», они, включив телевизор, уже и сами узнали, чем так взволнована вся страна. Мы решили, что самое лучшее — поскорее убраться отсюда. Тони Бэрроу, Мэл и Вик Левис начали выносить багаж к арендованному фургону, понимая, что без посторонней помощи они к самолету не успеют. Бриан позвонил в агентство КЛМ и попросил связать его с пилотом по рации. Он обратился с личной просьбой не оставлять их во враждебной стране и объяснил, что мы уже мчимся в сторону аэропорта. Пилот согласился ждать сколько возможно, до тех пор, пока не заправят самолет, а затем он вылетит из Манилы с «Битлз» или без них.

Начались гонки. Без полицейского эскорта мы добирались, наверное, несколько часов по перегруженным в утренний час пик дорогам. Шоферы дважды сбивались с пути. Когда же впереди показался аэропорт, мы пришли в ужас — некогда гражданский аэропорт превратился в вооруженный лагерь. Помимо нескольких тысяч вооруженных солдат, здесь собралась толпа из сотен рассерженных горожан, поджидавших нас. Машины остановились у здания аэропорта, и толпа расступилась, образовав коридор, по которому нам предстояло пройти, чтобы добраться до входа.

Оказавшись в здании аэропорта, мы обнаружили, что эскалаторы, лифты и табло с информацией о полетах отключены. Шли драгоценные минуты, а мы бегали вокруг, пытаясь выяснить, где находится самолет КЛМ. Офицер коротко скомандовал нашей группе следовать за ним и провел нас к таможне. Пока он медленно и дотошно изучал наши паспорта и визы, на площадку

для обозрения выпустили рассвирепевшую толпу. За несколько секунд они облепили стекло и стали орать, требуя крови. Внизу солдаты гоняли нас от одной стойки к другой, тыча прикладами, а крики на балконе становились все громче. В какой–то момент Мэл храбро попытался вмешаться и встал между солдатами и битлами, и тогда на Мэла набросилось сразу шесть солдат. Они повалили его на землю. Бриана несколько раз толкнули в спину и плечи, а Ринго ударили так, что он уронил дорожную сумку. Наконец нам позволили подняться на борт авиалайнера. Однако атмосфера в самолете была не намного дружественнее, поскольку в салоне находились перепуганные и злые пассажиры, с нетерпением ожидавшие вылета в Нью–Дели. Мы рухнули на свои места, надеясь, что испытания закончились, но тут появился офицер, потребовавший, чтобы Тони Бэрроу покинул самолет для проверки паспорта. Тони под конвоем вывели из самолета. В эту минуту пилот попросил Бриана зайти к нему, и я направился вместе с ним в кабину. Пилот сказал, что нам придется взлететь без Тони. Бриан умолял его не оставлять Тони и отвлекал пилота до тех пор, пока Тони наконец не вернулся в самолет. Двери быстро закрылись, и огромный авиалайнер поднялся в воздух, оставляя внизу здание аэровокзала.

Наша гастрольная группа забилась в салон первого класса и пыталась унять дрожь. Из иллюминатора мы видели разъяренную толпу, которую выпустили на взлетную полосу. Люди продолжали размахивать кулаками и выкрикивать проклятия.

Бриан перенес инцидент очень тяжело. Его тошнило, и у него поднялась температура. К тому времени, когда мы подлетели к Нью–Дели, он настолько ослаб, что ему потребовалась помощь, чтобы дойти до ожидавшей нас машины. Врач приходил в отель «Интерконтиненталь» ежедневно, в течение всего срока нашего пребывания.

Битлы негодовали, считая Бриана виновным во всем случившемся. Они пили у себя в номерах, курили травку по кругу и обсуждали жуткие события в Маниле и истерическую сцену в самолете. Общее мнение было таково, что Бриан «выдохся и больше не может контролировать ситуацию».

«К черту, — сказал Джон. — С меня хватит. Мы прекращаем гастроли».

Они сообщили Бриану о своем решении в самолете, летевшем из Нью–Дели в Лондон. Это так расстроило Бриана, что все тело у него покрылось сыпью и пятнами. «Что я буду делать, если они перестанут гастролировать? — лихорадочно спрашивал меня Бриан. — Что мне остается?» «Не будь смешным, — отвечал я. — У тебя масса дел». И я говорил правду. Для Бриана открылись

такие потрясающие перспективы, каких не было еще ни у кого в шоу–бизнесе. Но Бриан считал, что если «Битлз» не будут заполнять все его время, ему ничего больше не останется. Сыпь оказалась крапивницей, и Бриана уложили в постель на месяц. Доктор Норман Кауан прописал ему отдых. Он отправился на северное побережье Уэльса — самое подходящее место для того, чтобы отдохнуть от Лондона. Все давали ему один и тот же совет: «Попробуй не волноваться».

3

Но бедному Бриану довелось пробыть в Портмерионе всего четыре дня. Из Америки долетел слух, что «Битлз» попали в эпицентр страшного скандала. Все началось довольно невинно несколько месяцев назад, когда журналистка Маурин Клив в «Ивнинг Стэндард» поместила очерк о Джоне Ленноне. Прошлой весной ей разрешили побывать у каждого из битлов дома, взять подробные интервью и познакомиться с их женами. В разговоре в Джоном Клив коснулась тем, которые обычно не обсуждают с поп–звездами. Говоря о несостоятельности официальной религии, Джон заявил: «Христианство уйдет. Оно уйдет. Оно отцветет и отпадет. Я не стану дискутировать на эту тему. Я прав, и время докажет, что я прав. Сейчас мы популярнее Иисуса. Я не знаю, что уйдет в первую очередь — рок–н–ролл или христианство. Иисус был хорош, но его ученики примитивны…»

В Англии эти высказывания не комментировались ни общественностью, ни прессой. Для англичан это был лишь очередной пример непочтительности Джона к авторитетам. Но через несколько месяцев беседу перепечатал американский журнал для подростков «Дэйбук», и разразился жуткий скандал. Религиозная американская общественность вооружилась. Общество евангелистов, взбешенное замечаниями Джона, буквально и фигурально начало охоту на «Битлз». Пластинки сжигались, мусорные урны расставлялись вдоль домов сплошным ковром, магазины грампластинок перестали принимать пластинки «Битлз». В течение первых пяти дней бойкота более тридцати пяти радиостанций под давлением религиозных групп наложили запрет на музыку «Битлз». Пастор новой баптистской церкви в Кливленде Баббс пригрозил, что проклянет любого своего прихожанина, если тот посетит концерт «Битлз». В Южной Каролине Великий Дракон ККК прибил альбомы «Битлз» к пылающим крестам и поклялся, что они не будут в безопасности, если приедут в Америку. Даже газета Ватикана сочла

необходимым прокомментировать замечания Джона и предостерегла, что «к некоторым предметам нельзя относиться непочтительно, даже в мире битников».

Хуже всего было то, что все американские организаторы концертов, подписавшие с «Битлз» контракты на следующее лето, грозили их расторгнуть.

Бриана привезли в Честерский аэропорт, где его уже ждал частный самолет. Он вылетел в Нью–Йорк, где его встретил лимузин и доставил в контору Ната Вайса. Не прошло и двенадцати часов с тех пор, как первый телефонный звонок известил о беде.

«Во что обойдется аннулирование гастролей? — спросил Ната Бриан. — Ребята достаточно натерпелись за этот год».

«За миллион долларов наличными ты, может быть, и расплатишься с организаторами, а они, в свою очередь, заработают на этом миллионы долларов», — ответил Нат.

«Я заплачу, — упорствовал Бриан. — Аннулируй все концерты. Я оплачу все до последнего цента из собственного кармана. Если с ними что–то случится, я этого не переживу».

Нату все же удалось убедить Бриана, что нет нужды аннулировать турне целиком. И все можно уладить мирно, если Джон принесет публичное извинение. Бриан воспользовался телефоном, стоявшим у Ната на рабочем столе, позвонил Джону в Уэйбридж и изложил свой план. Джон вышел из себя при одной мысли, что ему надо извиняться за свои убеждения. После долгих уговоров Джон согласился разъяснить на пресс–конференции, что он имел в виду.

Тем временем Бриан собрал свою пресс–конференцию в Нью–Йорке и обратился к репортерам:

«Заявление, сделанное Джоном Ленноном для лондонской газеты примерно три месяца назад, было процитировано в отрыве от контекста всей статьи, которая фактически являлась компли–ментарной в отношении Джона Леннона как личности и была написана исключительно для «Ивнинг Стэндард». Не предполагалось, что отрывки статьи могут в таком виде попасть на страницы американского журнала для подростков».

Вернувшаяся в Лондон Маурин Клив, огорченная тем, что стала причиной стольких несчастий, тоже сделала заявление для прессы: «(Джон), конечно же, не сравнивал «Битлз» с Христом. Он просто заметил, что положение христианства настолько непрочно, что многим людям «Битлз» известны лучше. Он был скорее огорчен этим, чем доволен».

Когда «Битлз» 11 августа прибыли в аэропорт О'Хара, их уже поджидала кучка злобных газетчиков и диск–жокеев. Вечером

всех пригласили на пресс–конференцию, организованную в гостинице. Джон взял микрофон. Он был бледен и нервничал.

«Если бы я сказал, что телевидение популярнее Иисуса, все бы обошлось. А поскольку я говорил о другом, я употребил слово «Битлз» как абстрактный пример, не так, как я вижу «Битлз», а как их видят другие люди. Я просто сказал «они», то есть те, кто имеет большее влияние, чем остальные, включая Иисуса. Но я сказал это так, что слова прозвучали неправильно. Я не говорю, что мы лучше или известнее Иисуса как человека или Бога как вещи или что он там такое есть. Я просто сказал то, что сказал, а это было неправильно или было понято неправильно, и вот теперь все закрутилось».

Сбитые с толку репортеры переглянулись. Немедленно последовал вопрос: «Но вы готовы принести извинения?» Джон полагал, что он уже сделал это. Он начал закипать. «Я не против Бога, Христа или религии. Я не говорил, что мы более знамениты или лучше. Я верю в Бога, но не как во что–то конкретное, не в старика на небесах. Я верю, то, что люди называют Богом, есть в каждом из нас… Я не говорил, что «Битлз» лучше Бога или Иисуса. Я воспользовался понятием «Битлз» для примера, потому что о них мне было легче говорить».

Продолжались настойчивые вопросы. Неужели он будет упорствовать? Бриан бросал ему обеспокоенные взгляды.

«Мне действительно жаль, что я это сказал, — говорил Джон. — Я не имел в виду ничего плохого, я не против религии… Я приношу свои извинения, если это сделает вас счастливее. Правда, я до сих пор так и не понял, что такого натворил. Я попытался вам объяснить, что именно имел в виду, но если вам хочется, чтобы я извинился, если это вас сделает счастливыми, ну, тогда о'кей, я извиняюсь».

Джон переживал кризис: он устал от рекламы, заискивания перед прессой и публикой, от необходимости все время скрывать свои чувства и мысли. Он дал себе клятву, что больше этого не будет. И действительно, через несколько минут на пресс–конференции Джон сделал свое первое политическое заявление о вьетнамской войне и американском участии в ней, оставшееся, к сожалению, незамеченным.

Извинение Джона по поводу «недоразумения с Иисусом» помогло усмирить бушующую стихию, но не сняло полностью напряжения. Американское турне приобрело форму такого же кошмара, что и предшествовавшие ему гастроли по Японии и в Маниле. 14 августа «Битлз» выступали на муниципальном стадионе в Кливленде под проливным дождем. Бриану пришлось остановить концерт из опасения, что их убьет электротоком.

Тускло выглядело выступление группы в Вашингтоне и Торонто. 19 августа битлы выступали в Теннесси. «Мемфис Колизеум» пикетировали ККК. Именно тогда возникла реальная опасность, что в аудитории окажется снайпер, и полицию попросили организовать вооруженную охрану. В середине выступления на сцену бросили шутиху, она взорвалась, и Джордж Харрисон чуть не потерял сознание от страха. Во время концерта в Цинциннати 20 августа Пол так нервничал, что уронил декорации. Двадцать четвертого они вернулись в Нью–Йорк, чтобы выступить на стадионе «Шеа», все билеты были распроданы заранее. Когда им за кулисы принесли в подарок огромный торт, Джон спросил, нет ли внутри голой женщины. Узнав, что там ничего нет, он заявил: «Не надо нам вашего дурацкого торта», — и гордо отвернулся. Двадцать пятого августа «Битлз» выступили в Сиэтле, а затем улетели в Сан–Франциско, чтобы дать последний концерт в Кау–Пэлас.

4

«Я должен сделать заявление, — сказал Бриан Нату Вайсу, когда они сидели в гостиной отеля «Беверли–Хиллз». — Завтра вечером в Сан–Франциско «Битлз» дают свой последний концерт».

«Я тебе не верю», — ответил Нат, полагая, что это одно из фаталистических пророчеств Бриана. В последнее время Бриан только и делал, что изрекал что–нибудь драматическое. Он так и не оправился после крапивницы, и его состояние усугубилось привычным употреблением транквилизаторов. Его любовные связи стали более открытыми, но и более опасными. Ночной портье неоднократно останавливал неопрятных визитеров, направлявшихся в номер Бриана. Обычно Бриан сам спускался в фойе, чтобы уладить дело. «Этот человек — мой дорогой гость», — говорил он, провожая молодого рабочего со стройки к лифту. В конце визита отель выставлял ему счета за следы, оставленные башмаками рабочего на ковре у дивана в гостиной.

«Но это правда, они послезавтра перестают гастролировать, — настойчиво повторил Бриан, наливая Нату шотландское виски. — Они сказали, что больше не хотят этим заниматься. Всегда найдется что–нибудь, чтобы меня утешить. Дизз Джил–леспай мне звонил. Он здесь, в Лос–Анджелесе».

Сначала Нат не поверил, потом рассердился. «Бриан, ты не должен иметь ничего общего с этим парнем…»

«Ну, ну, — перебил Бриан, — он проделал такой путь, чтобы разыскать меня. Он сказал, что приехал потому, что любит меня».

Они встретились с Диззом в доме на Беверли–Хиллз. Для Бриана это был один из коротких идиллических моментов. Впервые они были вдвоем, не было ни слуг, ни прессы, ни битлов. Позднее Бриан с Диззом отправились в местный супермаркет, чтобы купить что–нибудь к обеду.

За обедом он вновь сказал: «Я должен сделать заявление. Завтра вечером «Битлз» дают последний концерт, и я хочу, чтобы вы оба туда пошли». Нат все еще не верил ему, но согласился присоединиться к Бриану и Диззу в Сан–Франциско.

На следующее утро, проведя ночь в арендованном доме, Дизз вернулся к Бриану за забытым чемоданом. Когда Бриан с Натом пришли домой, Дизза уже не было. Не было и кейсов Бриана и Ната. У Ната в кейсе находились важные деловые документы, и их пропажа сулила серьезные неприятности, а в кейсе Бриана был большой запас неизвестных таблеток, с полдюжины любовных записок с именами, поляроидные фотографии его молодых друзей и, наконец, 20 000 долларов в коричневом пакете, полученных от последнего концерта и предназначенных для выплаты премий. Любое из этих разоблачений сделало бы «скандал Джона с Иисусом» веселым праздником Пасхи.

Нат уже много раз наблюдал, как у Бриана меняется настроение, но никогда ему не доводилось видеть, чтобы он так страшно переживал. Ему была ненавистна мысль, что его снова обвели вокруг пальца и втянули в скандал, грозящий разоблачениями.

Нат Вайс настаивал на необходимости известить полицию, но Бриан и слышать ничего не хотел. Он не желал рисковать, опасаясь скандала. Лучше пусть все останется у Дизза — бумаги, деньги, таблетки, чем допустить возможность, чтобы в этом копались газетчики. Бриан уже представлял себе заголовки. На следующее утро он вместе с «Битлз» улетел в Лондон.

Не успел Бриан подъехать к своему дому, как ему позвонил из Нью–Йорка Нат Вайс. Нат получил письмо от Дизза Джиллеспая, требовавшего еще 10 000 долларов наличными в обмен на фотографии и письма Бриана. «Заплати ему, — упрямо повторял Бриан. — Просто отдай эти чертовы деньги». Ничего не сказав Бриану, Нат нанял частного детектива в Лос–Анджелесе и по телефону договорился с Диззом о встрече. Дизз Джиллеспай не пришел, а прислал своего молодого сообщника, которого частный детектив и передал полиции. Сообщник «привел» их к кейсу в обмен на обещание не взимать штраф. В кейсе все еще лежали 12 000 долларов, но уже не было ни таблеток, ни компрометирующих писем и фотографий. Дизз забрал 8000 и скрылся.

Теперь Бриан жил под постоянной угрозой, что когда–нибудь Дизз обнародует письма и фотографии в газете. Он был настолько подавлен, что его личный врач Норман Кауан попросил меня под любым предлогом пожить несколько дней на Чэпел–стрит.

Однажды вечером после обеда Бриан ушел к себе в комнату. Поскольку это было для него не характерно, я через полчаса заглянул к нему проверить, все ли в порядке. Мне показалось, что он спит, и я попытался разбудить его. Но Бриан не спал, он был без сознания. Я похлопал его по щекам, а когда это не помогло, позвонил доктору Кауану. Доктор посоветовал вызвать «скорую помощь» и отвезти Бриана в ближайшую больницу Сент–Джордж, чтобы ему сделали промывание желудка.

Я все тщательно обдумал и отказался. По опыту с «Битлз» я знал, что больницы и полицейские участки имеют штат платных осведомителей, которые информируют газетчиков, если там появляются знаменитости, и попросил доктора Кауана приехать.

Мы с доктором и шофером вынесли Бриана через главный вход и аккуратно уложили на заднее сиденье серебристого «бен–тли». А я в машине д–ра последовал за ними. Шофер гнал «бентли» на бешеной скорости всю дорогу до Ричмонда, в то время как д–р Кауан делал Бриану искусственное дыхание. В Ричмонде Бриану промыли желудок и уложили в постель.

«Бриан, что с тобой? Зачем ты это сделал? У тебя же столько всего, ради чего стоит жить», — говорил я ему.

«Это просто глупый несчастный случай, — слабо ответил Бриан. — Я принял на таблетку больше. Я не хотел этого».

Но, вернувшись в тот вечер на Чэпел–стрит, я узнал, что это не было несчастным случаем. На ночном столике Бриана рядом с пустым пузырьком из–под таблеток лежала предсмертная записка, которую я раньше не заметил. Там были такие слова: «Это все для меня чересчур, я не могу больше этого выносить». Далее шло короткое завещание, по которому он оставлял свой дом, дело и деньги матери и Клайву. Мне он тоже оставил небольшую сумму.

На следующий день я принес письмо Бриану в больницу и потребовал объяснений. Он был благодарен, что я никому о нем не сказал, и забрал письмо, обещая сжечь его.

Когда Бриана выписали из больницы, было решено, что он некоторое время отдохнет в специальной клинике в Патни…

Рассказом о последних гастролях «Битлз» мы заканчиваем публикацию глав из романа «Любовь, которую ты отдаешь». Отныне каждый из музыкантов пойдет своей дорогой…

notes

Примечания

1

Тедди бой — разг. — стиляга, пижон (50–е годы). Тедди — уменьш. от Эдуард; часть молодежи подражала моде короля Эдуарда VII (1901–1910); правление короля Эдуарда VII характеризовалось отходом от строгой викторианской морали.

2

Лондонский городской аэровокзал авиакомпании «Бритиш эруэйз».

3

«Надменный, галантный, веселый Лотарио», персонаж трагедии Николаса Роу (1678–1718) «Прекрасный кающийся грешник». Имеется в виду человек, безответственно вступающий в любовные связи с женщинами.

4

«Фойлз» — крупнейший книжный магазин Лондона: назван по имени первого владельца.

5

Фонетический прием, основанный на созвучиях.

6

Карточные игры.

7

Разновидность бильярда.